

Вик Росс

КНИГА 2

ЖЕРНОВА

Если ты выбрался из одной ямы, то это не значит, что ты не свалишься в соседнюю...

Если ты раскрыл одну тайну, это не значит, что не вляпаешься в другую...

Но ведь это не значит, что ты должен остановиться...

Обретенная свобода оборачивается новыми рисками для Бренна. Множатся друзья и враги, ошеломляют опасные ответы на вопросы и поджидают за поворотом страшные открытия. Круговорот давних событий затягивает Бренна в гибельную воронку, и смертельная схватка с тенями прошлого становится ключом к его будущему.

Глава 1. Ставка на жизнь

Подождав, когда на трибунах схлынет прилив эмоций, маор вновь ударил в гонг, призывая к вниманию, и провозгласил: — Радуйтесь, почтенные гости! После недолгого перерыва, во время которого можно сделать ставки и отдохнуть, вы получите редкую возможность насладиться дополнительным бесплатным развлечением. Перед боями кортавида-ныряльщиков вы увидите подводную схватку одного из прошедших Игру живцов с огромным и страшным, — маор поднял вверх жезл, — но вполне себе безобидным сквидом, доставленным в Бхаддуар из морей далекого Абиссая.

Маор широко оскалился, одобрительно кивая в ответ на довольный рокот, прокатившийся по трибунам.

— В случае победы порха над морской тварью великодушный хозяин Казаросса господин Нут ан Хурц дарует ему свободу! Свободу порху, мои благородные гости, порху, а не морской твари! — маор опять показал свои акульи зубы, призывая всех посмеяться над его шуткой. — И этим счастливым станет... — он сделал паузу, — бывший живец, а с этой минуты молодой кортавида под номером девяносто девять!

Трибуны восторженно зашумели — щедрость хозяина Казаросса, дармовая забава и возможность сделать новые ставки удовлетворили всех без исключения гостей. Кроме одного...

Разомлевшего от жары Дуги пробил холодный пот. Происходит что-то страшное. Приникнув к трубе, он всматривался в побледневшее лицо Бренна с крепко сжатыми губами, видел его тело, покрытое ссадинами и ранами, и сочащийся кровью багровый ожог на бедре.

— Сквид иль кракус — он же моллюска мягкая, а парнишка шустро скакал — живо его порубает, — уверенно заявил пузатый мужичок, и, махнув служителю, сделал маленькую ставку на Бренна.

— А тебе эту моллюску заранее показали? Почем знать, каков он в длину то? Мож раскорячится во весь Аквариум... — вмешался старый бочар, яростно выпуская из ноздрей дым дешевого табака.

— Да, брось, дядя, — услышал Дуги веселый молодой голос. — Какой прок полудохлого живца против исполинского крака выставять? Верняк, это просто кальмар-переросток — таких в Старой каракатице в сливках запекают... Вкуснятина...

— Какой прок?! Да шоб ты ставку на порха сделал, думая, шо ему в противники кальмар достанется, а сквид-то человечка схрупает на раз, и сливки ему твои сраные не понадобятся...

— Мож и так... Я, пожалуй, свои кровные приберегу, — покачал головой мужик в рыбацкой робе, — ни в жизнь не забуду, как зверушка, навроде сквида, клювом острогу грызла, кою ей в пасть засадили...

— Темнят они, точно темнят... — угрюмо согласился с приятелем черный от загара рыбак. — Настоящий здоровенный крак, что на дальнем юге водится, и ракоскорпиону панцирь раздробит, и целаканту черепушку пробьет... У дохлых дельфинов, что на берег у Лисса бросало, я цельные ямы выеденного мяса видал — аж до самого позвоночника. — На крака ставлю. Выпотрошит он мальчонку...

У Дуги противно засосало под ложечкой. Другие парни старше и выше Бренна... Почему же именно его, да еще раненного, заставляют снова выходить на бой? Ведь раньше

никогда такого не было! И почему тот сургач, которому Морай выкуп отдал, даже не предупредил? Когда Дуги уходил в Казаросса, мастер-кузнец даже не оторвал взгляд от раскаленной заготовки на наковальне. Видно, не хотел, чтоб он заметил, как его мучает напряженное ожидание. Ожидание вести, что приемыш выжил и скоро... будет рядом. Наверное.

— Ставлю на кортавида! — Дуги спрыгнул с насиженного кронштейна и в потной ладони протянул малый серебряный ар с выбитым профилем королевы Элмеры, равный недельному заработку мастера-каменщика.

— Жирно живешь, парень, — покачал головой бочар, пыхнув трубкой. — Такие деньжищи проиграть... Отец холку не намнет?

— Я сегодня выиграю сто таких аров, — голос Дуги звучал тем уверенней, чем меньше он верил в победу Бренна.

За время перерыва, пока гости объедались сладостями и пили, кто вино, а кто — дешевый эль, «декорации» на арене полностью сменились. Утонувшие или качающиеся на воде трупы и дохлых рыб быстро убрали сетями и крючьями. Потом загудели насосы, скрытые в подземных лабиринтах, и красная вода стала стремительно уходить, образуя на поверхности бурлящий водоворот, в котором мелькали оторванные пальцы, куски мяса, вырванные из людских тел и рыбьих туш, хвосты и плавники. Одновременно сворачивалась, складывалась и со скрежетом опускалась игровая конструкция с опорами, перекладинами и мостками. А по периметру арены поднимались прозрачные стены из прочного стекла, изготовленного умельцами Ордена Непорочных. Само собой, с помощью ядзу. Кроме особой хрустальной чистоты, стекло обладало свойством, не искажая пропорций, в два раза увеличивать объекты внутри аквариума, — и это делало зрелище боев незабываемым.

Благодаря сложной системе трубопроводных обвязок, разработанной века назад мастерами Ордена, огромный резервуар стал быстро заполняться чистой водой, уровень которой поднялся до третьего яруса. С бьющимся сердцем, Дуги в отчаянье смотрел на арену, которая на глазах превращалась в колоссальный сосуд — Аквариум. И сегодня это зрелище не восхищало, а ужасало его. Толщу воды пронзили лучи подводного освещения, и она заиграла всеми оттенками бирюзы, серебра, изумрудов и лазури.

Выровнять дыхание не удавалось. Свежий ожог горел так, будто раскаленное железо все еще продолжало грызть тело. Острая боль, когда раны забивали слоями едкой смолы, останавливающей кровь, усиливала дрожь после предельного напряжения во время боя. Помня обещание сургача, Бренн попытался поймать его взгляд, — ему хотелось услышать еще раз, что тот поможет ему вырваться из стен Казаросса. Хотелось получить чуть больше призрачной надежды.

— Да, совсем забыл, — снисходительно посмотрел на него Акулий Хрящ, отлично понимая состояние новоиспеченного полуживого кортавида, — перед нырком подыми башку и скрести руки над головой...

— Руки над головой? — с недоумением повторил Бренн.

— Это будет вроде как знак твоей родне или кто там сегодня болеет за тебя на трибунах... Знак о том, что все договоренности в силе и что все честно...

Бренн едва сумел остановить шальной поток готовых вырваться вопросов. Только вот задавать вопросы бесполезно, сургач сказал лишь то, что посчитал нужным. Но ведь главное — Морай и Дуги знают, что он жив, а значит, не все потеряно. И если он должен подать

знак, то кто-то из них будет на трибунах... А иначе, к чему Джергу Ригану поддерживать в нем надежду?

К чему? Да может, сургач просто смеется над дурачком-живцом... Ведь Бренн и сам над собой смеется. Разве не смешно, что, как в прошлый раз — после небрежно брошенных слов Хряща о возможности побега, так и сейчас — после того, как он велел подать знак родне, Бренн опять всерьез думает, что сможет выжить... Ну, да — так и есть... Теперь он готов загрызть склизкую многорукую гадину, назначенную ему в противники. Только бы получить вождеденную свободу, только бы вернуть прежнюю жизнь...

Риган протянул ему флягу, из которой потянуло знакомым запахом кифи. — Пару глотков, не больше, — велел сургач, и уже будучи знакомым с действием противной смеси, Бренн с готовностью проглотил комковатую полужидкую кашу. Через пару минут тяжесть в голове прошла, будто он глотнул морского ветра, боль от ран стихла, а мышцы стали наливаться теплом.

Его отросшие до лопаток волосы собрали и скрутили, закрепив на макушке. Затем из пузатых сосудов с торчащими трубками слуги взяли распылать по его телу и лицу странно пахнущую краску, которая растекалась тонким слоем, маскируя ссадины и раны. Через пять минут, в соответствии с арианской модой раскрашивания порхов, он превратился в гладкую сияющую бронзой статую. Его вытолкнули на солнце и велели стоять, не шевелясь. На жаре краска стремительно высыхала, и казалось, срасталась с кожей, сжимая ее, как тугая маска. Затем ему распустили волосы, sprysнули их бронзовой пылью поверху, чтоб ярче блестели... Хрящ одобрительно кивнул, избегая встречаться глазами, и небрежно бросил:

— Охотникам до сучьих жоп твой вид понравится, порх...

На выпад сургача Бренн не обратил никакого внимания. Наставник шутит. А чего ему не шутить, весело ведь...

— Чем отскребают такую краску, господин? После боя? — спокойно спросил он, зная, что, для игроков Тухлый краб применяет дешевую краску, которая безопасна лишь в течение часа — а дольше и не требуется, и потому нужно смыть эту дрянь как можно скорей...

Сургач вяло приподнял бровь, окидывая бронзового кортавида чуть удивленным взглядом. — Надеешься дожить до этого момента, порх? Молодец, надейся, — кивнул он, швырнув на стол жесткий доспех из толстой двуслойной кожи с широкими застежками-ремнями на плечах, по бокам и на спине. В таких нагрудниках обычно сражались кортавида-подводники. Здесь был предусмотрен высокий — до подбородка — плотный жесткий горжет — ворот, прикрывающий шейные сосуды. Как раз такой и упоминал Микко.

Акулий Хрящ сидел в старом кресле, время от времени прикладываясь к бутылке с дешевым ромом. Пальцы его левой руки выстукивали рваный ритм. Риган старательно избегал взгляда Бренна, и это напрягало. С чего бы властному наставнику, что держал в кулаках жизни сотен порхов, прятать взгляд от мальчишки-раба... Огрубевший от соленой воды доспех задевал замазанные смолой и краской раны, и Бренн невольно морщился.

— Ты зачем нагрудник перевернул? — раздраженно спросил Хрящ, видя, что он застегивает спинные пряжки на груди, — или от страха свихнулся малость?

— Доспех мне велик, спереди топорщится... мешает, — ответил Бренн, не добавив положенное «господин». Он вдруг понял, что сургач не придумает наказание серьезней, чем то, что ему предстоит пережить через несколько минут.

— В шуты решил податься... — буркнул тот, — публику веселить... Ну-ну...

Бренн не обманывал себя и четко видел, что Джерг Риган совершенно потерял к нему

интерес, заведомо считая его кормом для головноного хищника. Но зачем тогда он обещал помочь с побегом, если ни капли не верит в его победу? Что за хрень? Ведь он получит от Морая приличный выкуп за живого Бренна? Или... Или он уже его получил? Заранее Поставив именно такие условия — все деньги вперед — а дальше, как боги решат. Ведь Морай бы согласился на такие условия — в этом Бренн был уверен. И если догадка верна, то безразличие Хряща к участи Бренна становится понятным. Но неужто бывший раб, а ныне уважаемый дрессировщик Джерг Риган повел себя, как... да как дешевый гнус из Канавы? И просто-напросто кинул на деньги кузнеца из Грайорде?

— Готовься, драчка начинается, — бросил Акулий Хрящ, и, не взглянув на Бренна, вышел. Обитая железом дверь тяжело хлопнула.

После того, как маор ударил в гонг, а раковины проревели три раза, в Аквариуме открылась стенная ниша, до этого забранная решеткой, и бирюзовая толща воды тяжело колыхнулась. Кишки у Дуги опять скрутило от страха.

Из темной дыры сначала показались мясистые щупальца цвета сырого мяса. Они медленно вытягивались, плотоядно подрагивали и свивались меж собой. И только потом стало появляться розовато-белесое тулово исполинского крака. По трибунам прокатился шумный вздох, гости на первых рядах в ужасе отшатнулись — увеличительное стекло многократно усиливало впечатление от монструозности хищника.

После того, как зрители пришли в себя, возобладало древнее непреодолимое влечение человека к жуткому кровавому зрелищу, надежно отгороженного от него мощной преградой, и людская волна качнулась вперед, с омерзением и острым любопытством разглядывая монстра. Он был совсем рядом, за прозрачным, казавшимся столь хрупким стеклом, и это возбуждало, приятно щекоча нервы, но зрители понимали, что сами находятся в совершенной безопасности.

Однако размеры хищника вызвали всплеск негодования у той части азартных любителей, которые сделали ставку на молодого кортавида, поверив что он будет сражаться пусть и с крупным, но обычным мягкотелым кальмаром.

— Я ж говорил вам дуракам, — захихикал старый бочар, удовлетворенный собственной правотой, — схарчит парня ваша моллюска — клювом косточки ему раздробит и на языке своем разотрет в кашу... Готовьтесь блевать!

Матросы рядом с Дуги свистели и грязно ругались, обозлившись, что их надули самым наглым образом. Недовольные гримасы появились и на лицах у многих благородных господ. Однако разочарование от грядущего денежного убытка быстро сменилось алчным интересом — проревел второй сигнал раковин, и на площадке появился сияющий бронзой светловолосый кортавида. Без маски. Слева, за поясным ремнем, — листовидный ксифос, в ножнах на правом плече — кинжал, в руке — треугольный кулачный баклер. Жертва для морского гада была подготовлена со всей тщательностью — умащена маслами и красиво покрашена. Потому незадачливый порх, приготовленный для пожирания, выглядел весьма привлекательно, особенно с учетом его юной свежести. И это удовлетворяло взыскательный эстетический вкус благородных гостей Казаросса.

Гости приготовились сполна насладиться праздником ужаса, волнуясь от мыслей о том, как это красивое молодое тело будет разорвано для их удовольствия. Чувствительные дамы прикладывали кружевные платочки к уголкам глаз, предвкушая сладостные рыдания по поводу гибели юной жизни и умиление собственным добросердечием.

Дуги с ненавистью глядел на трибуны ноблесс и гомонящих вокруг обитателей Грайорда, для которых его друг был лишь живым куском мяса, брошенным в виде корма злобному чудовищу. Хотя к чему злобиться... Ведь он сам, Бренн и Якоб, и Пепин, и даже Мелена не раз и не два ходили сюда развлечься чужой смертью, и не видели в этом ничего предосудительного или запретного. Да уж... Он приник к зрительной трубе, ерзая на кронштейне — одежда пропиталась потом, и штаны противно липли к заднице.

Вот Бренн поднял голову и стал поворачиваться, оглядывая стоящих на балконе простолудинов. Видно, надеется заприметить кого-то из близких. Но среди толпы вопящих, машущих руками зрителей разве можно разглядеть одинокую фигуру на кронштейне под самым навесом... Не веря в успех, Дуги нашарил под рубахой морской свисток Бренна — давний подарок Морая, который и посоветовал взять его с собой. Вряд ли свист можно услышать в таком гуле, но все же... Он несколько раз дунул резко, сильно, покраснев от натуги, вызвав на себя ругань и пожелания подавиться, и... увидел в зрительную трубу, как Бренн вздрогнул, будто и правда услышав старинный призыв морской дудки «всем наверх». Вот бронзовый кортавида развернулся, его прищуренные глаза распахнулись, и он посмотрел, казалось, прямо на Дуги. Да неужто! Не может быть! Но кортавида вдруг едва заметно улыбнулся, разжав плотно сомкнутые губы, вскинул вверх обе руки и скрестил их над головой. Дуги глубоко вздохнул — в горле пересохло — даже в перерыве он не слезал с насиженного места, чтобы купить воды, — ему казалось, что любая секунда может что-то изменить в судьбе Бренна, и нельзя, невозможно пропустить эту секунду. Бренн должен понять, что его друг здесь, что он рядом, он верит, он ждет!

Глава 2. Щупальцы

Бренн чувствовал, что кифи не только помогло собраться с силами, но быстрее погнало по венам горячее пульсирующее ядзу. Как действовать, он решил накануне, после того, как за Риганом захлопнулась дверь оружейной. Главное, что он должен сделать, это не дать себя задушить, после того, как гадина выбросит к нему свои ловчие руки. Тут слабое место — шея и грудная клетка. Если крак сдавит их в несколько обхватов, то ни горжет, ни доспех не спасут от удушья. Возможности увернуться от ловчих щупалец нет — в этом Джерг Риган прав. Вторая опасность — привлекающие внимание хищника трепыхающиеся руки и ноги, за которые тот и схватил незадачливого кортавида, о котором рассказывал Хрящ. Надо что-то придумать, чтобы не дразнить сквида дрыгающимися конечностями... А как ими не дрыгать? Замереть и зависнуть куском дерьма... и что это даст?

И ведь действовать придется стремительно, чтобы сохранить в легких запас воздуха, и чтобы присоски на щупальцах не рвали кожу слишком долго. Даже небольшое кровотечение, но во многих местах сразу, быстро ослабит его... А если брать в расчет, что в ранки тут же попадет ядовитая слизь... Храфна в задницу этому поганому сквиду!

От паники, боли, яда и потери крови он нахлебается воды, и... вкусный ужин для морского уroda готов. Тому даже не надо напрягаться, просто открыть свой жуткий клювик. Кушать подано! И, если вспомнить заживо съеденного бойца, то это не самая худшая участь для жертвы. Но Бренн — не жертва. Он боец, кортавида. И вывод из всего этого только один — исход веселой игры с головоногим определяется секундами. Время решит все.

У него в арсенале — меч, кинжал, смешной треугольный щит и клокочущая в крови ядзу — дар Жизнедателя. А просто так боги подарки не дарят. Они вполне справедливо ожидают, что их подарком воспользуются по полной.

Резко дернув за ремень, едва затянутый на груди, Бренн сбросил доспех, — трибуны зашумели, не понимая странности в поведении молодого кортавида. Он вскользь провел ладонью по правому плечу, которое терли шершавые ножны басларда. В последние минуты перед боем, вдруг сообразил, что если щупальце стиснет ему ногу, то он просто не сможет выдернуть кинжал из набедренных ножен. И, что, наплечный чехол в этом случае гораздо удобней. Хотя, может, он и ошибается. Ладно — поживем, увидим...

Придется использовать все уловки, чтобы как можно дольше продержаться без ядзу. Понимание этого пришло в тот самый момент, когда перед Игрой через узкую бойницу он увидел Верховного Жреца, подъезжающего к главному входу Казаросса. Вряд ли Скаах не учует сильный выброс прямо перед своим носом. На это можно было надеяться лишь в ходе Игры живцов — среди сумятицы хаотично движущихся тел очень трудно заметить короткие вспышки ядзу и определить их источник. Но только не сейчас, когда Бренн останется в Аквариуме один на один с хищником. И кроме того, он не знал, — и это пугало до усрачки, — хватит ли ему остатков ядзу, чтобы хоть как-то зацепить сквида, замедлить его движения, заморочить...

Сквозь бирюзовую воду он смотрел на огромного моллюска, по-хозяйски осваивающего Аквариум. Лишь здесь и сейчас, в ярко освещенном огромном резервуаре, а не в тесном бассейне Харчевни, Бренн в полной мере оценил размеры соперника-монстра. И содрогнулся. Сердце бешено заколотилось. Как бы тебе не обоссаться, отважный кортавида!

Эта мысль о возможном позоре на глазах у сотен ликующих уродов вызвала такое отвращение, что на корню срезала пакостные ростки охватившего его ужаса. Он со злостью топнул босой ступней о дощатый настил, выбивая из себя остатки паники...

В голове всплывали обрывки наставлений Акульего Хряща, которые вбивали порхам в головы в ходе водных дрессировок: при подготовке к нырку сделать спокойный и глубокий вдох, который должен быть в два раза короче, чем долгий выдох сквозь сжатые губы. Если нырок неглубокий — как сейчас, то достаточно продышаться раз шесть...

Нырять Бренн не стал, а медленно, без брызг, скользнул в воду. Меч и грузовое кольцо на шее потянули вниз, и он завис на глубине метрах в десяти от многорукого врага. Сквид немедленно среагировал на появившуюся добычу. Его тулово быстро меняло окраску с грязно-белесой на синюшно-багровую, перетекая в чернильно-черную. И за секунды в Аквариуме распустился кошмарный черный цветок. Сквид выворачивал наружу свои змеевидные щупальца, показывая то лоснящуюся черную сторону, то внутреннюю — цвета сырого мяса, усеянную присосками и крючьями. Казалось, раскоряченная, как паук, тварь, заполнила собой все водное пространство Аквариума.

Бренн висел в толще воды, заколдованный гипнотическими движениями хищника. И сбросил оцепенение, лишь когда в сердцевине плотоядного цветка стал раскрываться жесткий клюв, за которым темнел зев пасти, в которую легко бы влезла человеческая голова. Идея раздолбить мечом мозг сквида через пасть испарилась еще в оружейной, во время разговора с Хрящем. Он все сделает по-другому.

Ожидаемая атака была молниеносной, но до ее начала Бренн свернулся, как младенец в животе у матери, прижав подбородок к груди, и подтянув колени, которые он обхватил крест-накрест, одновременно держа перед собой ксифос и кулачный щит. Теперь его тело стало похожим на шар, что мешало сквиду схватить его за ноги. Зверь стремительно выбросил из-под брюха ловчие щупальца, сдавив ребра будто клещами. Бренн стиснул зубы, чтобы не глотнуть воды, когда в кожу вонзились, шипы, усеивающие роговые кольца присосок. Хищник быстро справился бы с ним, выдавив воздух из легких и кровь из сердца, но свернутое в шар тело лучше сопротивлялось давлению.

Время понеслось мощным потоком.

Разъявленный клюв, как огромный капкан, распахнулся еще шире, готовясь нанести удар. По щупальцам волной прошла судорога, — Бренна дернуло и сквозь толщу воды понесло прямо к зияющей пасти с выползающим из нее бурым мясистым языком с рядами мелких острых зубов. Щупальца обхватили скрюченное тело сзади и по бокам, но руки Бренна остались свободными. На это он и надеялся.

Удар о нижнее торчащее подклювье чуть не вышиб воздух из легких, но за миг до этого Бренн до упора вбил выставленный вперед щит прямо в уродскую пасть врага. Один из углов треугольного баклера вонзился в толщу языка, два других — в небо верхнего подклювья. Страшная судорога прошла по тулову монстра, щупальца забились, как бешеные, сплетаясь, сворачиваясь жирными змеями и вытягиваясь черными лучами вокруг безобразной головы. Нижнее и верхнее подклювье не могли схлопнуться — «щелкнуть клювом» сквиду мешал щит, который распоркой встал в его глотке. Головоногий урод бесился, пытаясь раздавить треугольный баклер, издавая утробные скрежещущие звуки.

Бренн не обманывал себя ложной надеждой — уловка со щитом подарит ему лишь десяток секунд. Исполинский сквид — не собака, которую можно остановить, подставив ей руку, обмотанную толстой мешковиной. И все же баклер, углы которого вгрызались в язык и

небо твари, причиняя боль, пока держался. На секунды монстр «забыл» о добыче и чуть ослабил хватку. Все происходило так быстро, что Бренн едва успевал реагировать.

Коротко, без замаха, он взрезал клинком основание жирного щупальца. Продравшись сквозь прочную чешую, ксифос вспорол плотный мышечный слой, и перед глазами закрутились вихри синей крови. Судорожно дернувшись, зверь беззвучно «взвыл», и жуткая низкая вибрация, исходящая из его утробы, врзала по ушам. Мысли смывало потоками боли — щупальца разъяренной твари заработали как восемь зубастых удавов. Впившиеся в тело присоски и крючья рвали кожу. Но плевать на боль — ликование переполняло его — он ощутил биение ядзу! Она не иссякла после Игры живцов, она кипела и рвалась на свободу. Но Бренн изо всех сил пытался сдерживать выброс — еще рано! Рано!

Голубая кровь моллюска смешивалась с красной кровью человека, образуя живописные переливы в сияющей сине-зеленой воде. Зрители аплодировали, вскакивая с мест, не переставая совать в раззявленные рты фрукты, пирожные, рыбные пироги и жирные мясные рулеты, вливая в себя вино и пиво. Тухлый Краб давно заметил, что в моменты особого напряжения в ходе кровавых представлений у гостей просыпается яркий аппетит, и предложенная еда и напитки поглощаются с невероятной скоростью.

— Красивое зрелище, — благосклонно кивнул Верховный Жрец, — но вы, ан Хурц, как я вижу, следуете своей грамотной методе, дополнительно балуя зрителей разными видами плотских радостей — от чревоугодия до половых нужд. Жрец, подобно доброму дядюшке, снисходительно смотрел на ближайšie ложи знати, где дамы и господа, наблюдающие за щекочущим нервы развлечением, одновременно получали ласки молодых порхов обеих полов.

— А вам не жаль растерзанных на потребу публики порхов, как, к примеру — этого вот юнца, что скоро превратится в кусок мяса? — все также улыбаясь, спросил Скаах, сжимая и разжимая длинные гибкие пальцы. Ан Хурц позволил себе чуть придвинуть бочкообразное тело к Отцу Непорочных:

— Я думаю, Владыка тайного, что это лишь малая жертва Жизнедателю в ответ на его милости к нам — свободным подданным королевства. И считаю, что этот жалкий порх обязан быть счастлив, служа и доставляя удовольствие своим хозяевам любым способом. Посмотрите, Отец, сколько искреннего ликования на трибунах вызвала Игра живцов, сколько освободилось чистой энергии, которая питает процветание Лаара.

— Вижу, вы усвоили основы учения Ордена, ан Хурц, — медленно начал Жрец, делая паузы между словами и наблюдая, как Тухлый Краб покрывается испариной от страха — вдруг ляпнул что-то не то. — И мне по душе ваша благородная забота о счастье подданных Элмеры Милостивой, как и философский подход к участи существ недостойных...

— Да, да! — воодушевился Тухлый Краб, ободренный Жрецом. — Рабство — это порок! Орден учит, что люди, ранее бывшие свободными, становятся порхами по воле Жизнедателя, — как грязные существа, наказанные за свои тайные преступления в этой или иной жизни. И не нам спорить с божественной волей. Нельзя допускать, чтобы порхи проживали свою убогую жизнь, как тараканы, не принеся ни капли пользы и радости добрым людям, не запятнанным ужасным пороком рабства...

Щупальца стискивали грудную клетку, выдавливая из Бренна драгоценный воздух, поднимающийся к поверхности Аквариума серебристыми пузырьками. Больше терпеть

невозможно, иначе он задохнется. Снаружи его сжимали руки сквида, а изнутри — распирала яджу. Ее запасов, накопленных в крови, хватит на последний рывок! Стало так жарко, будто в кузне у самого горна, в висках стучало, а в голове зазвенела натянутая до предела струна. Яджу рвалась наружу. Пора!

Вода вокруг человека и зверя вскипела и тут же сгустилась, как жидкая смола. Движения сквида замедлились, клюв вяло добивал раздавленный щит, и с языка сползали щепы дерева и обрывки кожи. Преодолевая вязкое сопротивление воды и времени, Бренн срезал под корень еще одно щупальце, и, повернувшись боком, рыбкой скользнул в брешь, что появилась на месте отсеченных рук морского гада. Открыв зажмуренные от напряжения глаза, он встретил тяжелый взгляд чудовища — огромный немигающий глаз, величиной с его голову, смотрел на него, испуская волну холодной злобы.

Внезапно струна, вибрирующая в голове, лопнула, ударив по ушам... Вокруг за клубилась кровянисто-синяя вода, а он успел протолкнуться в брешь меж щупальцами лишь до пояса... Его с силой дернуло назад. В попытках вырваться из рук твари, напрягаясь изо всех сил, Бренн с отчаяньем понял, что пока не дотягивается до черного омута кошмарного глаза, ведущего в глубины мозга твари. А щупальца уже присасывались к его спине, плечам, алчно нащупывая шею. Нить жизни дрожала и истончалась, готовая оборваться через несколько секунд. Перед глазами заискрило... Только бы не выпустить из руки меч! Только бы удержать!

Левой рукой обратным хватом он выдернул из плечевых ножен кинжал, который до этого момента хотел вбить в глаз твари. Хотел, да не вышло! Значит, он использует свой баслард иначе... Хватило бы сил!

Острие кинжала уже было направлено в сторону тулова твари. Он ударил быстро, коротко, без замаха, вложив всю силу в этот колющий удар! Вытянутую до предела левую руку чуть не выбило из плеча, но перекрестье басларда удержало ладонь на рукояти, не дав ей соскользнуть на лезвие. Вспоров жесткую шкуру, клинок вошел лишь наполовину, завязнув в слоях жира и мышечных тяжах, защищавших нутро зверя. Но этого хватило — намертво вцепившись в рукоять, Бренн подтягивал себя вдоль длинной головы сквида, выдирая ноги из клубка щупалец. Он тянулся и тянулся к злобному немигающему глазу, неотрывно следящему за его жалкими попытками.

Веселей, кортавида! Воздуха не хватало, легкие пекло... Он сглотнул и сделал короткий мелкий выдох. Это подарило ему несколько секунд... Еще рывок — еще ближе к цели. Используя кинжал, засевший в голове зверя, как опору, Бренн, обдирая кожу о чешую, прижался к холодному вздрагивающему тулову, прокручивая меч в правой руке с прямого хвата на обратный...

Жуткий глаз мигнул...

Удар! В глубь, в толщу сгустка первобытной животной тьмы...

Удар! Глаз чудовища лопнул под клинком ксифоса, который погрузился в него до крестовины, и превратился в белесый мерзостный ком, похожий на жидкий вареный белок. Ошметки глазного яблока смешались с красно-синими разводами крови, скручиваясь в слизистое грязное месиво.

В груди распирало и жгло, будто внутрь плеснули кислоты, в ушах било колоколом, но он ощущал, как, прорвавшись через глаз, лезвие кромсает мозг сквида, как хаотично бьется в судороге огромное тулово. Мерзкие щупальца сползали с тела Бренна дохлыми удавами. Последним усилием оттолкнувшись от головы издыхающего моллюска, он стал медленно

подниматься к поверхности воды, уже не видя ее манящего мерцания.

Скаах ан Хар корчился от острых колик в желудке. Рвотные спазмы душили его. Очки упали на пыльные камни, и он случайно раздавил их, суча ногами. Выброс чужой ядзу был невероятно мощным! А его черный шерл, настроенный на ловлю и концентрацию мелких вибраций силы, не только поймал, но и многократно усилил колебания ударной волны, которая вызвала эти ужасные симптомы «передозировки» ядзу с сотрясением внутренних органов. Он отравлен!

Почти теряя сознание, Жрец сорвал с груди цепь с тяжелым черным камнем и отбросил в сторону. В глазах чуть прояснилось, но желудочные судороги не стихали, и он выблевал сытный завтрак прямо на бритую голову скрюченной от ужаса девки, стоящей перед ним на коленях. Рот наполнился горечью. В этот момент Верховный жрец яростно завидовал своим подчиненным, которых презирал за слабый дар и дешевые камни-накопители малого объема. Реакция других Непорочных на чужую ядзу проявилась лишь в обильном слюноотечении и зуде в глазах. Эти болваны даже ничего не поняли! Лишь он один сразу определил источник выброса ядзу — ничтожный порх-кортавида, предназначенный для кормления многорукой твари.

Рядом мелко дрожало жирное тело хозяина Казаросса, источая вонь пота и страха. Ан Хурц старательно удерживал на лице участие и трясся, опасаясь, что Жрец обвинит его подаче испорченной еды или еще хуже — в отравлении! Однако страх сменился замешательством, когда Скаах ан Хар, наконец, перестал блевать, и, часто дыша, вперил неподвижный взгляд вглубь Аквариума. Тухлый Краб с недоумением увидел всплывающего на поверхность кортавида, за которым тянулись кровавые потеки, и... морского уroda, замершего в толще воды громадной рыхлой тряпкой в бурых и синюшно-розовых пятнах с обвисшими неподвижными щупальцами. Грязно выругавшись про себя, он понял, что пропустил последние минуты схватки... Пропустил, пока угодливо суетился перед высоким гостем и нашаривал на плитах его раздавленные сраные очки... И теперь ему оставалось лишь тупо таращиться, лихорадочно соображая, каким чудом обреченный живец вырвался из лап смерти и справился с чудовищем.

С искривленных губ Жреца стекала желтая густая слюна, круглое лицо стало мучнистым и потным, и потому его довольная улыбка, приоткрывшая редкие зубы, привела Краба в замешательство. Но Скаах ан Хар, тщательно утерев рот длинными чистыми волосами нагнувшегося невольника, и продолжая наблюдать за кортавида, глухо проронил: — Тебе повезло, Тухлый. Очень повезло. Я покупаю у тебя этого удачливого порха, радуйся! — Жрец швырнул приятно звякнувший бархатистый мешочек себе под ноги, — на эти деньги ты сможешь купить десяток свежаков...

Нут ан Хурц поднял тяжелый мешочек, понимая, что это не предложение, а приказ, и его жабье лицо вновь исказил страх... Он не мигая глядел на мешок с деньгами и напряженно обдумывал, как угодить двум могущественным людям с противоположными интересами? Людям, способным раздавить его — владельца Казаросса — как червяка. Что делать, если проклятый порх, обязанный сдохнуть по желанию одного, теперь вдруг должен жить — по велению другого. Распилить говнюка надвое? Краб нервно хихикнул сквозь сжатые челюсти...

Жрец тщательно прополоскал рот из серебряного бокала и харкнул в услужливо раскрытый рот рабыни, которая давилась, глотая отвратное месиво, стекающее по ее лицу,

шее, по ее обнаженной груди.

— Сегодня до заката порха доставят в мой особняк, — заявил Верховный жрец, с омерзением оттолкнув ногой невольницу. — Но тебе ничего не надо предпринимать, ан Хурц. Порх крайне опасен, и потому я пришлю своих людей, чтобы надежно скрутить его. — Скаах ан Хар принялся полоскать горло, издавая противные булькающие звуки. Подползший к его ногам молодой раб, закинув голову и широко раскрыв рот, покорно ждал следующей порции нечистот.

Глава 3. Око Бури

(Авиадром близ Эдды — Южно-Восточное побережье, Энрадд)

— Принимайте, Ваше Высочество! Машина — зверь! — Начальник воздухоплавательного центра Винс Рифер, светился от удовольствия, представляя новое детище. — Маневренный, легко управляемый. Опробовали на всех скоростях при восьмибальной ветровой нагрузке.

На фоне массивного корпуса дирижабля с тремя мотогондолами, авиатехники, инженеры и мастера, столпившиеся в огромном эллинге, казались жуками, копошащимися вокруг бейсбольного мяча. Хотя, по сравнению со стандартными воздушными кораблями, этот был непривычно мал и даже изящен, если так можно выразиться, описывая монструозную конструкцию. Корпус с кольцеобразными шпангоутами и продольными стрингерами каркаса из легчайшего феррилла умшигтайских месторождений, был покрыт защитной зеленой краской со вставкой желтых и черных полос у носа и кормы. Серебристый оттенок корпусу придавала алюминиевая пудра, которой была пропитана обшивка для отражения ультрафиолета.

— Отлично, — улыбнулся Гуннар, и, не сдержавшись, толкнул локтем Ларса, давая понять, что ждет от него реакции.

Внешне «зверь» Ларсу понравился сразу. А по опыту — и своему, и чужому, он знал, что если конструкция ласкает взгляд, будь то машина, самозарядный пистолет, женская фигура или дирижабль, то, как правило, она спроектирована технически грамотно. И потому, придирчиво пробегая взглядом по носовым ребрам, плавным линиям фюзеляжа, он одобрительно кивнул.

— Длина? — продолжил «допрос» Гуннар. — Судно выглядит непривычно... компактным...

— Всего 44 метра. Компактный — если сравнивать со стометровыми грузовиками, Вашвысочество. Крейсерская скорость до 40, максимальная — 60. Правда, потолок — не более полутора тысяч метров. Но это пока.

— Вполне приемлемо для гражданского судна по оперативной доставке почты и мелкогабаритных грузов, — пожал плечом Ларс. — Куда выше то лезть...

Ларс нервничал и потому злился на себя. Три дня назад он сдал экзамены, получив, наконец, официальный статус пилота императорского воздухоплавательного корпуса. И Гуннар, жизнерадостно скалясь, тут же объявил, что берет его штурманом и вторым пилотом в первый самостоятельный полет на новой модели легкомоторного малого дирижабля. Все это было давно знакомо — не раз и не два Ларс подменял кузена в командирском кресле, когда тот был сильно занят очередной пассией, приглашенной «покататься»... Да и за полгода практики на грузовых и гражданских воздушных судах в качестве стажера, он приобрел ценный опыт, знания и уверенность, но сегодня... Сегодня он уже не стажер...

Да, судно не пугало размерами и многократно испытывалось в разных условиях, но сегодня им будет управлять наследник императора Магнуса принц Гуннар. Именно это заставляло Ларса напрягаться. Впервые в командной рубке будут находиться только они двое, если не считать механиков на мотогондолах... И, случись что, именно его обвинит венценосный дядя вне зависимости от ситуации.

— Смеею заметить, Ваша Светлость, диапазон функций судна гораздо шире... —

возразил Кифер, защищая машину. — Корабль можно использовать как в целях подготовки аэронавтов, включая офицеров школы воздухоплавания, так и для воздушной разведки, охраны, пограничного патрулирования и даже для спасательных операций. С него легко вести наблюдение за любыми территориями, транспортными путями. Характеристики позволяют применять его и в случае выполнения задач по картографии, для фотографирования, контроля при чрезвычайных ситуациях...

— А как у него дела со швартовкой и взлетом? — нетерпеливо прервал Гуннар.

Ларс невольно повернул голову в сторону шестидесятиметровой двухярусной причальной вышки, обозревая тугие бока швартуемого грузового дирижабля.

— Умеет чалиться и к стационарной, и к малой передвижной мачте машины сопровождения. Ну, понятное дело, требуется наземный транспорт с командой и запасом газа.

— То есть, за этим модернизированным пузырем, как всегда, должен тащиться грузовик с мачтой и экипажем? — усмехнулся Ларс. — Это же... даже не знаю, как сказать — ну, как если бы автомашину обязательно сопровождала телега, запряженная лошадью. Для страховки...

Гуннар дернул уголком рта, уязвленный насмешкой Ларса над новой разработкой.

— Вовсе не всегда, и вовсе не обязательно. Ты сам в курсе, что все аэродромы со стационарками находятся в зоне крупных городов. А если придется швартоваться на северных территориях, в степных районах, в болотистых низменностях, на побережье, да хоть в низовьях Лиимасунари. Там нет стационарных мачт, но зато есть дороги, и машина сопровождения, даже утяжеленная телескопической мачтой, легко следует за дирижаблем — скорости вполне сопоставимы.

— К сожалению, без причальной команды в таких зонах пока не обойтись, — подтвердил Винс Рифер, — что, конечно, раздражает. Но все же, согласитесь, господа, что сегодня команда из 6–8 человек несравнима с десятками... и даже сотней чальщиков, которые пять лет назад ловили гайдропы грузовой махины «Яттэ»...

— Соглашусь, — кивнул Гуннар и усмехнулся, — в южных землях, в Лааре, Ариании, до сих пор так и происходит, — наземной швартовкой наших грузовых машин занимаются сотни рабов, хотя уже несколько лет там функционируют стационарные мачты.

Начальник аэродромной службы нахмурился на миг, но затем, спохватившись, добавил: — Забыл доложить, господа, — в последние недели пилоты отрабатывали маневры при швартовке к новой стационарной мачте воздухоплавательной станции Вальбурга, а кроме того — приемы постановки машины на якоря. Как раз для того, чтобы иметь дополнительные возможности приземления при неординарных ситуациях...

— Замечательно, — одобрил Гуннар и добавил, — и все же, все же... Думаю, вы не будете спорить, — дирижабль не боится неба, но он боится земли. И особенно боится ветра...

Ларс не спорил — этот факт подтверждался огромным количеством аварий на протяжении всей истории дирижаблестроения. И целой кучей проблем — от сложности приземления из-за низкой маневренности до неизбежной зависимости от погоды и тех же машин сопровождения. К недостаткам можно было отнести колоссальные размеры эллингов, сложности при хранении, обслуживании воздушных кораблей...

— ... и как я не прикипел к аэропузырям, — продолжил Гуннар, — все же считаю, что будущее — за маневренными аэропланами... а далее — за чем-то еще более надежным и

скоростным...

Ларс невольно повернул голову в сторону Вороньего поля, где по плану военно-инженерного ведомства возводились ангары и оборудовался учебный полигон для испытаний моторных планеров. — Ты во многом прав, кузен. Но что особо поменяется с точки зрения швартовки и взлета при боковом ветре? — спросил он. — Вместо причальных мачт и экипажей сопровождения потребуются огромные авиадромы с оборудованными полосами для приземления... К тому же только на дирижабле можно доставить габаритные или тяжелые грузы в труднодоступные места. Тут аэропланы не справятся...

— Пока не справятся. — Гуннар почесал подбородок с двухдневной светлой щетиной, — скорее всего, развивать придется и то, и другое, причем необходимо продолжать эксперименты по боевому применению дирижаблей. В августе с «Альбатроса» провели стрельбы по наземным целям...

— Ты не рассказывал, — нахмурился Ларс. — И как?

— С полукилометра из ручного пулемета получили вполне себе неплохие результаты... — Повернувшись к судну, принц спросил, пытаясь рассеять недовольство брата: — И как бы ты его назвал? Малыш?

— Чиж, чижик, — предложил Ларс, усмехнувшись, — надоели уже Орлы с Лебедями. А что? Этот мелкий по сравнению с грузовыми монстрами, верткий, как утверждают испытатели, да и окраска оливковая с черно-желтой полосой... Чижик и есть...

— Хм, не такой уж и мелкий, Ваша Светлость... — осторожно улыбнулся Рифер, покосившись на дирижабль диаметром шесть метров в «талии». — Хотя, на чижа он и правда, похож, — кивнул он, — в моих краях есть поверье, что чиж — птица умная, и обязательно тащит в гнездо камушек-невидимку, который скрывает его, не давая отыскать среди веток. Может, и этот кораблик в нужный момент станет невидимым....

— И пусть! — Гуннар хохотнул, — быть ему Чижиком. Значит, к номеру 0123 и аббревиатуре ИВС — читай «императорское воздухоплавательное судно» — добавим ЧИЖ-1.

— Будет сделано, Ваше Высочество! — кивнул Рифер. — Каков точный маршрут судна?

— Ничего серьезного для начала, — перешел к делу принц. — Пройдем по трассе параллельно железке до Вальбурга, затем вдоль береговой линии до Сальерди. Там без швартовки сбросим почту и спокойно вернемся на базу. И думаю, что не стоит озадачивать службу сопровождения, Ларс прав. В случае чего пришвартуемся в Порт-Гарде. Уточните, какова дальность полета у нашего... Чижа?

— Без дозаправки продержится сутки, за десять часов покроет порядка полтысячи километров. Но без сопровождения, Ваше Высочество, — не вариант, — твердо заявил начальник авиадрома, поджав губы под кустистыми усами. — Прошу простить, Ваше Высочество, но подобное нарушение безопасности может стоить мне не только увольнения с императорской службы, но и головы... И не только мне....

— Э, нет, — Ларс улыбнулся, — Наше Высочество ни в коем случае не станет рисковать вашей головой, Рифер. Я прав? — он развернулся к кузену, приподняв темную бровь.

— Ты, кузен, как это ни бесит, чаще всего прав. — Выйдя из эллинга, Гуннар щелкнул зажигалкой, — хорошо, Рифер, пусть будет сопровождение... Когда летим?

— Ориентировочно через час, — начальник авиадрома с облегчением выдохнул. — За это время пропишем на корпусе ЧИЖ-1... Все, как положено. Отдохнете в предполетной или...

— Заскочим ненадолго... — Они направились к приземистому трехэтажному зданию воздушной гавани, где находилась диспетчерская и помещение для отдыха, где под «рюмочку» кофе, как выражались бортмеханики, можно было пообщаться с авиатехниками, испытателями, пилотами и курсантами воздухоплавательной школы.

— Сам знаешь, дирижабль требует и уверенности, и осторожности, — Гуннар снова погрузился в любимую тему авиастроения. — Даже выкатить из эллинга такую объемную машину — задача, хотя и штатная, но каждый раз неординарная...

Ларс хмыкнул: — Ну, да, это сегодня тихо, — он посмотрел на пухлые облака, вяло ползущие по небесному тракту. — Но погода меняется, как настроение... графини Маури...

Много раз наблюдая, как выводят дирижабли из эллинга, он всегда напрягался, когда нос судна уже торчал наружу, а хвост еще находился в ангаре. В такой момент даже при небольшом порыве ветра машину может повести из-за высокой парусности и долбануть о проем ворот... Хотя в последнее время на авиадромах уже всю строили поворотные эллинги, которые позволяли решить проблему бокового ветра...

— Не держи женщину близко к сердцу, братишка, или она его сожрет... — Гуннар хлопнул кузена по плечу, — и не подавится...

— Согласен, — кивнул Ларс, — машины куда надежней...

Техники провели последнее пополнение несущего газа, и через час Чижики очень аккуратно вывели из эллинга. Впереди, буксируя корабль, шла машина сопровождения с высокой причальной мачтой, соединенной со стыковочным узлом на носу дирижабля. За ними ехал еще один грузовик, кативший перед собой поставленную на колеса решетчатую ферму с растяжками, надежно удерживающими корму дирижабля. На взлетной площадке стартовая команда, поворачивая машину с причальной мачтой, сориентировала корабль так, чтобы он взлетал точно против ветра.

Поднимаясь по трапу, Ларс почувствовал привычное уже волнение и участившееся биение сердца... И вот экипаж в составе двух пилотов и мотомехаников занял свои места на борту. Пока заводили моторы, приступая к управлению клапанами баллонетов, штурвалом рулей высоты и педалями рулей направления, парни из авиадромной команды отцепили балластные мешки, чтобы «плавучесть» судна была близка к нулевой, и отстыковали дирижабль от причальной мачты, продолжая корректировать его положение с помощью гайдропов.

Корабль взял курс на Экспериментальный авиаполигон у Вороньего поля, затем повернул в сторону Императорской железной дороги на Вальбург, которую Гуннар выбрал в качестве ориентира в пути следования.

— Обкатаем Чижа вдоль побережья, а через пару-тройку дней можно начать тренировки по швартовке к стационарной мачте... — прикидывал Гуннар дальнейшие планы по отработки маневров.

— Это само собой, — кивнул Ларс, раскрывая карту с проложенной воздушной трассой до Сальерди. — А не хочешь отработать постановку судна на якоря? Сам же настаивал, что нужно моделировать приземление в труднодоступных местах, где нет наземных причалов... Чтобы находить выходы при любых чрезвычайных ситуациях...

— Не слабые задачи ты ставишь, кузен... — принц с невольным уважением посмотрел на двоюродного брата. — И какую схему предлагаешь?

— Стандартную для начала. Выбираем необорудованную, но более-менее ровную площадку, опускаем Чиж до минимума... Кидаем носовой якорь, доходим до края, разворачиваемся и выкидываем кормовой якорь. И сажаем корабль на опорное шасси, подтягивая якоря... В принципе, сматывая или разматывая гайдропы, можем установить нужную высоту стоянки судна над землей, даже не сажая его на брюхо. После посадки зафиксируем дополнительно...

— Заманчиво... И в твоём исполнении — просто до не могу, но боюсь, что опробовать якорное причаливание нам не доверят... Рискованно. Но это пока, брат... У нас все впереди.

Полет до Сальерди не вызвал никаких проблем, Чиж вел себя безукоризненно, и к пятнадцати часам пополудни повернул обратно. Дул теплый юго-восточный бриз, день радовал высоким небом с отдельными участками легких перистых облаков.

— К закату увидим Воронье поле, — пробормотал Ларс, бросив взгляд на старинные офицерские часы с вращающимся рантом. Потянувшись, он встал, выглядывая машину сопровождения, которая шла параллельно курсу дирижабля по Южной трассе.

— Что за ерунда? — воскликнул Гуннар, и Ларс повернул голову к левому борту. Лениво перемещаясь, напротив обзорного окна зависло пышное изумрудно-золотое перо. Разглядывая диковинку, Ларс удивленно приподнял бровь:

— Забавно... это явно из оперенья птиц южных островов... типа квезаля... Я видел раскрашенные снимки... Но...

Упавший на перо луч солнца подсветил его, и оно заиграло радужными бликами, искрясь и переливаясь.

— Но как оно могло сюда попасть? — хмыкнул Гуннар. — Неужто дивные птички Юга парят над волнами Лютой лужи, как альбатросы или чайки, и легко преодолевают расстояние до Энрадда?

— Ты прав, странно, — рассеянно ответил Ларс, не отрывая глаз от сияющего пера. — Если только, какая-нибудь дама взяла на борт пассажирского судна клетку со своим квезалем, и прогулялась с ним по открытой палубе...

Но диковинка отвлекла их ненадолго. Через четверть часа погода стала быстро ухудшаться, а мягкий юго-восточный ветер резко сменился на северо-западный.

— Давление падает... Видимость до 2 миль, дымка...

— Вижу, — озадаченно нахмурился Ларс, — и морские птицы стаями летят к берегу... Но метеосводки не обещали ни шквала, ни штормовой погоды...

— Не обещали, и не в первый раз... — пробормотал Гуннар, следя за приборами.

— Проверю мотористов... — Поднявшись из рубки в нижнюю шахту и пройдя по транспортному коридору, Ларс подошел к наружной двери, ведущей к внешнему отсеку обслуживания одной из мотогондол. Мощный порыв ветра швырнул ему в лицо холодную морось, качнув назад. Преодолевая сопротивление, Ларс выбрался на узкие решетчатые мостки, где дежурил одетый в утепленный комбинезон, Бьорк, пристегнутый к верхнему поручню. Увидев Ларса, он замахал руками, заорав во все горло:

— На. ад! Мож. т снести! М. торы проверил —..орядке...

Грохот мотора оглушал, ветер уносил обрывки слов, будто не желая, чтобы настырные людишки встревали в его тревожную песнь с угрожающими подвывами. — Тогда заканчивай тут, Бьорк! — в ответ закричал Ларс, — сдавай дежурство Клаю! Но до приказа на мостки никому не выходить...

Задержав дыхание и прищурившись от хлещущего в лицо колючего дождя, Ларс окинул взглядом огромное открывающееся перед ним пространство — тонущее в серой дымке побережье и темно-свинцовую гладь Лютото океана, испещренную светлой рябью невысоких волн. Облачность росла на глазах, местами землю пожирала сгустки тумана, наползающие на Юго-восточную железную дорогу Сальерди — Вальбург... Высокие перистые облака быстро сменялись мощными нагромождениями слоисто-кучевых и дождевых туч.

Боковой ветер продолжал усиливаться, налетая шквалистыми порывами и снижая путевую скорость Чижика. Дирижабль шел на высоте пятьсот метров под нижней кромкой потяжелевших облаков. Приходилось часто спускаться еще ниже, чтобы восстановить ориентировку и отыскать машину сопровождения. Вскоре пришлось снизить высоту до трехсот метров, — облачно-дождевая мгла опускалась на землю, видимость снижалась, лишь огоньки на разъездах железной дороги давали возможность отслеживать маршрут. Ларс все чаще поглядывал на часовой компас, понимая, что ситуация, которая воспринималась как приключение, превращается в пугающую и реально опасную. Они пытались связаться с аэродромом Эббы, Вальбурга и Порт-Гарде, но эфир был глухим и немым...

Около пяти вечера они прошли над Нейландом, привокзальная площадь которого была ярко освещена. Этот теплый оазис света лишь подчеркивал приход густых сумерек на побережье, которое в эти часы должно было еще нежиться под лучами солнца. Дирижабль находился над юго-восточной частью области Вальмэ. Сильный дождь не прекращался.

— Может причалим в Порт-Гарде, как и намеревались в случае чс... — предложил Ларс, вглядываясь в свободные бреши меж густыми ключьями тумана.

— Честно? — хмуро глянул на него Гуннар. — При таком шквалистом ветре ты уверен, что получится?

Ларс промолчал, поскольку был уверен в обратном, но ничего не пытаться предпринять казалось тоже неправильным. И опасным.

— Или идем до Вальбурга или... — Гуннар на секунду задумался, — рискнем прямо сейчас сделать серию малых разворотов и пойти параллельно железке на Эббу... Машина рассчитана на серьезные аэродинамические нагрузки при таких маневрах... И думаю, прочность конструкции вполне достаточна, особенно в кормовой части...

Но ветер усилился до такой степени, что ни дойти до Порт-Гарде, ни повернуть на северо-запад в направлении Эббы не представлялось никакой возможности — мощности двигателей не хватало, и дирижабль просто сносило. Чиж дрожал, и Ларсу казалось, будто он до смерти перепуган. Порывы ветра вызывали не слабые продольные колебания и боковую качку дирижабля. Все пошло совсем не по плану, и Ларс предчувствовал, что это лишь начало. Железная дорога, а вместе с ней и машина сопровождения были потеряны окончательно.

— Ветер слишком силен, а скорости не хватает, чтобы ему противостоять... Нас сносит в океан, — спокойно констатировал Гуннар, но по его напряженному лицу было ясно, каким усилием ему дается это спокойствие. — Переждем ночь над морем. А на рассвете пойдем на максимальной.

— Все норм, думаю обойдется, — согласился Ларс, понимая, что сейчас их основная забота — постараться не угробить корабль, удерживая высоту и подстраиваясь под буйство сил хаоса, взявших их в оборот. Он поднялся, и, держась за поручень, почти прижался лицом

к покрытому дождевыми потеками стеклу, сосредоточенно вглядываясь в плотные слои серой слоистой «ваты» за окнами.

Судно сильно дернуло, повело, — на несколько секунд заклинил штурвал управления рулем высоты, но этого хватило, чтобы дирижабль провалился на несколько десятков метров. Ударившись лицом о стекло, Ларс, пытаясь удержаться на ногах, неловко оперся на вытянутую руку, и взвыл от острой боли, одновременно приложившись затылком о ребристый металлический пол. Через пару минут пребывания в глухонемой тьме он очнулся — перед глазами маячило размытое лицо Гуннара, быстро приобретая четкость. Со скулы прица текли ручейки крови — он рассадил висок...

Ларс попытался сесть, подавляя приступ дурноты, и зарычал от боли в предплечье и противного хруста, от которого его передернуло.

— Не дергайся — похоже, ты сломал руку... — Гуннар осторожно усадил его в кресло и вернулся за штурвал. — Сейчас мы оба двое придем в себя, и сделаем повязки...

— Мы оба двое сняли шлемофоны — придурки. Оба двое... — пробормотал Ларс, повторяя за братом часто произносимые в детстве слова. Когда кто-то один из них бедокурил, то вину принимали «хором», как говорил Гуннар или «оба двое», как выражался маленький Ларс. Он чуть откинулся в кресле и нащупал приличную шишку на затылке. Пальцы дрожали, на лбу выступила испарина.

Дверь, скрежетнув, резко отъехала вбок, и в рубку ввалился белый, как мука, Бьорк. Он шевелил сухими губами, но из его рта доносилось лишь сипение. — Командир...

Они замерли, поняв что случилось что-то совсем плохое. — Клайв... он сорвался с мостков, когда корабль дернуло — не пристегнулся... — прохрипел мотомеханик, стаскивая шлемофон. — Я говорил, говорил, чтоб он не вылезал на мостки, что вы не велели до приказа, но... он упрямый всегда... Был.

Ларс тяжело выдохнул. Гуннар выругался, пытаясь справиться с потрясением. Давление упало ниже тысячи миллибар, видимость до четверти кабельтова. Высота полета составляла всего двести метров. За окнами серой клубящейся стеной стояла густая мгла. Побережье и водное пространство были полностью сожраны туманом. Дирижабль дергало из стороны в сторону, и его огромное тело сотрясалось...

— Сводки... не будем обманываться, как желторотые курсанты, — сквозь зубы прошипел Гуннар, — это ураган! И мы болтаемся в стене штормовой воронки!

Ларс осторожно кивнул, сглатывая, чтобы избавиться от тошноты. За всю историю метеонаблюдений в области юго-восточного побережья не фиксировали ни смерчей, ни ураганов, хотя зона Лютого океана меж землями Энрадда и Лаара с точки зрения всех климатических норм рассматривалась как аномальная... Ширина водного пространства здесь была не столь велика, порядка восьмисот километров, но если на юге Энрадда летом температура не превышала 20 градусов, то на севере Лаара в области Сильфурбэй, 30–35 жары считалось обычным делом...

Увидев, как быстро индикатор давления на альтиметре ползет вниз, он закусил губу. Давление опустилось до 980, потом до 960... Чуть поколебавшись, стрелка неумолимо сползла к 940.

— Давление падает, Гуннар! Уже 920... 919!

На несколько секунд густая серая хмарь под днищем судна прорвалась, и Ларс отпрянул от обзорного окна. Внизу ярилось свинцово-бурое море. — Мы почти на уровне воды... Поднимай машину!

Оба даже не представляли, какой уровень мастерства требуется, чтобы сопротивляться урагану такой силы. Стиснув зубы, Гуннар пытался держать дирижабль, и тот нехотя, с трудом, но отзывался. Давление продолжало падать... Ларс затаил дыхание, злясь на себя, что практически ничем не может сейчас помочь кузену.

Когда индикатор уперся в 918, Чижик прорвал стену штормовой воронки и вылетел в «глаз» — в Око Бури — маленький тихий центр посреди грозных ветров, которые вращались вокруг него, будто вокруг оси детского волчка. Размер «глаза» с чистым вечерним розовато-серым небом составлял не больше десяти километров. Вершина смерча с самыми холодными ветрами, поднималась на семь-восемь километров. Стена воронки вокруг «глаза» казалась непроницаемой. Внизу, совсем близко, ходили огромные, как горы, волны, мощные, но спокойные. Ларс видел бледное, лицо Гуннара, покрытое испариной и кровью, понимая, что он сам выглядит ничуть не лучше, и чувствуя холодный ручеек стекающий между лопатками. Бьорк, упершись спиной о дребезжащую переборку, сидел на полу с зажмуренными глазами, не желая ничего видеть.

— С нашей скоростью мы преодолеем «глаз» бури минут за пятнадцать, — Гуннар вытер мокрый лоб, стараясь не касаться пореза на виске, и глубоко вздохнул. — И тогда, может, у нас получится выбраться из штормовой воронки.

Ларс криво улыбнулся, мельком глянув на часовой компас. Око бури двигалось на юго-восток примерно с той же скоростью, что и дирижабль, будто приспособливаясь к нему. Он чувствовал, как напрягались моторы, наращивая скорость судна, но в той же степени увеличивалась и скорость перемещения «глаза».

— Мне так не кажется, — наконец, высказался он. — А кажется мне, будто Чижика удерживают внутри «ока» бури насильно, как в клетке. Кажется, что нам не дают возможность влететь в противоположную стену воронки...

— Ты так мистиком станешь, брат... Это нервы...

Ураган выл, визжал и мчался быстрее резвого скакуна. Моторы работали на полную мощность, но Ларс был уверен, что буря занесет их куда угодно, но только не на родные земли Энрадда. Море, качавшееся внизу, всего метрах в трехстах под брюхом дирижабля, было свинцово-синим.

— А может, и не надо?

— Не надо что? — Гуннар нахмурил светлые брови, стирая ладонью кровь, сочащуюся из раны.

— Вламываться в стену? Скорость ветра в стене «глаза» доходит до 90 — 100 километров в час, это уже почти третья категория. Нас просто переломает и сотрет в порошок. Вот я и говорю — зачем нам это? Нас несет к землям Лаара? Пусть несет. Ураган, буря, смерч — это такое же стихийное бедствие, как гнев брошенной женщины... Его надо просто переждать, и по возможности минимизировать последствия...

Про себя Ларс с горечью подумал о сорвавшемся с мостков Клайве — буря взяла свою цену... И он понадеялся, что эта жертва — последняя.

Помолчав, Гуннар кивнул. — Пожалуй, что так... В Оке мы находимся в относительной безопасности. Тогда попробуем поднять Чижю повыше...

Дирижабль медленно поднимался, пока не оказался на высоте тысячи метров над уровнем моря. — Открывай глаза, Бьорк, — позвал мотомеханика принц, — нужна твоя помощь — нас обоих надо чуток подремонтировать...

Перевозбуждение, вызванное тяжелым стрессом, немного утихло. Ларса затрясло, а

острая боль в предплечье, которую он почти игнорировал на пике выброса адреналина, заявила о себе, нарастая с каждой минутой. Он с беспокойством посмотрел на кузена — стекающая с виска Гуннара кровь уже пропитала ему рубашку и не собиралась останавливаться. Подскочивший Бьорк достал жестяной аптечный короб и, подложив плотный слой ваты, перетянул Гуннару голову широким бинтом. Так же ловко Бьорк соорудил из толстого журнала и ваты шину, осторожно согнув его вокруг сломанной руки Ларса. — Слава Богу, перелом закрытый, Ваша светлость... мож обойдется... — бормотал Бьорк.

Пошарив в аптечной коробке, Гуннар достал пузырек с опиумом, отхлебнул меньше половины и придвинувшись к Ларсу, влил ему в рот остаток. Тот закашлялся, но не возражал, ожидая, что с минуты на минуту станет легче. А кузен уже совал ему в здоровую руку бутылку с водой.

— Пей и меньше двигайся, твоя светлость, — мож обойдется...

Глава 4. Свартрок

Вынырнув и надсадно кашляя, Бренн жадно глотал воздух. Напрочь вылетело из головы, что сначала нужно сделать три небольших последовательных вдоха, и только потом дышать спокойно и глубоко. После такой встряски это было попросту невозможно... Трибуны вокруг ревели, но он ничего не слышал — в ушах стоял тяжелый гул, перед глазами плыл кровавый туман, а мышцы сводило судорогой. Сил хватило лишь дотянуться до перекладины, и тут кто-то резко выдернул на его помост, схватив за мокрые волосы. Акулий Хрящ...

Глаза цепляли отдельные фрагменты происходящего вокруг — всплывшие куски щупалец, похожие на водяных змей, раскоряченная туша дохлого сквида, сверкающий дождь монет, стучащих по доскам и его онемевшему телу. Акулий Хрящ стоял за спиной, судя по всему опасаясь, что полуживой порх начнет заваливаться и рухнет в воду... Сжав плечо Бренна, он резко вскинул вверх его руку в победном жесте. Бренн едва удержался от стона — ребра болели, тело, покрытое багровеющими вспухшими следами присосок, горело огнем... но, несмотря на это, внутри разрастался пульсирующий шар эйфории — у него получилось! Он сумел использовать ядзу, подаренную Светлосияющим, он вырвал свою жизнь из щупалец гребаного монстра!

Однако ощущение радостного освобождения, как деготь в меду, отравляли капли глухого раздражения, сочившиеся из всех пор Джерга Ригана... С чего бы? — вяло скользнула мысль. Сделал ставку против меня, и потерял деньги? Мало Хрящу обещанного... или уже полученного выкупа? И он еще высмеивал жадность Тухлого Краба...

Удерживая Бренна за ободранную шею, сургач подтолкнул его к выходу с арены. Все еще содрогаясь от приступов кашля, Бренн еле переставлял ноги, но тут же обернулся, услышав ликующие вопли маора: — Молодой кортавида, одолевший в схватке исполинского монстра, согласно обещанию благородного владельца Театра развлечений, достопочтенного Нута ан Хурца, объявляется вольноотпущенным! Казаросса держит слово!

Подталкиваемый наставником, упорно хранящим молчание, Бренн, шатаясь, шел по коридору, похожему на подземный переход, что вел из Загона на Скотный Двор. Сердце колотилось от счастья, но с каждым шагом радость победы гасла. Почему? — пытался он встряхнуть самого себя — разве он не выдрал с кровью у судьбы свою прежнюю жизнь? Свою свободу, которую вернули ему на виду у сотен свидетелей — никто не оспорит этого!

Вырвал жизнь? Скорее — один день жизни, а может, всего лишь час или того меньше, — ядовитым шипом впиалась в мозг отрезвляющая мысль. Куда его тащит наставник? Бренн невольно напрягся, ожидая, что вот-вот почувствует на шее жесткие сильные ладони... Обе ладони... Что мешает Ригану покончить с раздражающе удачливым живцом, чтобы угодить ан Хурцу, если он уже получил выкуп...

Бренн закусил губу — болела каждая мышца, но особенно сильно дергало место ожога — корка из прожаренной кожи лопнула, и кровь снова сочилась, стекая по ноге. Они шли довольно долго, и за все это время наставник не произнес ни слова одобрения, ни слова упрека... Но и ни слова угрозы... Наконец, утомительный путь закончился. Толкнув сапогом приоткрытую дверь, Акулий Хрящ вывел его на просторную каменную площадку, освещенную лучами низкого солнца. Бренн медленно поднял голову, подавив приступ тошноты, и, шурясь, посмотрел вверх.

Свартрок. Или Черная скала. Древняя башня сургачей вздымалась каменной свечой.

будто вырастая из красно-черного гранитного утеса, похожего на нос огромного корабля, нависающего над океаном. Вокруг нее благоухала плодоносящая дважды в год лимонная роща, и сейчас в воздухе растекался нежный запах цветущих деревьев, наполняя окрестности тонким ароматом. С внешней стороны башни крутыми зигзагами поднималась лестница, ведущая к арочным входам на этажи, где проживали лучшие наставники Казаросса. Двери внизу вели в караульную и служебные помещения для порхов и вольнонаемных слуг.

Сидящий на ступенях разопревший охранник, резво подскочив при появлении Ригана, выпятил грудь и широко расставил ноги. Акулий Хрящ толкнул Бренна к выщербленным неровным ступеням, и тот выдохнул, поняв, что весь долгий путь до Свартрока дышал через раз. Судя по всему, у сургача нет намерения свернуть ему шею... Пока. Ведь зачем-то он привел его сюда, хотя уцелевших живцов отправляли или в лекарню, или напрямиком в Харчевню, если возиться с ранеными было слишком затратно по мнению Тухлого Краба.

Джерг Риган обитал на верхнем этаже Черной скалы, и подъем туда стал еще одним испытанием для Бренна. Его качало от пережитого удушья и потери крови, а проклятые ступени были разной высоты, и с непривычки он то и дело спотыкался, вызывая раздражение наставника. Похоже, что при возведении башни строители сочли ограждение на лестнице излишним, и чтобы не сверзнуться вниз, Бренн старался идти ближе к нагретой солнцем шершавой стене. Меж каменных глыб и глубоких трещин торчала сухая трава и жесткие листья камнеломки. Он тупо переставлял ноги, остерегаясь смотреть вниз, — качнешься и кувырком полетишь на камни, прямо под ноги стражнику. Зачем сургач тащит его наверх?

— Эта лестница — отличная тренировка для сургачей, — пояснил Хрящ. Он легко поднимался привычным маршрутом, даже не сбив дыхание. — И, кроме того, ежедневная проверка на выносливость и мастерство. — Он коротко хмыкнул за спиной Бренна: — Старший сургач, что обитал здесь допрежь меня, после очередной гулянки сумел доползти до верха. Только вот утром, когда спускался, малость промахнулся, да и шагнул напрямиком в воздух... Красиво летел. Порхи по всей площадке ползали — его требуху с камней отскребали...

Не оборачиваясь, Бренн будто увидел, как Хрящ пренебрежительно скривил рот в усмешке. С чего это он так разговорился? То молчал как камень, то треплется без передыха... В глазах потемнело, и, споткнувшись, Бренн растянулся у края лестницы, ударившись подбородком о камень и прикусив язык.

— Не кортавида, а хусра брюхатая! — с досадой рявкнул наставник, вталкивая его в арочный проем на верхнем ярусе. Внутри у входа, опустив глаза в пол, уже стояли на коленях несколько порхов. Горбатый управляющий, судя по одежде и длинной бороде, — вольноотпущенный, тоже низко склонился, умудряясь при этом не сводить с Джерга Ригана быстрых хитрых глаз.

Бренн шел за наставником вдоль круговой открытой анфилады, не отрываясь от захватывающей дух панорамы. На миг ему стало легче — будто окружающий его простор дарил силы, а морской ветер, свободно гуляющий в арочных проемах, смыл боль и усталость. Огибая башню, он видел высокие шпили и крутые крыши Бхаддуара, ажурную громаду дворца Розаарде, затем часть огромного порта, Небесную иглу с дирижаблем, суда, скользящие по водной глади Серебряной гавани, и сверкающую морскую синь до самого горизонта, отливавшую розовыми закатными отсветами...

За проклятые полгода он сумел выползти из подземелья и подняться, он выжил,

прорвался... Ну, да, ну да, — возник в голове злорадный шепоток, — интересно, как долго тебе придется падать, девяносто девятый, чтобы порхи смогли отскрести твои кишки от камней? — Усилием воли Бренн задавил дурные мысли, чтобы хотя бы на миг продлить ощущение полета над городом...

Они вошли в просторную комнату для слуг. Не дожидаясь приказа, горбун велел принести теплой воды и чистых тряпок. Припав к оловянному кувшину, Бренн жадно глотал живительную влагу, и затем медленно осел на шершавые плиты. Подушечки пальцев жгло и покалывало, мышцы дрожали. Поджав губу и выдвинув тяжелый подбородок, Хрящ с презрением смотрел на него. — Жидковат ты для кортавида, — будто сквозь вату, слышал он, уставившись на прикрытое деревянными просечными ставнями окно. — Видать, на пройдоху Перу-Пели очередная блажь нашла — благоволит тебе удача, — сургач ухмыльнулся, снимая с полки пару бутылей синюхи. Двое рабов втащили в комнату глубокий латунный чан, уже наполненный водой, и, повинаясь жесту управляющего, подхватили Бренна, поставив на ноги.

— Садись в воду и не вздумай визжать, — крепкое бухалово всю дрянь из ран выедает, — равнодушно объяснил Акулий Хрящ, выливая в чан синюху. В помещении повис густой запах синей сливы. Стиснув зубы, Бренн опустил в воду, и не смог сдержать крик от дергающей боли в месте ожога. Но все же после мощной встряски в Аквариуме боль казалась притупленной, тело реагировало слабее. Надев рукавицы из сушеных водорослей, порхи принялись тереть воспаленную израненную кожу, смывая с Бренна ядовитую краску. Вот тут пришлось кусать губы — рабы даже не пытались сделать процедуру менее болезненной, — им было плевать.

Бронзовая краска затянула поверхность воды густой мерцающей пленкой. — Ша! — хлопнул ладонью по столу Хрящ, останавливая помывку. Бренн глубоко вздохнул, поняв, что не дышал вовсе, пока его терли. В голове звенело, как в пустом ведре. Если бы не боль, он бы заснул прямо в тазу. Ожог поверх раны на бедре пульсировал, раны кровоточили, особенно на плече. Глотка пересохла, хотя он только что выпил полкувшина воды.

Из старого моряцкого рундука Риган достал пыльную бутылку рома, и вытянув крепкими зубами побуревшую пробку, плеснул темную жидкость в свою кружку. Воздух отяжелел от густого пряного запаха черной патоки. — Вытирайся, — ветхая тряпка, заменявшая полотенце, полетела в лицо Бренну. Прикладывая ее к коже, он старался не задевать опухшие, сочившиеся кровью раны и ссадины.

— Мазать твои царапины целебной дрянью времени нет, — сообщил сургач. По его знаку горбун ловко затянул чистым холстом бедро и плечо Бренна, затем, пятясь и кланяясь, скрылся за тяжелой дверью. Подождав, пока стихнут шаркающие шаги, Риган продолжил, откинувшись в кресле: — Тухлый Краб сейчас ярится от злости, — ты ему шибко досадил своей храфновой победой... Во-первых, из-за тебя он нехило потерял на ставках, а во-вторых, ты почему-то не сдох, да еще на корню загубил зрелищный бой опытных кортавида-ныряльщиков со сквидом... А он так на него рассчитывал... бедняга...

Все, что говорил Хрящ, было понятно и без объяснений... Бренн не понимал другого — чего тот возится с ним, если уже получил деньгу от Морая и не хочет подставляться перед ан Хурцом? А если он получил лишь задаток, то с чего выказывал такое безразличие к участи Бренна и не особо напрягался, чтобы помочь советами?

— Но если бы я сдох, то вы... не получили бы обещанного выкупа... — закинул удочку Бренн, пытаясь прощупать наставника и ожидая реакции. Сургач отреагировал резко: — Ты

перебил господина, порх? Жаждешь отсюда сверху попасть напрямик в Харчевню?

— Но... ведь теперь я не порх, а вольноотпущенный кортавида... Разве не так? — нагло спросил Бренн, желая немедленно подтвердить свой нынешний статус, изменившийся за последние полчаса. Кто он, в конце концов, — раб или свободный...

Подняв бровь, наставник тянул паузу, сверля Бренна холодными серыми глазами, но от прямого ответа уклонился. — Ты и впрямь решил, что кто-то из зрителей будет интересоваться твоей дальнейшей судьбой и что-то уточнять про твой теперешний статус? Или, может, с твоей спины уже срезали печать раба? — Этими словами Хрящ четко дал понять, что в данный момент и свобода, и жизнь Бренна полностью зависят от него.

— По моей задумке я привел тебя в башню, чтобы вроде как уберечь молодого кортавида-победителя от возможных неприятностей...

— Неприятностей? — Бренн непонимающе уставился на сургача, и тот снизошел до объяснения:

— Уцелевшие в прошлых Играх кортавида не жалуют новичков-соперников. Чем меньше везунчиков, вроде тебя, тем больше ценятся их собственные умения, тем больше щедрых поклонников им благоволят, а значит — приближается шанс выкупить себя. Так что на утро после Игры в бараке или аптекарне нередко находят труп свежее испеченного кортавида со свернутой шеей.

Бренн нахмурился. Неплохую отмазу придумал себе Хрящ. За доказанные убийства в Казаросса жестоко казнили, но в то же время поощряли зависть, стукачество и соперничество между бойцами-порхами. Это позволяло в зародыше подавить бунт, пресечь сговор, мятежные настроения и мысли о побеге. И судя по словам Хряща, Бренна придушат в бараке просто из ярой зависти — лишь за обещанную Тухлым Крабом вожаделенную свободу, которую другим придется добывать, рискуя шкурой... И свидетелей точно не найдется, в этом он не сомневался.

— Так вот, вникай, — до окончания Игры Золотых рыбок хозяин и наставники с воспитателями будут находиться в Казаросса. Даже с учетом подводных боев, которые скоро начнутся, это займет пару-тройку часов, не больше. За отпущенное тебе время ты должен покинуть Свартрок.

Бренн с трудом справлялся с нетерпением узнать, что его ждет дальше. Похоже, он ошибался насчет Джерга Ригана, — не такой уж он и жлоб... Но как именно сургач поможет ему сбежать?

— Господин, а как мы сможем...

— Не мы, девяносто девятый, а ты, — прервал наставник, тяжело уставившись на него, — неужто ты и впрямь подумал, что я готов рискнуть своим положением из-за раба, которого хозяин обрек на смерть, но опрометчиво пообещал свободу ради собственной популярности? Пустые иллюзии опасны для жизни и здоровья, порх...

Сердце забило, как бешеное, — так это обман?

— Когда я договаривался с твоим опекуном, то еще не знал, что тебя заготовили в качестве живца для моллюска. Знал бы — не стал связываться. Так что свою часть сделки я выполнил, и даже больше — предупредил, подготовил, спрятал в безопасном месте, — жестко продолжил Риган, всем видом демонстрируя уверенность своей правоте. — Взял на себя тухлые отговорки с ан Хурцем. А дальше — действуй самостоятельно. Сделаешь, как скажу, все получится.

Бренн, не мигая, смотрел на Ригана. Тот говорил отрывисто, то глядя в глаза Бренну, то

отводя взгляд в сторону. — А ты, пооди, думал, что тебя за ручку отсюда выведут? — усмехнулся Акулий Хрящ, но светлые глаза его не смеялись. — Сейчас я возвращаюсь в Казаросса, где и должен находиться во время игр, потом пообщаюсь с приятелями за кружкой эля в «Старой каракатице». Думаю, за это время ты успеешь свернуть шею паре рабов, если они попытаются поднять хай... И цени, что я теряю приличные деньги, жертвуя ради договора своими личными порхами... Особенно — моим управляющим. Он опытный слуга и очень преданный... но, к сожалению не мне, а Тухлому Крабу...

Бренн открыл пересохший рот, не веря услышанному. И это план побега?! В груди стало пусто... Сургач жертвует... Ха! Сколько же он срубил с Морая, если так легко жертвует слугами... — Вряд ли я справлюсь, наставник... — пробормотал Бренн, подавляя злость. Сейчас он зависим и слаб, как новорожденный котенок, и сургач знает об этом. Какого же храфна он играет с ним, предлагая похода убить нескольких рабов?

— Справишься, — беспечно отозвался Акулий Хрящ, — ты боец дрессированный, и слабомысые домашние слуги тебе не чета, тем более, что у них нет оружия. Впрочем, у тебя тоже его не будет. Даже ножа. Иначе Краб сразу прочухает, что дело нечисто.

Хрящ повертел в руках тяжелую двухзубцовую вилку из черной бронзы. — Столовые вилы для еды — вещь привычная житейская, и ни у кого опасений не вызывает. А зря. — Он подкинул одно из крепких красных яблок, лежащих на столе, и быстрым ударом снизу насадил его на два длинных зуба, которые с чавканьем вошли в брызнувшую соком мякоть. — Удар в шею такой вилкой — и можно выносить.

Бренн не отрывал взгляд от пробитого яблока. — А как же охранник у лестницы, привратники, караульные, порхи, надсмотрщики?

— Тут сложнее... — согласился Хрящ. — Но, на твое счастье, охранник обычно сидит спиной к бухте, глядя в сторону ворот, а то и дремлет... Слуги, что возьмется в саду, примут тебя за одного из свежих рабов... Так что все просто — спустишься до площадки последнего пролета, что ближе к обрыву. Спрыгнешь, обойдешь башню по скалам, — у ее основания со стороны моря тянется узкий карниз, от него идет небольшой уклон, и лишь затем — обрыв... Ну да проползешь как-нибудь, порх, — ты ведь хорошо обучен ползать... — сургач усмехнулся своей шутке.

Я многому обучен... — и ползать, и пресмыкаться, и драться... — рассеянно думал Бренн, чувствуя, что в душе ничто не отзывается на унижительную подколку наставника — плевать! Опустив голову и чуть прикрыв глаза, он сосредоточился на словах Ригана, выделяя из его «плана» самое важное и представляя свой путь во всех подробностях...

Пробивающийся через просечные ставни запах цветущих лимонов добавлял солонатовому морскому воздуху привкус нежной прохладной свежести.

— Когда спустишься к подножью башни, ушами не хлопай, — до поздних сумерек в роще работают порхи. По краю обрыва доберешься до боковой ограды, перелезешь через нее по-умному — чтоб жопой на пики не присесть, ну и все — свободен, как ветер. Гончие из Службы беглых искать тебя не станут, поскольку по закону ты — свободный ремесленник. Никаких бумаг о твоей купле-продаже у Тухлого Краба не имеется, как и записей о том, что тебя обратили в порха за убийство иль насилие...

— У меня нет шансов... — пробормотал Бренн, не глядя на сургача.

— У тебя их не было, — с нажимом произнес Хрящ, — до того, как вмешался я. А теперь — кой-какие появились, и будь за это благодарен, девяносто девятый, — сухо отозвался он, поднимаясь с кресла. — Робу и портки, чтоб срам прикрыть, снимешь с

любого слуги.

Ясное дело, — если порху порвали горло столовой вилкой, то зачем ему портки? В голове шумело, но Бренн пытался собраться с мыслями, которые, как тараканы, расползались в разные стороны. Что-то не так. Что-то совсем не так... А чего он, собственно, ожидал? Что преуспевающий дрессировщик станет заботиться о нем, как родная мать? Нет, конечно... Но уж если Риган польстился на деньги, то мог бы придумать толковый план, чтоб и самому не подставиться, и Бренна втихаря вывести за стены Казаросса... Это было в его силах. Ведь Хрящ работал на Краба уже несколько десятков лет, знал все ходы и выходы, имел и деньги, и связи, и репутацию...

— Господин... — спохватился Бренн, — а мой опекун — он случаем не передал, где будет меня ждать? Не назвал место встречи? Ведь домой мне путь заказан... пока все не уляжется...

— А... ну, да..., — помедлил Акулий Хрящ, — совсем забыл. Он просил напомнить тебе про какие-то розы или розочки что-ли... Дребедень, в общем, но вроде, как ты поймешь... — Риган вопросительно приподнял бровь, желая услышать от Бренна, что означают эти странные слова, но дождался лишь неуверенного кивка.

Надо же — наставник забыл! Недавно он забыл сказать о том, что хозяин Казаросса обещал даровать свободу в случае победы над сквидом, потом забыл напомнить, чтобы Бренн подал знак друзьям перед боем с морским гадом. И вот опять... С кем не бывает! Это конечно так, только вот люди обычно легко забывают именно то, что не особо хотят помнить. Бренн нахмурился, исподлобья глядя на сургача. И причем тут розы? — похоже, Морай на что-то намекает, но так, чтобы Хрящ не догадался...

— Теперь падай на тюфяк и прикинься, что ты вконец спекся... — велел наставник, направляясь к двери и не видя мрачных глаз молодого кортавида, нацеленных ему в спину.

Я и правда в конец спекся, — усмехнулся про себя Бренн, облизывая сухие, как корка, губы, — и прикидываться мне незачем...

Глава 5. Прыжок

Горбун-управляющий через несколько минут вернулся с миской густой похлебки и устался на израненного кортавида, который лежал на тюфяке с закрытыми глазами и тяжело дышал.

— Поставь на пол, — велел Хрящ. — Будешь каждый час заходить и проверять... — Дрессировщик вышел, сопровождаемый горбуном. Как только снаружи лязгнул засов, Бренн подтянул к себе миску и с жадностью набросился на еду. После чего едва успел на четвереньках добраться до ведра, куда тут же выблевал все съеденное. Залив в себя полкувшина воды, он улегся на спину, дрожа от слабости.

План побега от Джерга Ригана оказался полным дерьмом. Бестолковым и смертельно опасным. Затащить полудохлого бойца на самый верх охраняемой башни, вокруг которой мельтешат рабы и слуги, запереть, приставить смотрящего, и на голубом глазу убеждать, что он запросто справится со всеми препятствиями, вооруженный лишь столовой вилкой. Такой план мог придумать лихой и туповатый мальчишка, каким Бренн был полгода назад. В реальности слишком много всего и прочего должно совпасть, чтобы побег удался.

Причем, особая гнилая хитрожопость этого плана заключалась в том, что включал в себя обязательное убийство одного, двух или больше рабов... Сургач вязал Бренна кровью. Зачем? Ведь это значит, что на отлов кровавого убийцы Служба спокойствия и правопорядка немедля бросит все силы. По его следу пойдут гончие-скорпы, среди которых, наверняка, окажется Вислоусый. В том, что его схватят, где бы он не прятался, Бренн не сомневался ни на минуту, — система поимки, изоляции и безжалостного уничтожения преступников в Лааре работала безупречно. И вот тогда мучительные пытки и страшная казнь на площади Искупления ему обеспечена.

Пока он не совершил смертоубийство, у него есть шанс на жизнь. На свободную жизнь. Ну, и главное — убивать Бренн не хотел. Кровью он был сыт по горло.

А уважаемый старший дрессировщик врал. Недоговаривал и врал, как сивый мерин. Наверняка Морай уже выплатил ему весь выкуп целиком, не дожидаясь освобождения Бренна. При всей природной недоверчивости у Морая просто не было другого выхода, кроме как поверить на слово серьезному человеку, который принес радостную весть о том, что ученик жив, находится совсем рядом и его можно вызволить. Поэтому Ригану и плевать, сумеет Бренн сбежать или его схватят. Деньги получены, и теперь Хрящу незачем рисковать своей безупречной репутацией и вызывать ненужные подозрения у Тухлого Краба.

Но тогда зачем наставник обнадеживал его, водил «знакомиться» с многоруким гадом, зачем обещал помощь, зная, что она не понадобится? — мучился в непонятках Бренн. Хотя что тут непонятного — может, Хрящ совесть свою заговаривал, чтоб не свербело, да заодно подстегивал надеждой живца, чтоб он стал порезвее, и представление удовлетворило взыскательную публику. А когда Бренн, к его явной досаде, справился с монстром, пришлось выполнить часть плана и увести его в Свартрок.

А может, все еще хуже. Что, если Хрящу не просто плевать, а даже выгодно, чтобы Бренну-убийце вспороли брюхо при побеге? Тогда перед Тухлым Крабом сургач будет чист, как белая голубка. Потому он и не упоминал о караульных, которые наверняка обходят территорию вокруг Свартрока. Да уж, план побега — самое настоящее дурилово... Однако, полгода, проведенные на Скотном дворе, где людей считали по головам, как овец, выбили из

Бренна все ребячьи иллюзии. Инстинкт многократно «битого» порха орал, вопил во все горло, что даже попытка напасть на слуг станет последней глупостью в его жизни. Робкая надежда на то, что Хрящ и вправду захотел помочь, пусть и не бескорыстно, растаяла, как медуза на берегу под палящим солнцем. После окончания представлений в Казаросса, сургач отправится глушить синюху в Старой каракатице, с нетерпением ожидая сообщения о поимке или гибели неудачливого раба. Чтобы закрыть этот вопрос как можно скорее...

А еще... Бренн открыл глаза... А еще... — сказал он себе — в круговерти событий, ты постоянно забываешь о том, что с тебя не спускает глаз неведомый Заказчик, который преследует тебя, как одержимый, и по неизвестным причинам ищет твоей смерти. «Не забываю, просто... об этом я подумаю позже», — мелькнула вялая мысль, и Бренн потерял сознание...

Сквозь щели просечных ставен на каменный пол падали лучи вечернего солнца. Морщась от боли, он залез на широкий оконный откос и сбросил крючок, ожидая увидеть в проеме решетку. Но решетка была не нужна — далеко внизу, о дикие скалы, из которых росла древняя башня, бился океан. Чайки, парящие низко над водой, казались белыми точками, а большие бриганты — игрушечными лодчонками.

Стена внизу упиралась в узкий каменистый выступ, переходивший в крутой склон, который резко обрывался в бездну. Похоже, по этому карнизу, согласно плану Хряща, ему и предстояло обогнуть башню. Он присмотрелся. Поскольку Свартрок был построен на скальном утесе, вздымающимся под углом, то со стороны океана основание башни находилось гораздо выше, чем ее подножье со стороны города. И расстояние от окна до каменистой поверхности было вполне преодолимым. Только вот вряд ли удастся спрыгнуть так, чтобы удержаться на узком карнизе возле стены... Скорее всего он приземлится на крутой склон и весело покатится по нему, чтобы через пару секунд сорваться с утеса.

Лежа на животе в стенной оконной нише, Бренн продумывал свой собственный план побега, который мало по малу становился все более жизнеспособным...

Предположим, он прыгнул из окна. Не поломался, не сорвался вниз... Однако после прыжка погасить удар перекатом в сторону он не сможет — слишком узка горизонтальная поверхность возле стены. Что дальше? Если сползти по склону до края утеса и прыгнуть с такой высоты, не лопнет ли ребра при ударе о воду? Может быть... И все же этот план лучше предложенного Хрящом. Он не станет рвать шеи слуг столовыми вилами... Он не подставит себя и не помчится на всех парусах в расставленную ловушку, как тупорылый пентюх. И выбираться отсюда надо, как можно быстрее. Хотя сургач наплел, что до конца игр есть время, это ничего не значит — Тухлый Краб в любой момент пошлет своих уродов свернуть ему шею.

Так, дальше... Горбуну велено заходить и проверять пленника каждый час. А с тех пор, как ушел Хрящ, Бренн уже с полчаса как глазеет на стены башни, и до прихода управляющего осталось всего ничего... Значит, придется выждать — пусть тот убедится, что порх валяется в отключке, и тогда до следующей проверки хватит времени, чтобы сделать первую и последнюю попытку побега. Ждать! Но ждать просто невозможно! — вдруг уже сейчас по галерее идет предвкушающий расправу Шило в сопровождении Хнора. Что они с ним сделают? Выбросят в окно, придушат, перережут горло? Нет, так легко он не отделается. Шило спит и видит, как бы отволочь его в Харчевню и, от души поглумившись, отправить на корм рыбам.

Бренн сделал глубокий вдох и очень медленный выдох через почти сомкнутые губы. Ровно и медленно задышал, отгоняя страшную картину и убеждая себя, что сейчас он просто ничего не успеет предпринять, а вынужденные минуты ожидания позволят хоть немного прийти в себя и успокоиться. Он снова припал к кувшину, глотая оставшуюся воду, вспомнив, как сам заставлял тетушку Уллу выпаивать Дуги, чтобы вместе с мочой быстрее выходил яд розовых медуз. Медузы... Медузы! «Розочки», розы! Так вот на какие розы намекал Морай. Ни капли не доверяя Джергу Ригану, он скрыл от него место встречи, но дал понять Бренну, что ждать его будет у Черного зуба, где побережье изрезано множеством крошечных бухт и сухих пещер. Ведь именно там они с Дуги отбивались от «розочек». Мог бы и раньше догадаться, — обругал себя Бренн. Что-то он стал туго соображать, всего полгода побыв в роли дрессированного осла. И не удивительно — ведь вся система Казаросса была направлена на то, чтобы уничтожить зачатки человеческого в молодых порхах, сделать их тупыми похотливыми животными, агрессивными в ходе игр и трясущимися от страха перед ужасными наказаниями.

Вытянувшись на тюфяке, он постарался расслабиться, начиная с судорожно сжатых век и стиснутых челюстей, делая медленные вдохи и долгие выдохи. Когда веки перестали дрожать, а пересохший рот наполнился слюной, он мысленно двинулся к затылку, плечам, где в затвердевших от напряжения мышцах коренилась боль. Затем от плеч — вдоль рук и ног — к пальцам. Тело становилось тяжелым. Казалось, что он превращается в мерно дышащую ящерицу, безмятежно распластавшуюся на горячем от зноя камне.

Скрежетание ключа заставило очнуться, но глаз он не открыл. Сердце бешено застучало — он вдруг испугался, что позабыл закрыть оконные ставни. Но спустя секунду понял, что в комнате царит полумрак, ощутив это через прикрытые веки. Значит, не забыл, просто сделал это механически... Шарканье босых ступней, тяжелое дыхание — рядом с тюфяком присел горбун. И не спешил уходить. Почему так долго? Смотрит? Бренн вдыхал едкий запах пота и чувствовал дурной запах изо рта слуги.

— Эй, порх! — резкий толчок в ободранное плечо. Ожидая чего-то подобного, Бренн застонал, изображая беспомощность. Посидев пару минут возле тюфяка, горбун, наконец, пошлепал к двери. Хлопок, скрежет засова. Тишина. И лишь спустя минуту — едва слышное шуршание подошв — видно недоверчивый старик прислушивался к звукам в комнате, стоя с другой стороны...

От нетерпения Бренн резко поднялся, и в глазах потемнело. Переждав приступ тошноты, отдышался, добрался до оконной ниши. Страх разбиться о камни нехотя отступил перед страхом унижений и неминуемой смерти от руки Шила... Теперь нужно лишь сосредоточиться и собраться. Он пытался нащупать в себе хотя бы каплю ядзу, чтобы унять слабость, но тело казалось совершенно пустым, как черное беззвездное небо перед рождением новой луны. Ни искры, ни проблеска. Тошнота и дрожь не проходили, и потому он двигался медленно... прям, как старая Ойхе, когда у нее болит спина. Этот мелькнувший образ из прежней жизни чуть отвлек, чуть ободрил.

Стягивая тряпкой волосы, коснулся железного ошейника — привычной вещи, подтверждающей, что он — всего лишь собственность господина ан Хурца. Как снять эту дрянь? Не сейчас — смешно беспокоиться об ошейнике, если в любой момент тебе могут свернуть шею.

Перегнувшись через оконную раму, еще раз осмотрел каменную кладку Свартрока. Да, он не ошибся, — башня расширялась книзу, и стена шла под небольшим углом. Это надо

использовать. Не стоит прыгать, рискуя пролететь мимо карниза, и рухнуть на крутой склон... Он делает по-другому. Перебравшись через подоконник, Бренн повис на руках, распластавшись на стене, и, отпустив пальцы, начал... падать, то скользя по ее поверхности, то отрываясь от нее и вновь скользя. Перед глазами замелькали шершавые камни. Обдирая грудь и живот, цепляясь за выступы, трещины, пучки сухой травы, он, как мог, замедлял падение...

Пытаясь смягчить удар, упал, как кошка, — на четыре «лапы», и все равно прикусил язык, врезавшись подбородком в колено. Сразу качнуло назад — в сторону крутизны, и он с трудом удержался, чтобы не опрокинуться, вцепившись в верхушки камней и колкие стебли утесника. Накатила дурнота. Сплевывая кровь, Бренн прижался всем телом к теплой бугристой поверхности, и замер в неподвижности.

Через пару минут он уже медленно сползал вниз, отыскивая пальцами ног выступы и впадины, опасаясь пропустить место, где утес резко обрывается в пустоту. Песок и камни кололи ободранную кожу, но одновременно помогали удерживаться, а неожиданно усилившийся ветер охлаждал и бодрил. За спиной он чувствовал тяжелое колыхание океана.

До этого момента не хотелось думать о том, что будет после того, как он «выпадет» из окна башни, но теперь голову распирали вопросы, которые нужно было решить немедленно... Как прыгнуть, чтобы удачно войти в воду, не разбившись в лепешку... Глубины под утесом ему хватит, но под водой могут скрываться обломки скал. Море тревожится — это плохо... Но набирающий силу ветер взбивает на волнах пену, и вода не будет такой жесткой, как в шпиль, — это хорошо... Сможет ли он вплавь добраться до Черного зуба? Поживем — увидим!

Под ногами потоками стала осыпаться мелкая скальная крошка, зашатались и полетели вниз камни... Все — дальше обрыв и пропасть... Неожиданно похолодало, потемнело, ветер стал резким и раздраженным. Осторожно повернув голову, Бренн обернулся, — с северо-запада на Сильфурбэй напозла огромная туча, пожирая тяжелый шар солнца, висевший над горизонтом. Она уже затянула половину неба, быстро наливавшегося густой лиловой тьмой, которую разрывали ломаные ветви молний... Только этого не хватало, — Бренн поежился. В сгущающейся мгле вспыхивали белизной паруса судов и рыбацких баркасов, спешащих к бухте. На вонзившейся в облака Небесной Игле лениво закрутился огромный грузовой дирижабль... Далекие раскаты грома приближались.

А это еще что за храфнова муть? Он замер, не веря глазам, — вместе с грозой на побережье надвигался настоящий смерч, соединяющий водное пространство с брюхом гигантской тучи жирной сизой воронкой. За всю жизнь Бренн видел лишь один смерч — но тот показался бы сейчас хилой ниточкой по сравнению с движущимся монстром...

Вместе с грозой на Бхаддуар идет ураган! Везуха кончилась в самый важный момент — похоже, бог удачи Перу-Пели или забыл о нем, или набухался вусмерть, — мелькнула горькая мысль. Ветер свирепел и норовил сорвать его с утеса, как мелкую букашку. Медлить нельзя... но и прыгать нельзя! При таком ветре это верная гибель... Да неужто? — хихикнул в голове глумливый голосок, — а что для тебя сейчас не верная гибель, Бренни? Все другие пути отрезаны, да их и не существует! А потому, чем дольше ты тут висишь, как полудохлый червяк на крючке, тем больше у тебя шансов стать дохлым окончательно и бесповоротно. Ведь силы твои уходят, а проклятый ветер только крепнет.

Бренн выругался и осторожно сполз еще ниже, повиснув на самом краю скалы. Не медля, перебросил левую руку назад, схватившись за выступ, и развернулся лицом к

океанской бездне, дохнувшей ему в лицо холодной соленой влагой. Дыхание перехватило от сильного ветра, восторга и ужаса. Перед безбрежной жутью небес и тяжело ворочавшегося океана он ощутил себя крохотной каплей дождя на мертвом камне.

Но тут... Сизо-серая пуповина смерча, соединяющая океан с небесной тьмой, стала на глазах рассеиваться и оседать... А из рассыпающейся мутной воронки вырвался небольшой дирижабль. Издалека воздушный корабль казался маленькой пузатой рыбкой, плывущей в небе под брюхом жирной тучи. Ну и чудеса в театре дядюшки Гримара! Энраддский дирижабль несло к побережью Бхаддуара. В голове вспышками замелькали мысли: каким образом судно осталось невредимым, находясь внутри Ока? Как хреново сейчас авиаторам, ведущим корабль... Пожалуй, не менее хреново, чем ему....

Да спасет всех светоносный Жизнедатель! Порыв ветра сбросил с утеса камень. Бренн посмотрел, как он падает в далекую пену волн, и разжал пальцы.

Повезло. Ему снова повезло в этот кошмарный день — войдя в воду немного под углом, Бренн не слабо отшиб задницу, но ничего не сломал — взбитая ветром пенная шапка на волнах смягчила удар. Вынырнув, жадно глотнул воздух. Совсем рядом вздымались темные, лоснящиеся от воды скалы с торчащей на вершине свечой Свартрока. Вспышки молний становились чаще, черноту небес пронзали десятки ослепительных нитей, похожих на горящие сухие ветви исполинских деревьев. Волны гнали Бренна к острозубым скалам — еще немного, и они размажут его по камням, если в который раз на помощь не придет удача.

А не слишком ли много он выпрашивает у богов? Но, судя по всему, бухой Перу-Пели протрезвел и решил таки довести благое дело до конца. Нависшая над Свартроком свинцовая туча лопнула, тугие струи забили по голове и плечам, и все вокруг утонуло в серой мгле ливня. Всполохи молний перестали рвать небо, а раскаты грома превратились в едва слышное ворчание. Свирепый ветер, почему-то вдруг устав, ослабел, глубокие морщины волн разгладились, а черное небо, низвергнув тонны воды, светлело и успокаивалось. За пару минут буря стихла... будто кому-то на небесах надоело играть в нее.

Однако, чтобы отплыть в сторону от утеса и справиться с прибоем, Бренну потребовались все силы и яростное пламя надежды. Как ни странно, но гроза даже помогла ему. В тихий день воды Серебряной гавани кишели большими и малыми судами, были наполнены суетой прогулочных лодок и рыбацких баркасов. И вероятность того, что беглого порха с печатью Казаросса втащили на галеру, забросив ловчую сеть, была очень велика. Но только не сегодня. Разыгравшаяся буря на время утихомирила бурную жизнь Сильфурбэй, а серая мгла ливня обесцветила краски, сделав беглеца неразличимым среди пенных гребней.

Боги услышали его, сотворив чудо, но до Черного зуба Бренн добрался, полностью выбившись из сил.

Глава 6. Чужой берег

Обошлось. Хотя в голове бил колокол, тело болело, а сломанное предплечье дергало, Ларс чувствовал, как его губы растягиваются в дурацкой ухмылке. Поверить в случившееся было трудно — все произошло буквально за несколько минут: только что судно болталось внутри Ока бури, несущейся лишь ей ведомыми путями, как вдруг непроницаемая стена воронки, будто обессилив, стала оседать, тая на глазах. Ураганный ветер ослаб до крепкого, высокие пенные гребни волн, бороздившие тело океана, присмирели. Светлые проблески прорезали темное небо на горизонте, а в просвете туч появилось низкое закатное солнце, лаская серо-синие воды розовыми отсветами.

Ларс взглянул на часы — ну да, четыре двадцать утра, — как и должно быть... Тогда почему он видит закатное солнце? Чижика угораздило попасть в штормовую воронку около семи-восьми часов вечера... И почти десять часов их несло через Лютую лужу... Значит, здесь — на побережье Лаара сейчас должно быть раннее утро, а не вечер! Бред, да и только... Хотя о чем это он — разве все, что произошло с ними можно считать нормой? Но искать ответы он будет потом. Позже.

Главное — они в безопасности. Они живы. Ссадины, ушибы, порезы и даже перелом — рядовые травмы в ходе испытательного полета в штормовых условиях. О гибели мотомеханика Ларс старался не думать, — тяжело. Что ж, придется поверить в то, что случилось чудо. А как иначе назвать стремительное изменение обстоятельств, обещающих неизбежную гибель, в сторону резкого улучшения. Похоже, один из ангелов, мимоходом пролетая над Лютым океаном, заметил парочку грешников и намекнул Господу, что эти двое, вернее — трое, если считать Бьорка, еще могут пригодиться в его грандиозных планах, неведомых смертным.

И что удивительно, Чижик — практически в порядке, не считая поверхностного повреждения обшивки, одного из шпангоутов и, судя по всему, — некоторого ослабления заклепочных соединений. Возможно, что-то еще — но это почти не сказывается на управлении и стабилизации судна.

Их прикидочные расчеты оказались верными — дирижабль действительно принесло на север Лаара, и как по заказу — прямо к столице, над которой все еще нависала штормовая тьма. Зрелище было грандиозным... Огромный город хребтом вздымался над заливом. Ларс видел сотни судов в гавани Сильфурбэй и серебристо-белые пески в маленьких бухтах на побережье... Видел колоссальное сооружение типа виадука, ведущее прямо в сердце Бхаддуара, и мощную причальную мачту, пронзающую сизые тучи. Вокруг нее, как флюгер, вертелся грузовой дирижабль Империи. Выходит, на побережье еще всю свирепствует шквалистый ветер, тогда как над открытой водой становится все спокойней... Ларс нашарил здоровой рукой сигареты и жадно затянулся, наплевав на безопасность.

— Скоро швартуемся... — вздохнул Гуннар, покосившись на брата. Он полностью взял на себя управление, поддерживая заданный курс, стабилизируя положение судна и отслеживая тангаж.

— Как мы это сделаем, якорь мне в задницу!?! — просипел Ларс, — ты что не видишь! — он кивнул в сторону мачты с темной точкой дирижабля.

— Ты ругаешься, как портовый грузчик, твоя светлость... — хмыкнул Гуннар, — вижу, конечно. — Прищурился под опухшим веком, он взглянул в воздушный корабль Энрада,

напоминавший упитанную муху, нарезавшую круги над банкой с вареньем. — И вижу, что замедляется... — удовлетворенно констатировал он, — явно замедляется...

— Даже если так... Чижикун придется садиться на пузо, раз на мачте завис наш грузовик...

— Не придется... — Гуннар постепенно снижал скорость, — я разве не говорил, что на авиаплощадке Бхаддуара кроме стационарной, уже полгода используют передвижную мачту?

— Не говорил... — с нажимом произнес Ларс.

— Не хмурься — я был уверен, что говорил...

— Ладно, и когда успели?

— Помнишь выступление шефа военно-инженерного ведомства в Министерстве по поводу сложности изготовления телескопических мачт и ненадежности их в эксплуатации?

— Помню, что Совет отверг это предложение... Или нет? — Ларс сделал паузу, подавляя тошноту.

— Поначалу — да. Но буквально через пару недель было дано указание создать опытный образец передвижной мачты на треугольной решетчатой платформе. С той самой шарнирно-подвижной «ногой» для изменения высоты, что разработали в Проектном ведомстве твоего отца. И проверить один из них здесь — на авиадроме Бхаддуара. Извини...

— Утомил ты своими извинениями. — Ларс не скрывал раздражения тем, что кузен легкомысленно забыл упомянуть, что в дело пошли разработки его погибшего отца — младшего брата императора Магнуса...

— И как двигается опорная платформа? — Ларс попытался подавить обиду, продолжив разговор о технологии. — Ведь проект предполагал, что ее будут перемещать на железнодорожных тележках по колее...

— Лаарцы все упростили до предела, используя труд тысяч рабов. Так что в нашем распоряжении идеально выровненная швартовочная площадка с отменным покрытием и выдрессированные кнутом причальные команды.

— Весьма прогрессивные технологии, — буркнул Ларс. — Однако, удивлен, что корабль не сорвало при таком шквале, — перешел он на более насущную тему, наблюдая за судном, которое действительно останавливало свое кружение.

— Срывы при шквале регистрируют все реже... Стыковочный узел модернизировали, да и носовую часть упрочняют, насколько это возможно... Хотя, еще год назад в Равенне, помнишь, Сокол разбился?.. Парни просто не успевали повернуть корабль по ветру — броски ветра оказались быстрее.

— Да уж, нашим в рубке не позавидуешь, если они там... — пробормотал Ларс.

— Вряд ли, — возразил Гуннар, — судно, скорее всего, уже разгрузили, и команда отдыхает. Корабль удержится в стыковом гнезде и без пилотов — на этот случай спроектировали автомат-реактор... Уже полгода как.

Ларс признавал, что они оба сейчас слишком много болтают, что случается после хорошей встряски после почти состоявшегося интимного свидания со смертью...

— Я бы, пожалуй, рискнул глянуть с верхушки мачты, как хвост дирижабля вертится... — бодро заявил Гуннар.

— Лично я — пас. Похоже, наелся адреналином на год вперед, — качнул головой Ларс и тут же пожалел об этом, с трудом подавив приступ рвоты. — И, судя по всему, заработал неслабое сотрясение мозга...

Небо над побережьем быстро светлело. Грузовой корабль на мачте завис в

неподвижности, — целый и невредимый. Серебряная бухта становилась все ближе. Мощные скальные выступы, образующие естественный волнорез, надежно защищали гавань от штормовых волн. Множество пирсов вгрызалось в спокойную синь гавани. А над ней ступенями поднималась громада города, увенчанного величественным дворцом Розаарде, пламенеющего в лучах заката.

— Ну и махина... — пробормотал Ларс, регулируя резкость бинокля.

— Ты про дворец? — спросил Гуннар, ревниво сравнивая Розаарде с императорским дворцом в Эббе.

— Я про мачту, — эта их Небесная игла больше походит на Небесный лом... она явно раза в три толще наших стационарок... И зачем нужны те огромные зигзагообразные конструкции, что поднимаются до самого верха?

— Пандусы. Дело в том, что исходный проект, который мы передали лаарцам, их инженеры изменили с учетом здешних условий, то есть, по максимуму используя человеческие ресурсы.

— Снова рабы?

— Снова, — кивнул Гуннар. — У нас грузовые лифты, а у них — рабы, которые тащат грузы по лестницам или волокут по этим самым пандусам на верхотуру. Потому сооружение и выглядит таким массивным.

— Это же адский труд, — Ларс непроизвольно сжал пальцы в кулак и тут же скривился от боли.

— Порхи для них — что мусор под ногами. Рассказывали, что ослабевших носильщиков просто сбрасывают вниз, чтобы не тормозили движение всего потока...

— Жестко. — Ларс помолчал. — Подожди, а как поднимаются пилоты, бортмеханики... ну и их надзиратели, в конце концов?

— Для них оборудованы механические подъемники... И опять же — никакой тебе гидравлики или электричества, только шестерни, цепные блоки и мускульная сила рабов...

— Ладно, посмотрим на этот беспредел поближе, — устало кивнул Ларс, потянувшись за бутылкой с водой. Видимо, от толчков, она упала, и ему пришлось шарить вниз. — Надо же... — вместо бутылки пальцы нащупали экзотическое перо южной птички — растрепанное и пыльное, оно, тем не менее, сохраняло яркую изумрудно-золотую окраску. — Как внутрь-то попало?...

— При наших сегодняшних прыжках и ужимках в облаках — ни капли не удивительно...

Ларс смотрел на приближающийся Бхаддуар, признаваясь себе, что, по крайней мере, издали, он не уступает столице Энрадда, а возможно, даже превосходит ее. Город рос как гора. Кварталы поднимались вверх ступенями. Башни, колокольни, храмы и старинные здания, высились подобно деревьям, взбирающимся на холм. За строениями первого яруса виднелись фасады и крыши домов вышележащих кварталов Грайорде — Нижнего Города. И так — от самого порта с пирсами и причалами до крепостной стены Розстейнар — Верхнего Города. Вишенкой на этом многослойном торте был тысячелетний дворец Розаарде, сооруженный из блоков порфира и розового гранита.

— Впечатляет, ничего не скажешь...

— Да уж... — согласился Гуннар, — пожалуй, все не так плохо, как казалось. По крайней мере, мы, наконец, видим Бхаддуар своими собственными глазами, а не на

халтурных черно-белых фото... Если бы не шторм, то даже не знаю, когда бы отец разрешил мне официально слетать до Лаара...

— Когда рак на горе свистнет... Пора снижаться, командир... — Ларс наклонился к штурвалу руля высоты, справа от пилотского кресла.

— Не тянись, не тянись, твоя светлость, я и один справлюсь... — одернул его Гуннар, манипулируя клапанами.

— Незачем в одиночку напрягаться, — курс я удержу, правая-то рука работает, — Ларс подмигнул кузену, — не сомневайся!

Огромное авиаполе находилось милях в трех от нижней крепостной стены Бхаддуара. Неподалеку от причальной мачты, как муравьи, копошились сотни человеческих фигурок, возводивших огромный эллинг. — Ты смотри — нас, похоже, уже встречают... — удивился Ларс, разглядывая расходящиеся полукругом группы рабов, которыми командовали верховые надсмотрщики. — Судя по всему, это их причальная команда в полсотню человек... А чуть подальше... Да там целая делегация, Гуннар!

Принц снизил скорость до минимальной, опуская машину над авиаполем по пологой кривой. Теперь дирижабль «полз» на высоте пятидесяти метров над землей. — Бьорк! — повернулся он к мотомеханику. — Пора бросать гайдропы! — Кивнув, Бьорк, еще бледный от пережитого, но уже пришедший в себя, поспешно вышел из рубки, чтобы выполнить приказ.

— Десять метров... — пробормотал через несколько минут Гуннар, отслеживая сброс фалов, и перевел движители в вертикальное положение. Винты потянули машину к земле.

На земле за дело тут же взялись три десятка причальщиков. Подтягивая дирижабль за гайдропы, они умело корректировали положение судна, и практически приняли гондолу «на руки», удерживая ее за поясные стропы. Когда мощные колеса опор передней и хвостовой части коснулись идеально ровных плит авиаполя, Ларс с облегчением выдохнул. Все происходило стремительно и неправдоподобно — слишком много событий было спрессовано в коротком промежутке последних суток. Осунувшееся лицо Гуннара от напряжения покрылось испариной, но он все же кривовато улыбался, глядя на кузена. — Как думаешь, нам можно, наконец, расслабиться?

Они вышли к широкой откидной двери левого борта. Рабы под наблюдением надзирателей тут же начали погрузку мешков с песком — балласта для утяжеления судна. Сжав губы, Ларс скользил глазами по застарелым шрамам и свежим кровавым следам, покрывающим спины молодых мужчин, — бритых, босых, прикрытых лишь набедренными повязками. А к кораблю уже подходила группа встречающих. Впереди, не торопясь, шел представительный вельможа, облаченный в черное с серебром. Сдержанный наряд подчеркивал темные зачесанные назад волосы, волнистой гривой спадавшие на плечи, и пронизанную седыми нитями бороду. Он с явным интересом доброжелательно смотрел на гостей, раскрывая руки в приветственном жесте, будто готовясь обнять их.

— Свер ан Оллард, советник Его величества — короля Готфрида, правящего супруга владетельницы Лаара Элмеры Милостивой! — представился он. Голос вельможи был низким и властным. Он демонстративно низко поклонился, что было совсем не обязательно, как отметил Ларс, и продолжил: — Приветствую отважных авиаторов, оседлавших бурю и прибывших в Лаар верхом на хребте урагана, — он улыбнулся, щуря зеленые, как у кота, глаза. — Прошу, прошу, господа...

Пытаясь сохранить равновесие и кляня проклятое головокружение, Ларс спустился по

трапу вслед за кузеном. — Герцог Арлинда, Гуннар Магнус нор Крейг и мой кузен — герцог Ларс нор Байли, к вашим услугам, минрэй, — напрягая осипший голос, ответил принц, вежливо склонив голову, и покачнулся. Ларс успел схватить его здоровой рукой за локоть, заметив неприкрытое беспокойство на лице советника Олларда. Но Гуннар уже выпрямился. — Все в порядке, минрэй. Нас всех немного штормит... после шторма, — пошутил он, добившись встречной улыбки советника.

На колесных тележках рабы уже подошли к дирижаблю тяжелую решетчатую платформу с укрепленной на ней высокой причальной мачтой. На мачту уверенно взбирались двое порхов, готовясь подвязать фалы к носу корабля. Чтобы точно совместить стыковочный узел судна с гнездом на мачте, группы рабов осторожно поворачивали платформу, подчиняясь указаниям надзирателей. После точной ориентации и стыковки узлов, дирижабль принялись дополнительно фиксировать растяжками, крепя их на массивных якорных опорах.

Прищурив здоровый глаз, принц, посмотрел на грузовой корабль Энрада, пришвартованный к Небесной игле, и Оллард, предвосхищая его вопрос, тут же сообщил: — Не стоит беспокоиться, Ваше Высочество, милостью богов грузовое судно не пострадало, а экипаж здоров... Позднее вы сможете сами убедиться в этом, если пожелаете... А сейчас... мы окажем вам срочную помощь, Ваше Высочество, ибо медлить при подобных травмах недопустимо...

Советник обернулся, и вперед выступил низкорослый полноватый человек с лунообразным лицом в дурацкой, по мнению Ларса, красной шляпе и темной хламиде. Он поприветствовал гостей, едва склонив голову в поклоне. — Верховный жрец ордена Непорочных, — представил он самого себя, — Скаах ан Хар.

Несмотря на сгущающиеся сумерки, глаза жреца скрывали очки с круглыми темно-красными стеклами. Длинные, будто без костей, пальцы, странно смотревшиеся с его рыхлой короткой фигурой, то и дело поглаживали медальон из темного матового камня. Но Ларса привлек орнамент над его короткой бровью — пять темных сужающихся к виску полос, напоминающих длинные изогнутые когти... «Хринг» — вспомнил Ларс, — «знак статуса жреца в Ордене». Тонкие губы человека растянулись в добродушной улыбке, но Ларс чувствовал липкий взгляд из-под очков, елозящий по его лицу. Не оборачиваясь, Жрец властно вскинул ладонь, подавая знак стоявшим позади него подчиненным, и через полминуты кузены уже сидели в мягких креслах с удобной опорой для ног.

Перед ними почтительно склонились двое — худой мрачный старик с выступающим острым подбородком и улыбчивый Непорочный с бритым черепом и двумя толстыми черными косами, падающими на плечи. Над бровью у обоих чернела пара «когтей». Висевшие на их шеях золотые кулоны в виде вскрытого сердца, выполненного с анатомической точностью, по-видимому, указывали на то, что жрецы занимались врачевательством.

Бритый в сопровождении двух учеников, держащих медицинские сундуки, повернулся к Гуннару, занявшись его раной на голове. Старик же подошел к Ларсу, согнув спину в глубоком поклоне. — Беспокоиться незачем, Ваша светлость, — проскрипел он, — Непорочные — самые искусные врачеватели в мире. Ларс мог бы поспорить, если бы не холодный пот, головокружение и раздирающая боль ниже локтя. А жрец тем временем взял прозрачный флакон, наполненный коричневой жидкостью, отлил из него пару ложек в крошечную пиалу и молча выпил, демонстрируя пациенту, что отравления опасаться не

стоит.

— Я и мои эфебы сделают все, Ваша светлость чтобы терзающая вас боль, тошнота и кружение в голове прошли без следа, как только вы досчитаете до ста... Вслух.

Ларс опрокинул в рот снадобье, и у него перехватило дыхание. Казалось, что в пищевод влили едкую кислоту. Однако, открыв рот, чтобы заорать, он ощутил, что кислотное жжение прекратилось, и услышал, как Гуннар послушно считает вслух, — видно его тоже заставили принять лекарство. Не моргая, старец сосредоточил взгляд на переносице Ларса, глядя вроде бы на него, и одновременно — будто бы сквозь него. И удивительное дело — как только Ларс досчитал до семидесяти, боль не просто утихла, она исчезла вообще. Испарилась. При чем старый лекарь, не задавая вопросов, тут же понял, что снадобье подействовало, и начал раздавать короткие указания эфебам.

Те ловко и осторожно разрезали рукав рубашки, обнажив опухшую синюшно-багровую руку Ларса. Пока помощники крепко удерживали его за плечи, костистые пальцы старика почти неслышно пробежались по сломанному предплечью. — Отек серьезный, — сообщил жрец, — но разрывы нутряных тканей невелики, а излияние крови ограничено. Немного поврежден нерв, потому боль проявила себя острее, чем обычно бывает при закрытом переломе. Но в целом, Жизнедатель оказался весьма милостив, Ваша светлость.

Врачеватель щупал, тянул костные обломки, сдвигал и надавливал, но Ларс, хоть и напрягался в ожидании боли, не чувствовал ничего, слыша лишь противный хруст, треск и щелканье. — Я устранил смещение фрагментов кости и сопоставил их, — сухо пояснил лекарь. — Теперь кости сложены, как им надлежит по природе.

По его знаку юный эфеб смазал кожу на руке Ларса густым и очень холодным маслом с острым запахом. — Это средство сдержит нарастание отека, — снова объяснил свои действия жрец. — Осталось закрепить костные обломки для дальнейшего сращивания. Для этого сделаем жесткую повязку, которая не позволит им сместиться.

Под мрачным взглядом учителя эфебы пропитывали широкие ленты ткани бурой смесью с запахом смолы, и осторожно формировали фиксирующую повязку. Пока ее накладывали и разглаживали, жрец удерживал предплечье пациента в нужном положении. Через пару минут забинтованную руку Ларса уложили в косынку, обхватившую шею. Поклонившись, врачеватели, не поворачиваясь к гостям спиной, попятились назад. Скаах ан Хар, все это время внимательно наблюдавший за процедурами, которые проводили высокородным чужестранцам, обратился к Гуннару: — Обещаю, Ваше Высочество что послезавтра от вашей раны останется лишь едва заметный шрам.

Затем Жрец нацелил очки на Ларса. — К концу пятого дня приема снадобий, приготовленных при воздействии светлой яджу, кость срастется, и вы сможете поднимать тяжести, пользоваться холодным оружием и управлять своей небесной машиной. Никаких ограничений.

Кузены почти одновременно вскинули брови, подавляя недоверчивое хмыканье. — Ваши сомнения понятны, минрэи, но совершенно напрасны, — тут же раскусил их скепсис Верховный Заклинатель. — В течение этих дней юные служители Светлосияющего будут непрерывно взывать к неизмеримому свету, умоляя о вашем скорейшем излечении. Взывать, не прерываясь на сон, еду, питье и естественные надобности. Как правило, они столь неистовы в своем бдении, что, даже потеряв голос, продолжают безмолвно кричать, напрягая все силы. К сожалению, некоторые, особо усердные, погибают от обезвоживания, — добавил он, старательно раздвинув губы в улыбке светлой грусти.

— Прошу прощения, минрэй... — Ларс замялся, не зная, как правильно обратиться к жрецу.

— Да-да, — просто минрэй, или, если вам угодно, — Владыка тайного, — подсказал тот, поняв замешательство гостя. При виде помрачневшего лица Ларса рот Жреца исказила едва заметная усмешка, будто он угадал его мысли и знал, что именно его расстроило.

— Так вот, минрэй, — продолжил Ларс, стараясь придать голосу твердость, — я в курсе, что обычный перелом срастается недель за пять... И не считаю правильным ускорять выздоровление за счет страданий, а тем более — за счет жизни кого бы то ни было, в данном случае — служителей вашего Бога. Это совершенно неприемлемо. — Последние слова он произнес с нажимом.

— Подобное ритуальное лечение применяют лишь для особо избранных господ, в знак особого уважения... — с напором возразил Скаах ан Хар, улыбаясь еще доброжелательнее, так что его бледные десны оголились, а круглое лицо покрылось ниточками тонких морщинок.

— Мы безмерно благодарны вам, Владыка Тайного, — вступил в разговор принц, — и безмерно обязаны. Но, и я, и мой брат пока ничем не заслужили того «особого уважения», ради которого требуются человеческие жизни... И потому, я настаиваю, минрэй...

— Как вам будет угодно, — оборвал его Жрец, погасив улыбку. — Ваше высочество, Ваша светлость, — Скаах ан Хар небрежно поклонился, и направился к своей свите.

Теперь, когда боль утихла, Ларс смог, наконец, включиться в анализ всего происходящего, — слишком много вопросов распирало голову, и отмахиваться от них не стоило. Они оказались в чужой стране, о которой рассказывали и писали в Энрадде много всего разного, однако по факту знали очень мало. И, кроме того, намерения правителей Лаара, как и Жреческого Ордена по отношению к ним оставались неизвестными.

— Гуннар, может, я «шибко мнительный», как выражается наш старый садовник, но я не могу избавиться от ощущения, что они... что они заранее знали о нашем прибытии в Лаар... Как это возможно?

— Соглашусь, — едва кивнул принц. — Пусть ты и правда шибко мнительный, пусть у них было время заметить дирижабль и подготовить причальную команду, но... то, что на выходе нас уже ждала целая делегация встречающих говорит о том, что советник и Жрец со свитой прибыли на авиаполе заранее...

— В том то и дело — как их успели так быстро предупредить...

Гуннар попытался почесать висок, закрытый бинтами. — Получается, король отправил делегацию, уже зная, что...

— Что на борту воздушного судна Энрадда находится наследник императора, — закончил его мысль Ларс, поднимаясь с кресла.

Глава 7. Запах свободы

Они укрылись в неглубокой сухой пещерке, одной из множества, скрытых в скальных складках возле Черного зуба. Казалось, давным-давно, они удили здесь рыбу под оглушительный лай Самсона. Океан засыпал. Волны с ленивым шелестом лизали белевший в сумерках серебристый песок. Ветер ослаб до мягкого бриза. А Бренна трясло от холода, пробравшего до нутра, пока он плыл. Согреться не удалось даже после нескольких больших глотков синюхи, которую притащил предусмотрительный Дуги. И жар костерка, куда он подбрасывал ветки боярышника, будто едва касался кожи, ничуть не грея...

Но это все было неважно.

Пошарив за пазухой, Дуги взял холодную ладонь Бренна и вложил в нее... старый моряцкий свисток. Он вспыхнул начищенной медью в свете пламени, заигравшего золотыми отливами на рыжем металле. — Вот, держи, брат! Соскучился, небось...

Бренн вздрогнул от встречи с любимой детской вещью и от того, как назвал его приятель. Брат. Прежде Дуги никогда так к нему не обращался... Он вдруг понял, что только сейчас по-настоящему может дышать полной грудью. А ведь на Скотном дворе он вдыхал тот же самый воздух... на том же самом побережье. Вдыхал, но ощущал лишь затхлую вонь подземелий, мочи, крови и животного страха, напрочь вытеснившую прежние запахи... И только теперь, когда, дрожа от холода и полузакрыв глаза, Бренн слушал голос Дуги, сливавшийся с шорохом волн и ворчанием костра, он, наконец, ощутил его — запах свободы, такой знакомый, и такой новый.

Запах свободы властно и резко врывается в грудь вместе с прохладным соленым ветром открытого моря. И вкус его ощущался даже на языке. И сейчас, безлунной ночью, он был насыщен жаром дневного солнца и горечью диких трав. А еще в него тонкой струйкой вплетался позабытый запах, исходящий от Дуги — теплого дома, дымного железа и сладких булок. Этот аромат пропитывал каждый день его прежней жизни, беззаботной и светлой... До того дня, когда он убил гнусавого Джока. — А Морай... он где? — сумел выдавить из себя Бренн. — Ты ведь один в Казаросса был?

Дуги помрачнел: — Честно сказать, лучше б вообще туда не ходил, а напрямик сюда двинул... тебя дожидаться. Пока ты на арене скакал, да с гадом рукастым бился, я чуть в штаны не накидал... Хорошо, что мастер дома остался, тем более, что он ни разу ни одной Игры не видел... а тут... столько дерьма сразу, и среди всего этого дерьма — ты, и не помочь тебе ничем... Не ровен час, схунилось ему бы...

Бренн кивнул, полностью соглашаясь с доводами приятеля. Мораю действительно незачем было смотреть, как на арене Казаросса его приемыша долго и остервенело рвут зубы и щупальцы.

— А вот зацени-ка... — Из старого школьного рюкзака Дуги появилась удивительная вещь — настоящая подзорная трубка, увесистая, в кожаной оплетке. Бренн сразу понял, что стоит такая штука немало, и вопросительно поднял бровь.

— Ага, — кивнул тот, — дорогая, жуть! Только бате не говори — ухо оторвет на хрен. Но зато я будто бы рядом с тобой был... все видел... и очковал прям до мокрых штанов. Только вот помочь не мог...

— Никто бы не мог, Дуг... не заморачивайся... Так что Морай? — отвлек его Бренн от пустых сожалений.

— А с мастером мы так решили — как только тебя с арены уведут, я рвану прям сюда, а он будет ждать нас обоих в твоём старом доме в Канаве, где ты раньше с матерью жил... — Дуги снял с шеи старый ключ от лачуги в Переулке утопленников, где Бренн провел первые пять лет жизни, и положил на камень.

— Надо быстрее валить отсюда, — стуча зубами, Бренн сжал в ладони потемневший ключ. — Если Краб посулит награду за мою башку, меня здесь быстренько сцапают... Да и в Канаве, боюсь, искать будут...

— Не, не суетись, брат... У Зуба тебя ни одна гнида искать не догадается, а до утра никто и в Канаву не сунется, — мотнул головой Дуги. — Сам знаешь, по ночам туда ни скорпы, ни Ловчие не лезут — себе дороже... Ты согрейся, поешь — я лепех прихватил, а как совсем стемнеет, так, не спеша, и двинемся...

Дуги весь светился от осознания того, что друг наконец-то рядом. Прямо сиял, как начищенный медный котел, не скрывая радости и облегчения. Он старался говорить рассудительно и неторопливо, подражая Мораю, но не справляясь со своими чувствами, то и дело принимался частить, захлебываясь словами. Его искренние переживания согревали Бренна лучше, чем огонь.

— На Вишневую тебе возвращаться пока никак нельзя — туда перво-наперво припрутся... а к нам в Русалку... — Дуги замялся.

— И к вам пока нельзя, — твердо закончил Бренн фразу, которую недоговорил приятель. Он не собирался подставлять семейство Ри. Мало ли, как все обернется. Люди ан Хурца — хоть его собственные головорезы, хоть наемные — могут разузнать, что Бренна держали за своего в доме трактирщика. А уроды типа Шила или Вислоусого скорпа используют любые грязные способы, чтобы запугать и выдавить из человека, все что он знает. И потому, само собой, надо отвести от семьи папаши Мартена любопытные и недобрые взгляды. Чтобы в Русалке его вообще не искали... Ну, а если искали, то не нашли...

— Надевай-ка сухое! — Из бездонного рюкзака деловитый Дуги вытащил чистую рубаху, неодобрительно поглядывая на мокрые длинные волосы, облепившие спину друга. — Только сначала патлы твои бабские срежем — тогда на тебя вообще никто не глянет... Я и ножницы прихватил...

— Тогда режь! — Бренн оценил предусмотрительность Дуги, с уважением посмотрев на огромные кухонные ножницы, появившиеся из рюкзака вслед за рубахой и штанами. Ему самому не терпелось избавиться от волос, отросших ниже лопаток. Пока ножницы лязгали у него над ухом, он наслаждался странным чувством удовлетворения при виде того, как башмаки Дуги немилосердно втаптывают в песок срезанные вихры.

— Сойдет, — пробурчал «цирюльник» через несколько минут усердия. Он вкривь и вкось обкорнал волосы до плеч, но судя по удовлетворенной улыбке, был вполне доволен результатом, — именно такая прическа, по мнению Дуги, полагалась приличному парню.

— Теперь жги, — хрипло велел Бренн, с ненавистью глядя на кучу слипшихся прядей. Дуги подергал кольцо в проколотой мочке, привычно подражая жесту Морая, и равнодушно кинул обрезки волос в пламя. Огонь жадно набросился на новую порцию корма, и Бренну казалось, что вместе с ненавистными бабскими локонами сгорает кусок той уродливой жизни, которую он провел в покорном унижении, едва не потеряв самого себя.

— Кошкой паленой воняет, — Дуги заржал, закидывая назад кудрявую голову, и Бренн, неожиданно для себя, криво улыбнулся, не разжимая сухих соленых губ.

— Ну вот, одно доброе дело сделано, а теперь пора ошейник твой сраный срезать... — Деловито сопя, Дуги снова полез в рюкзак. С ошейником он справился минут через пять упорной работы ножовкой. К тому моменту, когда подлая железка, наконец, поддалась, Бренн согрелся и даже зажевал еще теплую картофельную лепешку, ни капли не раздражаясь на сопение приятеля и противный металлический визг за ухом.

Переулки Канавы знакомо воняли нищетой, рыбьими потрохами и нечистотами. Редкие фонари с сальными свечами, установленные на перекрестьях улочек, едва разгоняли густой сумрак. Им едва ли помогал тусклый свет из полуслепых окон лачуг и кабаков, возле которых, как всегда дрались или хрипели в лужах рвоты и крови завсегдатаи и случайные прохожие. Тут же, бахваясь перед приятелями, пользовали лысых беззубых хуср не старше тридцати лет, изгнанных из Веселых домов за старость. Денег женщинам не давали вовсе — за изнурительный многочасовой труд они получали лишь миску жидкой похлебки с требухой и одобрителный хлопок по заду.

Несколько раз Бренн касался свободной шеи, одергивал под безрукавкой рубаху и чуть крепче наступал на пятку, чтобы лишний раз прочувствовать — он одет и обут, он в башмаках, как свободный горожанин, а не босой и голый, как жалкий порх. Пробираясь закоулками, они шли как две тени во мраке, и хотя на двух парней никто не обращал внимания, Бренн выдохнул с облегчением, лишь когда они свернули в темную трещину Переулка Утопленников, дохнувшую на них запахом стылого воздуха, плесени и отбросов. Ни одного фонаря или уличной жаровни, лишь тусклые проблески света пробивались из закопченных окошек обитаемых домов.

За эти годы заброшенная конюшня по соседству с их лачугой сгнила и перекосилась, грозя в любой момент рухнуть, а узкая, в одно окно, хибара горшечника, судя по сорванной двери, давно была необитаема. Изредка в старый материнский дом навевывался Морай, проверяя целостность досок, которыми была заколочена дверь и маленькое окошко. — И такая конура может пригодиться в нужный день, — приговаривал кузнец. Будто предвидел.

Бренн невольно замедлил шаг — он не появлялся здесь девять лет, и сейчас вдруг почувствовал, что он совсем иначе смотрит на все вокруг. И только сейчас ему в голову пришла испугавшая до дрожи мысль. Его отец был мореходом? Так рассказывала мать... Но в Канаве — беднейшем и проклятом квартале Нижнего города никогда не селились ни матросы, ни тем более, лоцманы или шхиперы... И что — отец поселил свою юную жену в развалюхе одного из самых тошнотных углов этого убогого места? Он шел вслед за Дуги, а мысль эта грызла и грызла его, вгрызалась в сердце, в голову...

Мать врала! Вот почему его гнобил и презирал гнусавый Джок, обзывая мать грязными словами, а самого Бренна ублюдком. Наверняка, она забеременела, будучи не замужем, и, судя по всему, ее просто выгнали из семьи. И она... скрывалась здесь, одна, беззащитная, опасаясь, что новорожденного отнимут у нее, безмужней и безработной, и отдадут на воспитание в Детское гнездо. Почему он понял это только сейчас... Потому что хотел верить, и не задумывался... Он не винил ее, понятно, что ей пришлось врать... Просто слишком больно было отказываться от образа отца, который так поддерживал его в детстве...

Сквозь щели досок на заколоченном окне их домика пробивались теплые нити света, а дверь была не заперта. Первое, что Бренн увидел, перешагнув щербатый порог, — обтянутую серой рубахой широкую спину Морая, который разводил огонь, присев у низкого очага. Тот

неспешно обернулся, и его темное лицо, будто вспышка, осветила короткая улыбка.

— Как дошли? За вами никто не увязался? — спросил он, уже без улыбки глядя на Бренна.

— Никто, афи, — поспешил ответить Дуги. Бренн чуть кивнул, впитывая запах горького табака, висевшего в воздухе. Странная робость закралась в сердце, — правда ли опекун рад ему, и не погаснет ли эта радость, когда тот осознает, сколько хлопот доставит ему вернувшийся приемщик, за которого он заплатил огромные деньги? К ноге вдруг притерся мурчащий теплый комок — Шагги! Басовито гавкнув, кот задней лапой принялся топтать башмак Бренна, требуя взять его на руки. Он подхватил пушистого зверя и прижал к себе — живое тепло успокаивало.

— Будто чуял, что к тебе на встречу иду — все вертелся вокруг, то мурчал, то гавкал, да следом за мной и притащился, — улыбнулся Морай углом рта. — Да и Самсон весь день сам не свой — то и дело на улице выбегал, будто ждал чего...

Морай вздохнул и поморщился, не отрывая взгляда от Бренна: — Вижу, ты стал совсем взрослым, и не по закону, а по сути... И я не особо этому рад... Цена больно высока...

Было ясно, что говорит он вовсе не о деньгах, отданных Джергу Ригану. Тяжело ступая, подошел. Твердая ладонь легла на затылок, и на миг напрягшись, Бренн тут же расслабился. Насколько разным может быть один и тот же жест, — когда тяжелая ладонь дрессировщика ложилась на его загривок, сдавливая шею, он чувствовал или равнодушное пренебрежение, или смертельную опасность... А сейчас... Сейчас — лишь тепло и заботу. Глубоко вдохнув, он понял, как сильно тосковал по запаху дыма, железа и огня, пропитавшему рубаху кузнеца.

— Времени у нас мало, — прогудел над ухом Морай, легонько отстраняя Бренна. — Не поговорить вволю. На Вишневу уж точно еще не раз кто-нибудь из твоих врагов припрется вынюхивать да выискивать, и мне надобно быть на месте — чтоб все видеть и все знать. А в Канаве к рассвету наверняка облавы пойдут...

— Откуда ты про облавы прознал, афи? — вскинулся Дуги. — Они ж всегда их неожиданно устраивают, чтоб врасплох застать...

— И прознавать тут нечего. Чтоб хозяину Казаросса угодить да деньгу поиметь, ради поимки твоего дружка расстараятся. А где беглые, нищие да калеки хоронятся? Окромя дома на Вишневой, перво-наперво его тут начнут искать, ну а заодно и облаву устроят, чтоб проверить кто в сети попался...

Морай повернулся к Бренну, засучивая рукава, и поставил на стол бутылку с бледной зеленовато-синей жидкостью. — Давай-ка к делу... Рубаху снимай. Будем из тебя свободного человека делать... — Оттянув кожу на лопатке приемщика, он внимательно осмотрел клеймо Казаросса. — Краска глубоко въелась. Надо или срезать, или выжечь. Лучше выжечь — и быстрее, и крови меньше — запечется. И заразу огонь уймет... — говорил короткими, рублеными фразами Морай.

— Выжигай, афи... — пожал плечом Бренн, — не в первой...

— Тогда, глотни вот, — кузнец плеснул в кружку на два пальца жидкости из бутылки.

— Синюха?

— Она самая. Только малость покрепче будет, чем та, которой Мартен своих гостей поит, не в обиду тебе сказано, новый ученик, — он вскользь глянул на смутившегося Дуги. — Зато и боль уймет, и заснешь быстро... А то колотит тебя всего...

Глотнув, Бренн задохнулся, — синюха, как живое пламя обожгла пищевод, запалила костер в желудке и ударила в голову. — Ну, ты и скажешь, афи, — малость покрепче, —

пробормотал он, откашлявшись. Сжал зубами тряпку, которую ему сунул Дуги, уперся ладонями в столешницу и уставился на затертый рисунок парусной лодки, выцарапанный на ней столовым ножом года в четыре.

С неприятной процедурой Морай тянуть не стал. Взяв из пылающих углей накаленное до нужной температуры тавро, одной рукой он придавил плечи Бренна к столу, — и левую лопатку тут же прострелило кошмарной болью, пробившей тело от поясницы до глазных яблок. Дуги сморщился, будто жуткую процедуру проделывали именно с ним. А Бренн замычал, грызя тряпку... Проклятье! Как он не храбрился, как не строил из себя ко всему привычного бойца, к такой боли не притерпишься. Хотя за месяцы дрессировок он не раз получал ожоги, но к «ласке» раскаленного железа так и не привык.

Глухо бормоча в бороду наговор, опекун наложил на рану повязку, пропитанную пахучей мазью, и в несколько слоев закрепил ее чистыми полотняными бинтами. — Лечишь меня как лошадь, — просипел Бренн, ощущая, как в месте ожога боль чуть стихает, переходя из острой в ноющую.

— Да без разницы, — хмыкнул кузнец... — Второй повязкой он закрыл глубокий ожог на бедре, который Бренн устроил себе сам с помощью прута пинчера. Дуги все это время ходил из угла в угол, сочувственно мыча. Постепенно боль притупилась и стала какой-то далекой. Бренну жутко захотелось спать.

— Афи, ты случаем не догадался, кто велел Зигору кишки мне выпустить... — вяло пробормотал он, — я каждый сраный день об этом думал...

— И чего надумал?

— Да так ничего так не понял... Хотя Вислоусый даже не скрывал, что меня заказали, но кто именно — не поминал... А может, и сам не знал, если заказ его начальству пришел... — Бренн почти шептал, засыпая на скамье. Он давно не брал в рот крепкого спиртного.

— Само собой, он лишь подручным был, — буркнул кузнец. — Да порученное дело до конца не довел... Повезло тебе, что... Ладно, завтра об этом... — закончил он, — завтра...

— Почему завтра? — вскинулся Бренн. Сонливость, как рукой сняло. — Ты что-то знаешь, афи? Так скажи — не тяни жабу за хвост!

— У жабы нет хвоста, а вот у давних дел имеются — шибко длинные, навроде змеиных, — спокойно ответил Морай, и тут же повернулся к Дуги: — Разбей-ка угли в очаге и сыпани песка. Не дело это, чтоб из трубы заброшки дымок курился...

— Афи! — не выдержал Бренн.

— Ты полгода терпел? Значит и до завтра дотерпишь. Разговор долгий...

Бренн пытался возразить, но веки стали тяжелыми, а язык будто прилип к небу. Мысли путались. Ааа... — проползла в голове вялая мысль, — верняк, афи сонной травы в синюху добавил...

— Ты, Дуги, дверь изнутри замкни, а я снаружи на нее старые доски насажу, да замок навешу — никто не сунется... — как сквозь воду слышал Бренн слова опекуна, проваливаясь в сон. Впервые за полгода невероятного изнурительного напряжения, он расслабился. Ни боль, ни страх, ни смертельная опасность, трижды угрожавшая его жизни за этот бесконечно долгий день, не смогли противостоять мощи синюхи, целебному наговору и тихому урчанию кота.

Глава 8. Небесный тракт

Дорога от авиаполя до Небесного тракта заняла не более трети часа. Запряженная четверкой лошадей просторная карета советника мягко катилась по мощеной ровными плитами дороге, почти не замечая зазоров между ними. Впереди и позади нее — по десятку королевских гвардейцев, и такой, по мнению Ларса, избыток охраны неприятно удивил его. Но более всего коробило, что карету Верховного жреца, не отставая от бегущих резвой рысью жеребцов, сопровождали шестеро мускулистых порхов с массивными факелами в руках. Их обнаженные тела и лица блестели от пота.

— Ваше высочество, Ваша светлость! — отвлек его голос советника. — Минрэй, я думаю, это не повредит никому из нас, — Свер ан Оллард поставил на низкий столик бутылку резного стекла, в которой мерцала густая жидкость цвета темного янтаря.

— Если это знаменитый лаарский бриар Дикое солнце, то не повредит ни в коем случае, — улыбнулся Гуннар.

— Он самый, — кивнул советник, щедро плеснув напиток в тяжелые бокалы. Воздух насытился свежим горьковатым благоуханием.

— Ты как вообще? — принц бросил обеспокоенный взгляд на Ларса. — Наши эскулапы запрещают хмельное при сотрясении...

— Свеж, как юный персик, — усмехнулся тот, — просто на удивление. Так что не надейся, что я откажусь от жара Дикого солнца!

— Это действительно нечто особенное, — сделав глоток и смакуя его во рту, одобрительно кивнул Гуннар, отказываясь от предложенных в качестве закуски фруктов.

— А теперь попробуйте табак с плантаций Тейгу... — открыв тяжелый серебряный портсигар, Оллард придвинул его к гостям, извлек толстый темно-коричневый цилиндр и тут же закурил, выпуская сладковато-пряный дым в окно кареты. Кузены не отказались и от сигарет, Ларс жадно затянулся, вспомнив, что последний раз курил, когда дирижабль вывалился из штормовой воронки... — Замечательная вещь, советник! Надеюсь, что и бриар, и ваши сигареты в скором времени появятся на прилавках магазинов Энрада...

— Это лишь укрепит наши торговые связи, минрэй, — улыбнулся Оллард, не скрывая удовольствия.

Карета остановилась у основания квадратной опоры, походившей на каменную башню с окнами-бойницами, прорезавшими ее стены до самой вершины. По сути Башня являлась крайней из десятков мощных арочных опор виадука, перекинутого через огромное пространство и ведущего прямо в центр Верхнего города, отделенного от Нижнего древней крепостной стеной. Уже издалека, когда Ларс разглядывал виадук из рубки дирижабля, он был поражен, что арки пролетов в полтора раза выше причальной мачты, но теперь, увидев Тракт воочию, он осознал всю грандиозность конструкции.

— Это Восточная башня или Восточные ворота Тракта, — услышал Ларс за спиной низкий голос советника, — с западной стороны города имеется точно такая же.

К глухой стене башни примыкала пологая наклонная площадка, подымаясь на высоту роста человека.

— Небесный тракт возвели еще до эпохи Раздора, причем, весьма быстро, учитывая размеры, всего за десять лет, — продолжил рассказ Оллард. — С его помощью члены высокородных семейств прямо отсюда, по сути находясь за пределами нижней крепостной

стены, легко попадают в центр Розстейнар — то есть, в центр Верхнего города, минуя долгий и утомительный подъем по улицам и площадям Грайорде — Нижнего города, — подробно рассказывал Оллард, видя искренний интерес гостей. — А с точки зрения практичности, его строили для максимально удобной доставки дорогих товаров, переброски небольших войсковых групп, королевских охотников, которые возвращаются из Дивного леса с трофеями... ну и прочих надобностей...

— Но я не вижу самих ворот, — пробормотал Гуннар, чуть толкнув локтем кузена. — Где вход?

Не скрывая лукавой улыбки, советник кивнул стражникам — и, подойдя к стене, те рванули длинные рычаги, прежде скрытые в пазах меж каменными плитами. Скрежет, скрип... Часть стены выдвинулась вперед, и Ларс понял, что это железная створа, облицованная снаружи камнем, которая почти бесшумно заскользила вверх, открывая просторное внутреннее помещение с решетчатыми стенками.

— Прошу обратно в карету, господа...

Заметив сомнение в глазах кузенов, Оллард пояснил: — Кабина легко выдерживает вес трех карет, запряженных четверками лошадей, плюс двадцать вооруженных всадников. За десять с лишним веков не случилось ни одной серьезной поломки. При проектировании и строительстве все было до мелочей продумано инженерами Ордена Непорочных.

— Одна серьезная поломка все же случилась, — раздался рядом вкрадчивый голос, и вперед шагнул Верховный жрец. — Пятьсот двадцать пять лет назад — в эпоху правления короля Чарлага. Поломка привела к гибели тогдашнего главного советника, — уточнил Жрец, улыбаясь. — После тщательно проведенного следствия был казнен один из ведущих инженеров проекта — жрец-научник. С ним вместе живьем сварили его жену, пятерых взрослых детей, пятнадцать внуков и двадцать пять правнуков, младший из которых еще сосал грудь матери. В темные века массовые казни считались обычным делом. И только в эпоху Рассвета дочь Чарлага — Пресветлая Маф запретила умерщвление детей и подростков до тринадцати лет.

— Большое достижение, — пробормотал себе по носу Гуннар.

Внутри кабины действительно легко поместились обе кареты и всадники. Ларс внимательно осматривал помещение, понимая, что они находятся в огромной кабине подъемника. Створа опустилась, решетчатый пол вздрогнул, и кабина стала плавно подниматься, постепенно набирая скорость. Глядя на онемевших гостей, советник позволил себе легкую усмешку: — Признайтесь, господа, ведь вы считали, что вас занесло ветром в глухомань, на задворки мира, в провинциальную, технологически отсталую страну по сравнению с прогрессивным Энраддом? Не так ли?

— Потрясающее сооружение... — кивнул Гуннар, не вступая в спор. — В Энрадде, естественно, строят мосты-виадуки, перекидывая их через глубокие ущелья, но... не таких размеров... Везде эксплуатируют подъемники и лифты, но опять же они не столь впечатляющие по размерам...

— Все великолепно, но мне почему-то кажется, что при строительстве Тракта вряд ли использовали гидравлику или электрическую энергию, — не удержался Ларс, настойчиво глядя на Олларда. Тот едва заметно помрачнел:

— Я понимаю, к чему вы клоните, герцог, и не стану отрицать, что были задействованы лишь силы порхов, блочные, колесные конструкции разных типов, бетонные и решетчатые пандусы... И подъемник также приводится в действие с помощью системы блоков, рычагов,

шестерен... — суховаго пояснил он. — Основа сооружения — металлоконструкции и камень...

Прервав советника на полуслове, в разговор вступил Верховный жрец, глядя на братьев сквозь свои закопченные очки: — И ранее, и сейчас нам помогает великая сила Жизнедателя — светлосияющая яджу, — с бледной улыбкой заявил он. — Неужели столь просвещенные образованные господа верят, что подобное сооружение появилось лишь благодаря жалким потугам порхов, использующим веревки и блоки?

— Прежде всего, — усмехнулся Ларс, — просвещенные и образованные не слишком верят в существование некоей магической энергии, с помощью которой можно возводить подобные конструкции... Уж простите меня, минрэй, если я невольно оскорбил ваши культурные и религиозные традиции...

— Вам не стоит волноваться об этом, герцог, — поклонился Жрец, — подобные дискуссии с представителями иной культурной среды весьма увлекательны...

— Пока я понял лишь одно — как в древности, так и сейчас источником энергии в Лааре служит мускульная сила, и функциональность всей этой колоссальной системы обеспечивают рабы...

— Да-да, вы правы, — вынужденно согласился Оллард, сохраняя бесстрастное выражение лица. — Но мы уже поднялись, господа, — прервал он диалог, и как показалось Ларсу, с большим облегчением.

Створа поднялась, выпуская кареты на ровное полотно Небесного тракта, защищенное с обеих сторон широкими парапетами с закрепленными на них светильниками, которые, однако, не мешали обзору. Ларсу на миг показалось, что он находится на обзорной площадке дирижабля... Под ними, щетинясь шпилями и башнями, простирался огромный город с освещенными площадями и улицами, мерцающая серебром изогнутая подкова величественной гавани и тяжелая гладь океана, тонущего на горизонте в лиловых сумерках.

По Небесному тракту кареты быстро домчали до просторной площади Пилигримов, лежащей в самом центре Розстейнар. Хотя об открытии, а тем более, о применении электричества в Лааре пока не шло и речи, Верхний город сиял огнями. Ночь уже вступила в свои права, а в городе высокородных ноблесс было светло как днем. А еще — одуряюще пахло розами — тягуче, свежо и сладко.

Замок-дворец Розаарде — Ларс так и не сумел определиться — замок или все-же дворец, поражал не только причудливостью архитектуры, но сочетанием монументальности, избыточной роскоши и изящной красоты. Тяжелый языческий стиль соседствовал с обилием легких арочных конструкций, открытых лестниц, террас и переходов между ярусами разных зданий этого грандиозного комплекса. Чудилось, будто дикого зверя украсили драгоценностями, цветами, осыпали пудрой и позолотой, но среди этого изобилия нет-нет да и проглядывал острый коготь и мощный клык....

Однако, увидев охранников у въезда в ажурные ворота Розаарде, он забыл о красоте дворца и невольно задержал дыхание. Мощные тела, покрытые лоснящейся темно-серой кожей, под которой бугрились переразвитые мускулы и выпирающие вены, прикрывали лишь кожаные набедренники. Особенно жутко смотрелись вытянутые головы стражников и человеко-собачьи морды с выступающими вперед широкими челюстями. Тусклые, будто затянутые пленкой, глаза, притиснутые к переносице, бесстрастно смотрели перед собой. Толстые пальцы сжимали двухметровые копыя с листовидными наконечниками, на которых

посверкивали зубцы-лезвия из обсидиана, заточенного до бритвенной остроты.

Заметив оторопь кузенов, Оллард, покидая карету, снисходительно улыбнулся: — Это удивительные представители одного из южных племен Умшигтайских равнин. Народ йену, что означает — гиеноголовые. Рождаются они вполне себе обычными людьми. Но их колдуны, согласно древней традиции, по особым признакам выбирают младенцев и безжалостно стягивают им черепа, а также деформируют и вытягивают челюсти. Выживает после таких процедур лишь один из пяти новорожденных.

— Такое страшно слушать, минрэй... — нахмурился Гуннар.

— Согласен, Ваше высочество, — Оллард кивнул, — обычаи варварские. Дикие...

— Но весьма полезные для государства, — прозвучал мягкий голос неслышно приблизившегося Жреца. — Ведь йену — лучшие стражи, и с незапамятных времен поклоняются носителям крови генуса Сарэй. В древности они верно служили королю Чарлагу, но затем, когда его свергла Пресветлая Маф, именно она стала их Божеством... С тех пор гиеноголовые — преданные слуги властительниц Лаара.

Несмотря на свою неприязнь к Отцу Непорочных, Ларс отметил, что слушает его с интересом...

— С раннего детства йену тренируют не только свои тела, но и челюсти. Трехлетним мальчикам особым образом разрезают небо и челюстные кости, а по достижении совершеннолетия — дополнительно затачивают зубы, превращая рот в гиенообразную пасть. Тринадцатилетний воин, сжав зубы, легко ломает шею врагу и вырывает зубами горло. Правда имеется и некий минус, — уточнил Скаах ан Хар с печалью в голосе, что никак не отразилось на его лице, — они приучены пожирать человечину...

Не сдержавшись, Ларс поморщился, тем самым, похоже, доставив удовольствие Жрецу, который пристально следил за изменениями на лицах гостей: — Потакая кулинарным пристрастиям йену, король Чарлаг наделил их особыми привилегиями — они получали лакомство в виде приговоренных к смерти убийц. И конечно, предпочитали женщин, ведь их тела сочнее и жирнее... на вкус йену. Публичное пожирание в древности было одним из любимых видов казни в Лааре, — оживленно рассказывал Скаах, похоже, забавляясь растерянностью гостей. — Его применяли к...

— «Любимых» — весьма неуместное слово при упоминании казни, вы не находите, Владыка Тайного? — перебил его Ларс, нимало не смущаясь нарушением правил вежливости.

— Неуместно лишь лицемерие, Ваша светлость, — широко улыбнулся луноликий Жрец, показывая десны и зубы, — я лишь констатирую факт — публичное пожирание преступников являлось одним из предпочитаемых народом видов казни. Что делать? — простые труженики обожают подобные зрелища, и несправедливо лишать их удовольствий, коих так мало в их тяжелой, полной забот, жизни...

Заметив брезгливость на лице гостей, Свер ан Оллард вмешался: — Владыка тайного излишне увлекся историей, господа... Этот вид казни запрещен с Эпохи Рассвета, и королева Элмера Милостивая не потворствует подобным отвратительным порокам йену. К сожалению, каннибализм и сегодня широко распространен в землях Умшигтая, причем в самых омерзительных формах.

— Ясно, — коротко кивнул Гуннар. — Но я заметил, что вы не слишком-то полагаетесь на челюсти и боевые навыки этих каннибалов.

Оллард кивнул, охотно переключившись на другую тему: — Я вижу, Ваше Высочество,

вы обратили внимание на офицеров и солдат с огненным оружием? Конечно, еще лет тридцать назад воинские способности йену были весьма востребованы, но благодаря развитию лаарских оружейных технологий, а также укреплению торговли с Энраддом — наши склады забиты ружьями и пушками.

Неожиданно Ларс вспомнил слова императора, который рассуждал о договорах насчет поставок огнестрельного оружия в Лаар и Арианию. «Торговля оружием дает значимую прибыль Энрадду, и при этом мы ничем не рискуем, поскольку Энрадд всегда будет опережать другие государства на пару веков в развитии вооружений, машин и технологий. Все что мы продаем на юг — давно устарело. Пороки системы рабовладения, средневековое образование, религиозный фанатизм и тайная власть жречества тормозит прогресс в этих странах... Им не догнать нас...»

И вроде бы Магнус I говорил логичные вещи, но Ларса смущали некие смутные разрозненные факты, которые вызывали сомнения в неоспоримой технологической мощи Энрадда. Он помнил, что лет семь назад ни одно воздушное судно Энрадда не смогло пересечь территорию Лаара, чтобы добраться до Ариании, готовой поставлять в Энрадд столь необходимый для авиастроения ферилл. Дирижабли взрывались. Причем обвинить в этом Красного короля Готфрида не представлялось возможным — лаарцы не применяли оружия, чтобы сбить или взорвать дирижабли, да и устаревшие виды артиллерии не смогли бы поразить цель на такой высоте. Но корабли взрывались. И лишь после заключения с Готфридом договоров о взаимовыгодной торговле и строительстве причальных мачт, воздушный торговый флот Энрадда, как по мановению волшебной палочки, стал неуязвим во время перелетов над землями Лаара. И способствовала этому нынешняя властительница страны Элмера Милостивая, которая правила вместе с супругом, передав ему множество полномочий, но как говорили осведомленные люди, находилась под его полным влиянием...

Через распахнутые бронзовые ворота они въехали в огромный внутренний двор Розарде. Он представлял собой прямоугольник с открытой четырехъярусной колоннадой по периметру, украшенной множеством скульптур человекоподобных божеств и зверобогов из цветного мрамора. Центр двора занимал удивительный по красоте высокий фонтан с ярко-бирюзовой водой, где плавали пестрые рыбы. Исполинская лестница из красно-розового порфира с рельефной резьбой и вставками узорчатого мрамора вела к арочным проходам третьего яруса. На ее верхней площадке высились огромные изваяния властителей эпохи Раздора и Рассвета — Пресветлой королевы Маф и ее дяди короля Вермунда. Черты лица древний скульптор сумел высечь столь виртуозно и с такими подробностями, что Ларс сразу поверил — ему позировали реальные люди.

Над широким балконом на фасаде взгляд приковывал объемный барельеф с гербом Лаара — камень Шуулун Зэ — символ мощи генуса Сарэй, представительницы которого правили страной с эпохи Рассвета. Под ним — два слова — Вера и верность! Выбитый на гербе камень напоминал раскрытый бутон розы. Но острые торчащие из его сердцевины грани, похожие на широкие лепестки с тонкими режущими краями показались Ларсу... немного зловещими.

— Понравился Шуулун Зэ, герцог? — прошелестел рядом бархатистый голос Верховного жреца, и он невольно вздрогнул. — Внешне он похож на так называемую «песчаную розу» — камень, который рождается в горячих песках Ариании. Но у истинной песчаной розы лепестки жесткие, но хрупкие, а у Шуулун Зэ — как лезвия мечей, только еще

прочнее, — рассказывал Скаах ан Хар. — Этот волшебный камешек служит королеве, чтобы держать в подчинении всех придворных, членов родовитых домов и даже жрецов Ордена Непорочных... Включая и вашего покорного слугу, — уточнил он после крошечной паузы. — При случае я расскажу вам об интересном ритуале принесения клятвы веры и верности...

По мере их продвижения к центру двора, десятки придворных склонялись, приветствуя их и не стесняясь, разглядывая с ног до головы. Ларс усмехнулся, увидев, как заблестели глаза Гуннара при виде юных и зрелых дам в кружевных платьях из тонких шелковистых тканей. Одевания скрывали плечи женщин, зато глубокий вырез выставлял напоказ пышность груди всех форм и размеров, причем у многих дам были видны даже ареолы сосков.

— Похоже, здесь придерживаются весьма свободных нравов... — пробормотал принц, скользя взглядом по женским фигурам и даря улыбки налево и направо. — Что очень странно при явном доминировании в обществе жреческого Ордена... — рассеянно ответил Ларс, не отрывая глаз о громады дворца, который, подобно горному хребту с несколькими вершинами, вздымался за арочным фасадом гостевого двора.

Когда они подошли к королевской лестнице, советник, заметив растерянность кузенов, тут же успокоил их: — Не беспокойтесь, минрэи, вам не придется карабкаться по ступеням, — в последний раз я топтал ногами древние камни королевской лестницы лет двадцать назад...

Свер ан Оллард указал на невысокий арочный проем, за которым Ларс увидел открытый лифт с яркими витражами. — Это устройство поможет нам сберечь силы, господа, и подняться на нужный ярус без проблем. Ее величество Элмера Милостивая решила, что после напряженного дня вам, прежде всего, необходим отдых, а не утомительный торжественный прием. Я поддержал ее, и мы уговорили Его величество короля Готфрида потерпеть до завтрашней церемонии, где вас официально представят их Величествам, старшему прионсу Лизарду и прионсе-наследнице Илайне... А сейчас вас проводят в личные покои и подадут ужин...

Услышав последние слова Олларда, Ларс осознал, насколько вымотался за эти бесконечные сутки, дойдя до предела физического и нервного напряжения, и потому мысль о кровати, на которой можно, наконец, вытянуться в полный рост, заставила его глубоко и удовлетворенно вздохнуть. Судя по выражению лица Гуннара, он испытывал те же чувства.

Гостевые покои представляли собой две просторные комнаты, соединенные общей дверью. Здесь было все, чему положено быть в старинных дворцах — высокий камин, тканевые обои, гобелены, ковры, картины в тяжелых рамах, напольные вазоны с пышными цветами, роскошная мебель, причудливые подсвечники. Но помимо этого, к удивлению обоих, — комфортные туалетные комнаты с горячей водой, мраморной ванной, душем, низкой чашей для омовения ног и отлично работающей канализацией. — Ты смотри — все тебе удобства на тарелочке с голубой каемочкой! Такое впечатление, что мы родной императорский дворец и не покидали... — хмыкнул Гуннар, поворачивая сверкающие золотом краны на умывальнике.

Ларса разбудил соленый запах моря и благоухание роз, врывавшееся в открытое окно. Он признался себе, что вчера после швартовки, когда они оба страдали от ранений и... что греха таить, — были перепуганы до мокрых штанов, все случившееся — внезапный ураган, чудесное спасение, Небесный тракт и прием во дворце Розаарде, казались сном, галлюцинацией. Да и сейчас он не избавился от ощущения нереальности, вспомнив, что и с

промежутками времени происходили странности...

Судя по всему, длительное напряжение, боль, усталость и обилие впечатлений, сыграли с ним дурную шутку. Стыдно сказать, но он заснул, как подросток, прямо за столом после одного бокала густого бордового вина... Тягучего и сладкого. Смутно помнилось, как сильные руки слуг бережно отнесли его на кровать, осторожно раздели, оставив в прохладных шелковистых объятиях подушек и простыней, где он проспал всю ночь, ни разу не пробудившись из-за боли или приступов тошноты.

— А неплохо для провинциальной, технологически отсталой страны, — громко выразил свое мнение Гуннар, открывая дверь соседней спальни. Распахнутая белоснежная рубашка с широкими рукавами, присборенными у плечей и на запястьях по моде Лаара, не закрывала ссадин и багровой гематомы на груди. — Как спалось, как рука, твоя светлость? Не ноет?

— Спалось, как в детстве, рука не болит, — с усмешкой доложил Ларс, глянув на предплечье, затянутое в плотную, но странно мягкую шину, почти не мешавшую движениям. — Умельцы их лекари, ничего не скажешь...

— Еще какие умельцы, — задумчиво подтвердил Гуннар. — А что касается технологий... то я даже не знаю, как назвать то, что я тут увидел, пока ты спал младенческим сном. — Ведь в Лааре нет механизмов, работающих на электроэнергии? — будто сомневаясь, задал он риторический вопрос.

— Нет, конечно, — потянувшись, кивнул Ларс, мечтая о крепком кофе и сигарете, — их ученым до открытий в электроэнергетике еще пахать и пахать...

— Вот и я так думаю, вернее — думал... до того, как увидел вот это?

Гуннар ткнул пальцем в причудливой формы бронзовый светильник на арочном потолке, обильно увешанный гранеными прозрачными подвесками из сверкающего хрустала. Несмотря на утренний час, в комнате царил мягкий полумрак — гобеленовые шторы частично прикрывали высокие стрельчатые окна с ажурным переплетом.

— Смотри, — принц подошел к кровати Ларса и показал на прозрачный шар из горного хрустала, лежащий в бронзовой чаше на прикроватной тумбе. Шар состоял из двух полусфер, соединенных резным серебряным кольцом. — В моей спальне точно такой же. Крутани верхнюю часть по часовой стрелке! Не бойся — не сломаешь, нижняя часть закреплена...

Ларс повернул верхнюю полусферу по солнцу и тут же зажмурился — так светло стало в помещении от ярко вспыхнувшего на потолке светильника.

— Сюрприз! — принц засмеялся. Секунду подумав, Ларс чуть провернул сферу в обратную сторону — и свет стал мягче...

— Но... где провод? И я не вижу ламп... — он растерянно посмотрел на довольного Гуннара. — Светятся эти хрустальные подвески! Сами по себе светятся...

— В том то и дело!

— Почему-то мне кажется, что мы недооценивали научные достижения лаарцев... — медленно проговорил Ларс, не сводя глаз со светильника. — А ведь это опасно, — недооценивать незнакомца или потенциального противника, в данный момент считающегося торговым партнером. Может, не зря мы волею судьбы попали на земли юга, Гуннар? Может, весьма вовремя...

— Ну, ты что-то слишком серьезен, кузен, — снова повеселел принц, — делаешь далеко идущие выводы на основании такой... игрушки.

— Игрушки, — кивнул Ларс, — но игрушки, механизм действия которой нам непонятен!

— Наверное, так работает то самое страшное ядзу, о котором упоминал Жрец, пытаюсь нас напугать, — засмеялся принц, закуривая и настезь распахивая окно.

— Пусть так... Но раз они сумели сделать такую игрушку, значит, существует какой-то вид энергии, который обнаружили, изучили и уже веками используют в Лааре, а мы — у себя — в нашем прогрессивном Энрадде — даже не представляем себе, что бы это могло быть...

Глава 9. Мусорщики

Бой городских часов на Башне Королевы Маф провозгласил наступление утра. Оно было свежим и нежно-розовым после вечернего урагана, задевшего побережье Сильфурбэй, но Верховный жрец не ощущал ничего, кроме крайнего раздражения и злости. Поганый раб сбежал из Казаросса! Худородная «овца», которую боги по своей прихоти наделили невиданной по силе яджу! Свое бешенство Жрец выместил на молодой порхе, запряженной в коляску. Улыбаясь, он гнал ее, нанося удары костяной плетью, через весь Нижний город, заставляя напрягаться до предела. За коляской мчались охранники и два юных эфеба. Возле порта хрипящая девка рухнула на пыльные камни мостовой. Пожирая сочные горячие орехи, поданные дрожащим от страха учеником, Скаах некоторое время наблюдал, как порха забавно корчилась, захлебываясь кровью, и ему стало немного легче. Немного. Наступив девке на спину, он перешагнул через нее, сделал знак подчиненным держать дистанцию, и неспешно направился в сторону Королевского порта.

Он устал. К вчерашнему разочарованию, когда стало известно о побеге порха, добавилась утомительная встреча явившегося «верхом на урагане» наследного принца Энрадда и его кузена. Его позабавили эти смешные люди, и, чуть позже, он, вероятно, обдумает, как можно использовать их в своих целях. Правда, было то, что его очень беспокоило в этом внезапном прибытии — он ни на миг не поверил, что воздушное судно осталось невредимым после таких испытаний над Лютым океаном. А главное — сразу учуял в надвигающейся свинцово-черной тьме грозовых туч присутствие яджу... Мощной, недоступной ему самому... И понял, кто именно баловался с ветрами и волнами, пригнав дирижабль к Бхаддуару...

Злость вновь подымалась из его утробы, грозя опасным напряжением крови в сосудах мозга и сердца. И Жрец едва справлялся с ней. Еще бы — из его рук вырвался редчайший экземпляр. Ни разу ему не попадались «овцы», нафаршированные яджу такой силы ни среди худородных, ни среди знатных представителей самых древних генусов...

Конечно же, он вытряс из обильно потеющего и воняющего Тухлого Краба все, что мог об этом ублюдочном порхе, который до продажи в Казаросса был ничтожным ремесленником. Он послал своих людей, и выяснилось, что полгода назад порх проходил проверку на Суде Яджу. И прошел — а этого быть не могло! И Скаах ан Хар уже распорядился провести доскональное расследование и установить, кто из дознавателей скрыл правду? Почему? С какой целью? Он докопается до причин и отправит виновных на нижние этажи Узилища. Подыхать.

Причем надо копать глубже — он еще должен выяснить у Краба, кто именно продал ему порха, кто его родня, кто и по какой причине направил его на Суд яджу... Этот худородный нужен ему, как воздух, как кровь. Скаах чувствовал невыносимый душевный и даже физический голод — ему не хватало силы, не хватало власти. Он задыхался в тисках подчинения Королеве, вынужденно сохраняя ей преданность после принесенной клятвы Веры и Верности на священном камне Шуулун Зэ... Даже через столько лет он с содроганием вспоминал, какую боль испытал, когда его плоть рассекли лепестки «розы», и как алчно сосал камень его кровь, насыщаясь и меняя цвет с розовато-песчаного перламутра на красно-багровую тьму... Жрец невольно дотронулся до живота — там, под хламидой над пупком белели причудливые шрамы, оставшиеся после вонзившихся в тело каменных лезвий

во время принесения клятвы.

А заполучив этого шустрого порха, а в том, что это произойдет, Скаах не сомневался, он выжмет из него яджу до последней капли, растягивая удовольствие и продлевая жизнь «овце», чтобы питаться дармовой силой как можно дольше... В предвкушении Жрец потер потные ладони, перебирая длинными пальцами... Порх молод, здоров, и, пожалуй, сможет протянуть на процедурах «дойки» года четыре, пока его разум не разрушится, а тело не иссохнет и не скукожится, как осенний лист...

А может, у «овцы» есть братья и сестры, которых тоже можно активно использовать?..

Скаах ан Хар ни на миг не замедлил шаг, двигаясь прямо на рослых охранников, стоящих у ворот, символически разделяющих территории Королевского и Старого порта. Казалось, приземистый человечек, поглощающий на ходу орехи, сейчас всем своим рыхлым телом ударится о дюжего караульного, как хлебный мякиш о скалу, и раздерет лицо о железные бляхи на куртке. Но здоровяк вовремя заметил движущуюся на него нелепую, похожую на гриб, фигуру в шляпе, и поспешил отшагнуть в сторону. Второй стражник замешкался. Он ни на что не обращал внимания, азартно ругаясь с толстомордым торговцем, и неожиданно для себя отлетел в сторону, ощутив страшный удар, как от лошадиного копыта...

— Ах ты, гриб моченый... — заорал он, пытаясь подняться с земли, готовый разразиться следующей порцией брани на толстяка в шляпе, который посмел врезаться в него, да еще и сбить с ног на потеху проходящей мимо матросни. Он был столь разъярен, что ни на миг не задумался о том, как вообще это могло случиться...

Человек в шляпе, не переставая жевать орехи и не меняя выражения лица, небрежно харкнул в сторону обозленного стражника. Жеваная ореховая масса облепила парню лицо и глаза... На миг оторопев, разевая как рыба рот, тот вдруг тоненько завизжал, трясая головой... Толстомордый торговец хихикнул, однако его злорадная улыбка тут же увяла, превратившись в гримасу ужаса, когда он увидел, что кожа на лице парня стала чернеть и дымиться, обнажая кровавистое мясо, а поросычий визг превратился в жуткий вой.

Поморщившись, Скаах ан Хар взял еще один орех и, не целясь, швырнул в воющего охранника, залепив ему раззявленный рот. Крик прекратился, перейдя в хриплое бульканье и сипенье. Лицо парня стало красным, глаза выкатывались от удушья...

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул Жрец, — тихо...

Бешенство, наконец, отпустило его. Он резко развернулся, закрутив хламиду вокруг себя, и проследовал дальше.

Морай оказался прав — облавы или «сбор мусора», как называли это мероприятие в Бхаддуаре, начались в серых утренних сумерках, и Бренну удалось поспать лишь пару часов. Дуги растолкал его и по узкой лестнице они забрались на чердак, придавив сверху щелястый люк корзиной с отсыревшим тряпьем. — С краю иди, по тряпкам — я накидал, чтоб следов в пыли не оставлять... — велел Дуги, — ну, мало ли что...

Усмехнувшись, Бренн одобрительно кивнул, отметив про себя, что не только он, но и Дуги изменился за полгода разлуки — стал расторопным, деловитым, однако, хвала Жизнедателю, — не растерял свою беспечную жизнерадостность. Обойдя пыльные заросли паутины меж проеденными жучками балками, откинули почти прогнившую крышку и выбрались на заросшую мхом крышу. Отсюда просматривалась лишь часть переулка, но этого было достаточно, чтобы вовремя заметить опасность и спрятаться за печной трубой.

Кот, само собой, тоже притащился на крышу. Бренн мягко обхватил теплую морду, легонько пожимая ее, и Шагги замер от удовольствия, тепло и влажно дыша в загрубевшую ладонь. Ожоги на спине и бедре пекло и дергало, и Бренн несколько раз прикладывался к бутылке, где плескался крепкий травяной настой, ослабляющий боль.

В переулке Утопленников «мусорщики» появились лишь через час, когда Бренн опять стал засыпать, зная, что Дуг не дремлет. Пойманных нищих, калек, прячущихся в Канаве воров и убийц, беспризорных детей и старых, незаконно работающих хуср заталкивали в большую решетчатую повозку, сдавливая тела плотнее. В повозке набилось столько людей, что они уже топтали тех, кто упал им под ноги — самых слабых. Вместе с командой скорпов по Канаве шныряли и Ловчие, у которых была своя задача — отыскать беглых порхов, которые скрывались среди черни, и взять по возможности живьем — рабов должно наказывать так страшно, чтобы у других не возникало даже мысли о побеге или неповиновении.

В конюшню скорпы сунуться не рискнули, опасаясь, что продавленная крыша рухнет им на головы, но обшарили все обитаемые халупы и погреба. «Улов» был скудный — в переулок вытолкнули троих бездомных мальчишек лет десяти, грязную девочку помладше и пару нищих — старуху с трясущейся головой и мужика без ног, привязанного к доске с деревянными колесами. «Мусорщики» тащили схваченных к повозке за шейные подводки, поддерживая время от времени, чтобы те шевелились быстрее. Подростки поспевали бежать за верховыми, а бабка и калека волочились по грязи, хватаясь за ошейники и хрипя.

— Суки гнилые, — просипел Дуги. Бренн промолчал. Участь отловленных мусорщиками всем известна. Сирот, если им повезет, сдадут в Детское гнездо, а если не повезет, то их охотно купят владельцы особых Домов на юге, где детей пользуют богатые извраты. Последней обителью безногого мужика и старухи, если их не раздавят в повозке, станут Блаженные острова. Те самые проклятые Острова, на которых, может быть, находится и его мать...

Когда один из скорпов направился к заколоченной двери лачуги, оба напряглись, и даже Шагги замер, чуя угрозу. Но увидав тяжелый ржавый замок и шляпки огромных гвоздей на толстых старых досках, служитель порядка не стал даже долбить в дверь кулаком. Однако внимательно оглядел лачугу, наклонился, ища следы в пыльной грязи на плитах порога, и не найдя (о чем заранее позаботился кузнец), махнул рукой, давая знак своим двигаться дальше.

Как только на соседних улочках затих шум, Дуги принялся почесывать затылок, поглядывая вниз. — Дуг, ты по башке-то не елешь, а то плешку себе начешешь, — усмехнулся Бренн. — И вообще, тебе домой пора, — напомнил он, прекрасно понимая беспокойство друга.

— Ну, да, отцу надо бы помочь, — кивнул тот, — ну и глаза всем отвести... А то вопросами задержают — где таскался всю ночь, что делал, что так долго...

— Надо и помочь, и глаза отвести, — согласился Бренн, — и нечего виноватиться...

— Да ведь ты мне даже рассказать ничего не успел... — с досадой высказался Дуги. — Я же все видел — и как тебя урод бледнокожий добить хотел... и как ты с тварью многорукой бился... А я... я чуть в штаны не накидал, и ничем, ничем не мог тебе помочь... только рот разевал, как рыба тупая, да пялился...

Обветренные губы Бренна дрогнули в неуверенной улыбке. Он совсем отвык улыбаться — он забыл, как это делать. — Да ты чего, Дуг... Забей! Никто мне на арене помочь не мог... но мне, когда я твой свисток услышал, прям здорово полегчало — просто от того, что ты рядом где-то обретаешься и за меня кулаки держишь. Я и раньше знал, что ты настоящий

друг, а теперь, когда я в дерьме по маковку искупался, то вообще... — Бренн потряс Дуги за плечо. — Слышь, Дуг... Мне все мерещится, будто я вырвался из вонючей скотобойни, я даже вспоминать об том не хочу — тошнит, а тем боле — что-то рассказывать. Может, потом — когда отойду малость... А ты давай топай в Русалку, чтоб родичи не докопались, и заодно выведай — не рыщут ли вокруг скорпы... Хорошо б понять, когда вся эта вся бодяга закончится. Только не спались, Дуг...

— Лады! — поднялся тот с крыши, пробурчав: — Канибаа-дуру за ногу, — дверь то Морай снаружи заколотил... Придется с крыши... — Он сморщил нос, покосившись на каменный порог. — Тут, вообще-то невысоко, — уговаривал себя Дуги, — на руках повисну и спрыгну....

— Не надо нигде виснуть... — усмехнулся Бренн, опираясь ладонью на изрезанную трещинами скалу, к которой с небольшим зазором для слива дождевых вод примыкала задняя стена дома. — Все проще. Эту развалюху построили в очень удобном месте. Смотри! — Он повел плечами, ощущая болезненную стянутость в месте ожога, подтянулся, закинул колено на каменный выступ, перевалился через него и пропал с глаз.

— Ээй... ты куда провалился, храфн тебя задери! Бренн! — всполошился приятель.

— Не ори, Дуг, — тут трещина широкая наискось идет до самого верха, а за выступом ее не видно... — Над камнями появилась белокурая макушка, и Бренн перевалился обратно. — Кто-то давным давно додумался и вырубил в этой расщелине ступени. Вкривь и вкось, само собой, но зато по ним можно запросто подняться в квартал Мыловарен так что ни одна крыса тебя не заметит. Наверху вылазишь прямо в заросли боярышника за развалинами старой помывочной.

— Здорово! — воодушевился Дуги, — и к лестнице не надо тащиться, — там всегда куча народу и стражников, как собак нерезаных. — Он немедленно приступил к освоению нового пути наверх, неловко перевалившись через выступ.

— Ты особо не шустри, Дуг, ступени все раздолбанные, мелочь каменная сыпется, нога поедет — можно не слабо навернуться, — крикнул Бренн. Немного подождав, он уткнулся лицом в теплый бок Шагги и растянулся на животе, уже не пытаясь сопротивляться сну, который наваливался на него как темная туча...

— Поешь, давай... я лепехи притащил, — сквозь тяжелую дрему услышал он голос приятеля. Казалось, прошло всего несколько минут. — Солнце садится, а ты дрыхнешь... — В подтверждение слов Дуги над городом поплыл густой бой Башенных часов, оповещая горожан о наступившем полдне. Сунув Бренну бутылку с водой и развернув платок, откуда донесся сытный запах горячих лепешек, тот принялся выкладывать новости:

— Значит так, к Мораю, ясное дело, поутру скорпы заявили, видать, Тухлый Краб заслал, — у него же везде свои люди. Зыркали повсюду, в кузню заглянули, но вели себя прилично... Бурчали, что, мол, пришли насчет налога какого-то непонятного — обязаны проверить, но, видать, ошиблись. Ну, афи на эту лабуду только плечами пожал.

Бренн задумчиво кивнул — понятно, что Нут ан Хурц, не может послать своих личных уродов рыскать по домам в поисках сбежавшего порха, который вовсе и не порх. Покупать невольников можно только с оформлением бумаг, указанием продавца и отчислениями в казну, а не по дешевке у офицера Службы правопорядка... Конечно, у хозяина Казаросса, хватает покровителей среди знати, но не меньше и ярых завистников, которые охотно донесут на незаконное приобретение свободных подданных. А в Загоне было немало таких,

как Бренн, правда в основном из провинций, где «охотился» Зигор Болли, добывая дармовой товар... Потому Краб своих людей придержал, а нанял прикормленных скорпов...

— Ты потом у Морая спроси — не было ли среди скорпов рослого офицера с сытой холеной мордой и длинными усами — Вислоусого?

— Спрошу, само собой, — кивнул Дуги, продолжая рассуждать дальше, — ... и Службу по отлову беглых не получится напрячь — ты же не порх, и никогда им не был... А даже если бы и был, то при всем честном народе объявили о твоей свободе! Так что все ихние потуги тебя добыть накрылись медным тазом...

— Один раз добыли? Если надо — и второй раз добудут — подстерегут, башку отрежут, — делов то на пару минут... — буркнул Бренн, — мне просто свезло, что Вислоусый решил лишнюю деньгу с Краба поиметь...

Дуги с досадой скривился. — Ну да... Значит, у всех на глазах разгуливать тебе пока рано...

— Пока я не узнаю, кто Заказчик, и что с этим делать, — рано... — кивнул Бренн, — а в «Русалке» кто-то появлялся?

— Никто. Видно не прознали, что ты наш, ну, что ты нам навроде родни... — Дуги запнулся, не зная, как точно передать, что он чувствует, и дернул серьгу в ухе. Зато Бренн понимал, что чувствует он сам — внутри становилось тепло, когда он думал о семействе Ри, и под напором этого тепла в желудке таял ледяной комок. Он крепко сжал плечо Дуги. — Не прознали — это до поры до времени...

— Ну, и еще кое-что случилось... — со значением произнес тот, — после скорпов к Морая приперлись двое Непорочных, и очень тобой интересовались, представляешь?

— Что спрашивали? — Бренн напрягся, — с чего это вдруг у Жрецов возник интерес к обычному обитателю Нижнего города, который пропал полгода назад...

— А всё спрашивали. И сколько лет ты у кузнеца в приемышах числишься, и кто твои родители... Афи им сказал, что забрал тебя с улицы после смерти матери, а про нее знает только, что она была безмужняя... Что оформил опеку — все как по закону положено... И даже бумагу показал. Потом они спросили, не проявлялись ли у тебя признаки яджу. Опять же, Морай не стал скрывать, что ты проходил проверку на Суде Яджу, и дознаватели ничего не обнаружили. Чего скрывать — ясное дело, что о проверке они и сами уже знали. А в конце разговора наказали, что если вдруг приемыш найдется, то немедленно привести его, то есть, тебя, в Пирамиду, да показать на входе скрипту, чтобы сразу пропустили.

— Скрипту?

— Ну, бумагу с печатью, — объяснил Дуги, — и если ты придешь без принуждения, у тебя появится шанс стать эфебом, даже несмотря на то, что ты простолюдин... И от любых обвинений ты будешь защищен. От любых, — так они сказали. Сечешь!

— С чего бы такие милости? — прищурился Бренн. — Худородного, не владеющего яджу, вдруг возьмут в эфебы?

— Как-раз об этом их афи и спросил... На что жрец ответил, будто во время проверки что-то у них не так сработало, а на самом деле у тебя имеется светлый дар... Только скрытый, не проснувшийся...

Дуги помолчал и высказался до конца: — Афи считает, что это ловушка, — он неуверенно пожал плечом, — но я думаю...

— Конечно, ловушка... — рассеянно пробормотал Бренн, чувствуя, что должен

вспомнить что-то важное. Он лихорадочно рылся в воспоминаниях, которые хотел забыть напрочь... В памяти всплывали отдельные куски событий, лица и ощущения, которые переплетались у него в голове, сливаясь и путаясь... — разинутые пасти морских тварей, ненавидящий взгляд Косты, окровавленный Микко, удушье от сжимающихся все сильнее щупалец... прыжок в бездну... Слишком много всего произошло за вчерашний день, слишком тесно наматывала вокруг него круги смерть, приближаясь вплотную и дыша гнилью.

Вот оно! Вспомнил. Узкая бойница в отстойнике перед Игрой — духота, запах пота, насыщенный страхом, нарастающее предчувствие скорой гибели, от которого скручивало кишки, шум на площади, крики торговцев, спешащие зрители и... развалившийся в коляске Скаах ан Хар, погоняющий кнутом запряженную порху. Старый враг, почтивший Казаросса своим присутствием. Он, наверняка, сидел в ложе первого яруса и следил за подводной схваткой... И он не мог не заметить вспышки яджу...

Вот уж невезуха! Опять все пошло по кругу, и Отец Непорочных снова ведет охоту на Бренна. Только вряд ли он узнал в молодом кортавида маленького мальчика, которого девять лет назад безжалостно вырвал из рук матери... Скорей всего, Скаах ан Хар, уловив выброс яджу, решил схватить и досуха «выдоить» свежую овцу, отправив за ним своих жрецов-Ловчих... Тут все ясно.

Вот только в Казаросса Бренн попал не из-за Верховного Жреца. И не Жрец отдал приказ Тухлому Крабу избавиться от него. Если бы он так истово желал гибели Бренна, то раздавил бы его как муравья еще девять лет назад на Рыночной площади. Просто велел эдирам забить его насмерть костяной плетью.

И уж, тем более, Владыка Тайного, имея целую армию жрецов, эдиров и Ловчих, не стал бы связываться со Службой правопорядка и ничтожным Зигором Болли — это бред собачий. Чтобы уничтожить любого — и худородного и благородного, у главы Ордена имеются любые средства, включая невероятную по силе яджу. Что-то здесь не складывалось... Жрец — не Заказчик.

Но если это не Жрец, тогда какая же паскуда его заказала сначала Вислоусому и затем — через полгода в Казаросса — Тухлому Крабу? На кой храфн кому-то сдался ученик кузнеца? И где Морай? Он обещал разговор!

Глава 10. Блеск цепей

Она проснулась очень рано — серебристо-розовые сумерки еще не растаяли, и воздух нежно дрожал в ленивом мареве утра. Взяла маленький серебряный кувшинчик с откидной крышкой и уже привычно вылила зеленоватый настой в цветочные вазоны, — она уже поняла, что растениям это никак не вредит, скорее наоборот. После нападения рухов, ужасной смерти Гретты и юного порха, Илайна была не в себе, и даже объятия родителей не смогли вывести ее из оглушающего оцепенения. Каждую ночь она видела в клюве Руха оторванную голову служанки, которая смотрела на нее выкатившимся голубым глазом и будто дразнила ее, высунув лиловый язык... И слышала отвратительный хруст ее раздавленного черепа...

Конечно же, королева Элмера незамедлительно приняла меры, отпаивая любимую дочь целебными настоями, смягчающими скорбь и дурные воспоминания. Она готовила их собственноручно в своей «травной лаборатории», куда доступ был запрещен всем, кроме короля Готфрида, правда он совершенно не интересовался увлечениями любимой супруги. После пяти дней приема сонного зелья Илайна не могла не признать, что оно помогает... Она стала нормально есть, и главное — спать, не пробуждаясь с криками в холодном поту, и, наконец, в полную силу стала радоваться любви близких людей, подаркам и развлечениям...

Все так... Но ей чудилось, что под действием снадобья она становится похожей на вялый лепесток, носимый ласковым ветерком, но куда и зачем — она не знает. Илайна теряла нить соединяющую ее прошлое и настоящее... Забывала людей и события, важные для нее. Важные для любого человека. Ей казалось, что она тонет в сладком мареве забвения. А она не хотела забывать! Даже то, что причинило ей боль. Ведь это предательство — забыть несчастную Гретту, потому что горько вспоминать о ее смерти. Илайна предпочитала помнить. Ее воспитывали так, чтобы она была крепкой телом и духом. От кошмаров матушка-королева ее избавила — вот и хорошо. Достаточно целебных зелий!

Прионса дернула за пышную кисточку ленты колокольчика, и через несколько секунд в комнату вошла горничная Анита и вслед за ней — улыбающийся Жасмин. В шелковой сорочке с лентами и кружевом, легком жилете с отделкой серебряной нитью, в бриджах с белыми чулками и кожаных туфлях с серебряными пряжками. На поясе — кинжал. За эти недели Илайна всерьез привязалась к юноше. Свою роль сыграло искреннее восхищение его храбростью, одинаковый возраст, совместно пережитые страшные события, и характер Жасмин — с ним было легко и радостно, хотя судьба не пощадила мальчика, изуродовав его тело и душу.

По велению королевы Элмеры порх обрел свободу. За помощь в спасении наследницы престола Жасмин получил сундучок с золотыми монетами, собственный дом, и в придачу — когорту завистников и недоброжелателей. Но ему было плевать на них, он вовсе наслаждался тем, что мог ходить с выпрямленной спиной, как человек, а не как собака, и не ждать удара хлыста, истязаний и надругательств. Он отказался носить берет, прикрывший бы его обритую слева голову, хотя за месяц волосы отросли и кудрявились вокруг грубого рубца короткими вихрами. Юный кастрат гордился ужасным шрамом, который подтверждал его истинное мужество, доводя до бешенства расфуфыренных нобилей — обладателей похотливых членов.

Жасмин не пожелал покидать прионсу ни на один день, и теперь являлся ее личным

охранником. — Пусть так! — заявила Милостивая, — он ей предан, прошел испытание кровью, пусть дочь поиграется с ним и продемонстрирует будущим подданным свое душевное благородство. Это лишь повысит ее популярность в народе.

Длинные вьющиеся золотисто-рыжие волосы приносы сверкающим водопадом обрамляли хорошенькое личико, стекая по плечам на спину. Пушистые темные ресницы вздрогнули, поднялись, и прозрачный взгляд зеленых глаз окутал Гуннара мягкой доверчивой нежностью, отчего губы принца невольно растянулись в улыбке.

Затем ее глаза встретили пристальный взгляд Ларса, и она смутилась, порозовев. Это показалось ему очень милым. Поначалу, он ожидал увидеть молодую провинциальную особу из «отсталой» страны, чья привлекательность будет определяться лишь животным очарованием плоти... ведь по законам Лаара девушка пятнадцати лет уже два года как считается совершеннолетней, а значит — должна быть вполне искушенной. Но он вспомнил, что она лишь месяц назад вернулась из Воспитательного дома для высокородных, и это проясняло ситуацию. Неужели прионса получила почти монастырское воспитание?

Ларс не мог не заметить, что Илайна, при ее несомненной красоте и миловидности, даже не пытается демонстрировать женские прелести, как это делали придворные дамы, встречавшие их вчера. Темно-зеленого цвета платье с широким отложным воротником белого кружева полностью скрывало плечи и высокую грудь. Он наблюдал, как девушка, слегка изогнув в улыбке пухлые розовые губы, чуть подалась вперед и протянула маленькую изящную кисть Гуннару, который немедленно принял в ладонь тонкие пальцы, склонившись над ними для церемониального поцелуя в воздух.

— Я безмерно счастлив, Ваше Высочество, — глухо прошептал Гуннар, — благодарю Бога и ураган за то, что он принес наше судно к Серебряной гавани!

— О нет, нет, Ваше Высочество, я прошу вас и герцога, — она кивнула головкой в сторону Ларса, — обращаться ко мне по имени, — улыбнулась Илайна, — это менее официально и гораздо приятнее... Ваши Величества, — она вскинула темные брови, посмотрев на родителей, — вы позволите?

— Его Величество позволяет, — сделав почти незаметную паузу, произнесла Милостивая, вскользь погладив тяжелую волосатую кисть короля Готфрида, по-хозяйски покоившуюся на ее обнаженном плече. Королева казалась хрупким цветком на фоне массивного рослого супруга, широкоплечего и крепкого, как дуб. Снисходительно усмехнувшись, Красный король благосклонно кивнул и ласково улыбнулся дочери, блеснув крупными белыми зубами в перевитой золотыми цепочками рыжей бороде.

Королева впечатлила Ларса своей хрустальной, чуть высокомерной красотой, гладкой нежно-розовой кожей и почти прозрачным взглядом светло-голубых глаз. Но самое удивительное, что семидесятилетний Готфрид то и дело смотрел на жену, касался ее плечей, спины, не стесняясь ни гостей, ни придворных, и не скрывая явной заинтересованности в королеве, как в женщине. И это в его возрасте и после тридцати с лишним лет брака?

Если честно, то для женщины на пятом десятке Милостивая выглядела удивительно молодо, почти ровесницей своего сына. Удивительная женщина. Или удивительно талантливые лекари, невольно подумалось Ларсу, опустившемуся на одно колено перед Властительницей Лаара.

Еще раньше, когда они поднимались в тронный зал, он обратил внимание на огромный портрет венценосного семейства над площадкой парадной лестницы — на руках Красный

король держал младенца Илайну, играющую с его рыжей бородой, а двое белокурых красавцев-близнецов нежно касались пальцев матери. И если сравнивать облик королевы на картине и ее теперешнюю внешность, то за пятнадцать лет Милостивая почти не изменилась. Вернее, на взгляд Ларса, совсем не изменилась.

Когда пришла его очередь приветствовать прионсу, он выругался про себя, чувствуя, что краснеет, как подросток. Это он-то, герцог нор Байли, имевший несколько любовниц одновременно... И перед кем? Перед неопытной девочкой, которая была моложе его лет на десять-двенадцать. При движении ее руки, протянутой к нему, воздух колыхнулся, и Ларс невольно замер, втянув в себя нежный запах духов, смешанный с теплым дразнящим ароматом женской кожи.

Тонкие пальцы и кисть были изукрашены в древне-арианском стиле: по медовой коже от пальчиков тянулся многоцветный вьющийся узор, сплетавшийся на запястье в причудливый ажурный орнамент в виде широкого браслета. И от запястья он манящими кольцами охватывал предплечье, прячась под кружевным рукавом. Он наклонился, держа в своей ладони ее шелковистую ладошку и с удивлением понял, что едва сдерживается, чтобы не нарушить этикет и не прижаться к ней губами. Ему хотелось этого.

Роскошный завтрак предусматривал присутствие исключительно членов королевской семьи, главного советника Олларда и Верховного жреца. Куда уж без него, с досадой подумал Ларс, наблюдая, как тот усаживается в высокое кресло, обшаривая взглядом поданные кушанья.

Удивительно, но к завтраку подали хрустальные бутылки вина розового, зеленоватого и золотистого цвета. — Для нобилей Розстейнар вино на завтрак — обычное дело, — пояснил Оллард, самостоятельно наливая себе в бокал зеленое. — Эти сорта очень легкие и обладают удивительным свойством дарить заряд бодрости на весь день, особенно в жару. Вино и правда было превосходным, розовое — в меру сладковатым с тонкими оттенками цветов, бледно-зеленое — с едва слышным травяным букетом, золотистое — с привкусом дикого меда. За час на столе сменилось четыре варианта блюд, приготовленных с учетом предпочтений гостей, но обладающих необычайно притягательным вкусом, благодаря традиционной лаарской кухне. Кузены пришли в восторг от кремовых сыров с добавками грибов, орехов и трав, как и от дымящегося, аппетитно пахнущего блюда под названием «айяр». Сваренные «в мешочек» яйца лежали на лепестках артишока, покрытые взбитым шпинатом и залитые густым сливочно-бежевым пряным соусом. Рядом с Ларсом появилась тарелка с поджаренным белым хлебом, медом, вареньями и несколькими видами масла и глубокая фарфоровая миска с нежным жирным творогом, перемешанного с кусочками засахаренных фруктов и политого ягодным соусом.

Но особенно его порадовало обилие крепкого кофе с непривычно жгучим оттенком. Он отметил, что Илайна, не жеманничая, как это было свойственно аристократкам Энрада, вовсе налегала на ромовые пирожные с шоколадом и вишнями, нимало не заботясь о фигуре. И ему это нравилось. Ларс усмехнулся — неудивительно, что Гуннар сделал стойку на юную наследницу трона — не спускал с нее ярких серых глаз, с упоением рассказывая об Энраде и, конечно же, о шторме, в который их угораздило попасть. Причем, прионсе это было без сомнения интересно — она задавала вопросы и слушала не из притворной вежливости, уж это Ларс определил мгновенно. Он быстро скользнул взглядом по лицам. Красный король явно был доволен тем, как «подружилась молодежь», — он играл густыми

рыжими бровями, и, посмеиваясь, что-то говорил на ушко королеве, поглядывая на дочь и принца, а Элмера Милостивая, опустив ресницы, чуть приподнимала уголки губ в рассеянной улыбке.

Только вот старший сын королевы, светлокудрый Лизард, вызывал у Ларса смутную настороженность. Прионс был весьма дружелюбен, охотно общался, много смеялся, показывая белоснежные зубы, задавал толковые вопросы, интересуясь жизнью в Энрадде. Но Ларсу не нравился странный взгляд его прозрачных глаз с черными точками зрачков, который он порой останавливал на младшей сестре.

Их удивительное приключение, если так можно назвать бешеный круговорот последних событий и впечатлений, продолжалось. Верхний город — Розаарде — удивлял. Даже потрясал. Почти в каждом зале журчали фонтаны, отражаясь во множестве зеркальных панелей. Пока они шли по внутренним залам и галереям дворца, их обоняние радовало нежно-пряное сладковатое благоухание, исходящее от целых полей незнакомых Ларсу цветов. Ярко-голубых, бело-розовых с высокими стеблями и других — с невероятной красоты с длинными вьющимися лепестками коралловых и фиолетовых оттенков. Вся эта красота радовала глаз даже в помещениях, где царил полумрак.

— Это растения Дивного леса, — пояснила прионса, заметив интерес Ларса, — голубые цветы прозвали «светлячками» — они ярко светятся ночью, а вот те — сиренево-красные — «ночные огоньки», их особенно любит матушка за мягкое мерцание после заката солнца.

— Значит, растения из Леса легко приживаются и растут даже... в помещениях?

— Приручить их пытались на протяжении веков, герцог, — ответила ему королева, нежно касаясь пышных бутонов, но лишь эти цветы ответили людям своей привязанностью. Но выживают они только в Розаарде. И нигде больше.

— И особенно пышно разрастаются в покоях Властительницы Лаара... — внедрился в разговор вездесущий Скаах ан Хар, на ходу поедая черные сливы. — По-видимому, жизненная энергия генуса Сарэй, что течет в крови нашей королевы благотворно влияет на них, — высказал он свое мнение, заглядывая в лицо Элмеры Милостивой, но та лишь рассеянно кивнула, не глядя на Жреца.

— Похоже, Дивный лес, действительно дивный... — пробормотал Гуннар, не спуская глаз с Илайны.

— Лес состоит из множества зон, — нимало не беспокоясь тем, что прервал принца, принялся рассказывать Отец Непорочных. — Имеются, как относительно безопасные области, приводящие смертных в восторг красотой своей флоры и фауны, так и крайне неприятные, несущие угрозу жизни, особенно на заболоченных участках, ближе к югу. Там обитают неведомые монструозные существа, плотоядные растения чудовищных размеров, мерзкие болотные твари. Но именно там с постоянным риском добывают ценнейшие животные и растительные субстанции, которые врачеватели нашего Ордена успешно используют для приготовления лечебных снадобий. Как-раз одно из таких лекарств вы приняли, господа, чтобы унять боль от травм.

После осмотра едва ли десятой части дворца, кузенов пригласили на прогулку по Розстейнар, и «зеленоглазка» — как начал именовать про себя Ларс юную принцессу — вызвалась показать им все лучшее, что создавалось веками. Его приятно удивило, что Илайна, не смотря на традиционное в Лааре воспитание ноблесс, вела себя иначе. Она

отвернулась от поданной коляски, и, не потому, что в нее уже уселся Верховный жрец, а потому, что в нее были запряжены десять мускулистых рабов, и что-то приказала склонившемуся перед ней слуге. Причем выражение лица девушки было твердым и властным. Через минуту подали другой экипаж, — с четверкой светло-серых в яблоках лошадок. Лизард не стал садиться в коляску и сопровождал их верхом на темно-гнедом жеребце, непринужденно болтая и порой поддразнивая сестру.

Такой роскоши, таких архитектурных красот, скульптурного величия они не ожидали увидеть в утопающем в розовых садах Верхнем городе, где дивные особняки и дворцы занимали исключительно представители старинных и ближайших к королевской семье Домов. Ларс честно признался себе, что хотя он и привык к величию дворцов Эббы, и думал, что его, герцога нор Байли — двоюродного брата Гуннара и родного племянника императора Магнуса, трудно удивить... — он был восхищен.

Высокие здания с широкими окнами, колоннами, балконами, арочными перекидными мостиками меж ними, утопали в садах, заполненных ярко-цветущими кустарниками, апельсиновыми и персиковыми деревьями. Вдоль многих улиц были проложены каналы с перекинутыми через них ажурными мостками и русла мелких журчащих ручьев, сквозь чистую воду которых светились пестрые камни. Малыши, под присмотром нянь и слуг, играли в воде, пуская кораблики, плескались и шлепали босыми ногами, сняв бархатные башмачки.

Друг за другом тянулись ювелирные и парфюмерные лавки, магазины шелков и шляп с большими сияющими витринами, лавки пряностей, дорогих вин и разнообразных сладостей, рестораны с открытыми террасами и балкончиками.

— Нравится ли вам наш город? — спросила Илайна, не обидев светлым взглядом ни Гуннара, ни Ларса, и улыбнувшись обоим.

— Сказочное место, — быстро ответил Гуннар, не отводя глаз от девушки. Она засмеялась, легко и радостно, сияя зеленью глаз и жемчугом зубов, и Ларсу показалось, что его ударили под дых.

Он рассеянно кивнул, соглашаясь с кузеном и удивляясь своей реакцией на невинное кокетство девушки. И еще сильнее удивляясь тому, что за последние сутки ни разу не вспомнил о измене герцогини нор Мэйфор, а сердце не сжали жесткие пальцы тоски и уязвленного самолюбия. Он излечился? Излечился от болезненной привязанности к ненасытному шикарному телу герцогини, покрутившись возле юбок «провинциальной» девочки-принцессы. Ей Богу, просто смешно и трогательно...

Однако, несмотря на романтический настрой и красоту Розстейнар, Ларс не мог не замечать другое — от чего жутко корбило. Он видел, как множество детей-ноблесс, приподнимаясь на стременах, управляло бегущими по-собачьи порхами в узде. Судя по тому, как напрягались «скакуны», маленькие седоки устраивали настоящие скачки, то натягивая поводья, то погоняя хлыстами и вонзая в ребра «лошадей» шпоры высоких сапожек. Невольники фыркали, ржали и мчались изо всех сил. Ларс видел, как на круглом лице Верховного жреца, который с интересом наблюдал за скачущими детьми, появлялось умиление и нежность.

А вот девушка, наоборот, отворачивалась от таких сцен, отвлекая внимание гостей рассказами о Верхнем городе. По тому, как она привставала с сиденья коляски, показывая им древние памятники, многоярусные фонтаны, высокие жилые башни с подъемниками на верхние этажи, Ларс видел, что прионса наслаждается поездкой. Заметив его ласково-

насмешливую улыбку, она смутилась, объяснив свою эмоциональность: — Я лишь месяц назад вернулась из Ариании после пяти лет, проведенных вдали от всего, что я так любила... — и потому, я еще никак не могу полностью насладиться свободой и воспоминаниями детства.

— Если честно, рэя Илайна, — я не в силах представить, как могут девочки так долго находиться в строгих стенах Воспитательного учреждения, — и потому совершенно понятно, как вы соскучились по дому... — проявил искреннее сочувствие Гуннар.

— Да, в Девичьих садах, к сожалению, не было фонтанов и благоухающих роз, как здесь... только шипы... сплошные шипы, и в самый последний день моего пребывания там, — ужасная смерть малышки Фрейи, дочери правителя Ариании Мгер-Камари...

— Юную деву отравили ее врач и служанка... Чудовища понесли заслуженную кару, — сообщил Жрец, отложивший блюдо с замороженным соком и принимаясь за взбитые с фруктами сливки.

— Господа, — вмешался в разговор Лизард, придерживав своего коня, чтобы не обгонять карету, — может, не стоит сейчас о грустном. Слава Жизнедателю, моя сестра дома и в безопасности. Ведь так, малышка? — Лизард нежно провел пальцами по сияющим локонам сестры.

— Да, мой брат, — ответила ему улыбкой прионса, — я так рада, что отец велел привести меня домой раньше срока, иначе еще целых полгода мне пришлось бы чистить песком жирные сковороды и мыть уборные охранников-евнухов...

Ларс и Гуннар онемели, не мигая глядя на прионсу. Она говорила об этом так легко и просто. — Вы смеетесь над нами, Илайна? — неуверенно спросил принц.

— Ни в коем случае, Гуннар, как можно? — засмеялась она, — согласно традициям Девичьих садов, всем без исключения воспитанницам поручали грязную и трудную работу, чтобы «воспитать силу духа» и готовность держать удары судьбы...

— Я надеюсь, вы расскажете об этом подробнее? — пробормотал Ларс, не сводя глаз с нежного лица, — это ужасно, я хотел сказать, удивительно... Но ужасно!

— Я расскажу, герцог... Ларс, — исправилась она. — Вы знаете, став старше, я поняла, что такие уроки, наверное, были необходимы. По сути, мы все получили отличное образование для девушек-ноблесс, и одновременно нас с головой окунули в повседневные тяготы жизни, которые могут ожидать каждого...

Илайна неожиданно оглянулась через плечо на красивого юношу с кожей цвета апельсина, стоявшего на задке кареты. У парнишки была странная, но стильная прическа — коротко стриженные волосы слева переходили в длинные серебристые локоны справа. — Это Жасмин, мой спаситель, а теперь — верный помощник, — она ласково улыбнулась мальчику. — На обратном пути нас атаковали «ведущие Рухов», много людей погибло, — Илайна сжала розовые губы, — а Жасмин был тяжело ранен...

— Ну, что ты, сестрица, — к Илайне с седла нагнулся Лизард и поцеловал ее в золотящуюся на солнце макушку, — в такой светлый день рассказывать нашим дорогим гостям столь жуткие истории. Забудь о плохом, дорогая.

— Понимаешь, братец, когда на твоих глазах страшная птица убивает мальчика-порха, отрывает голову моей служанке и подбирается к тебе, чтобы сделать то же самое, — забыть об этом как то не получается... — Светлые глаза девушки стали темно-зелеными, как трава в грозу. Вздыхнув, она коснулась языком пересохших губ. Ларс и Гуннар невольно подались вперед — к ней, будто пытаясь прикрыть от уже прошедших угроз. — И, если бы не

Жасмин... я бы никогда больше не увидела семью и родной город...

Ларс с невольным уважением посмотрел мальчишку-слугу. Апельсиновая кожа юноши приобрела розовый оттенок — он смутился от похвалы. Евнухи с женскими именами... Ларс читал о подобных извращениях, но мысль, что перед тобой искалеченный мальчик, который перенес жуткую операцию, вызывала злость на тех, кто надругался над его телом и душой.

— Рухи — что они собой представляют... — заинтересовался Гуннар.

— Плотоядные, агрессивные летающие твари Умшигтайских равнин, огромные и препротивные на вид, — ответил Лизард. — Но с недавнего времени их птенцов научились добывать дружеские нам племена сархов, и, если желаете, господа, я покажу, как их дрессируют в специальных вольерах.

— Только без меня, — покачала головой Илайна, и по движению качнувшегося к ней Гуннара, было понятно, что он согласен с ней.

— А вы, герцог? — не отставал Лизард.

О, как! — хмыкнул про себя Ларс, — по всей видимости, прионсу хотят оставить наедине с Гуннаром для укрепления дружеских связей между государствами? И наверняка это инициатива не старшего брата, а самого короля... Или мамыши Элмеры... Забавно. Сохранив серьезное выражение лица, он тут же отозвался: — Был бы рад, минрэй... Это интересно...

Группа распалась, — Ларс верхом на пепельно-сером жеребце отправился вместе с прионсом смотреть ужасных птиц, а карета покатила в сторону обзорной площадки на стене Розстейнар, — прионса решила показать Гуннару Серебряную гавань с высоты Верхнего города — во всей красе. Жрец пожелал ехать с ними. Количество сопровождающих гвардейцев и эдиров сразу увеличилось. Юную престолонаследницу берегут, как зеницу ока, подумалось Ларсу.

— Ну и как тебе тесное знакомство с плотоядными птичками? — смеясь, спросил Гуннар, — перепугался?

— Да как тебе сказать, — Ларс затаился, сжав в губах тонкую коричневую сигарету, — Лизард был весьма предупредителен, внимателен и обаятелен... Птички — свирепы и кошмарны на вид. Это все, конечно, впечатляет, но я бы предпочел прогулку с прионсой на побережье или в розовых садах...

— А вот и нет, — Гуннар опрокинулся на подушки, и взгляд его, к удивлению Ларса, затуманился, — Илайну я тебе не отдам, братец.... Ну, по крайней мере до тех пор, пока мы гостим в этой удивительной стране.

Глава 11. Длинные тени прошлого

Морай пришел в сумерках, когда одинокие фонари еще не зажгли, и лабиринты улочек Канавы тонули во мгле. Едва Бренн склонился над горшком с тушеным кроликом, который притащил Дуги, за окном послышалось насвистывание мотива старинной песенки «любовь простушки Мери».

— Тебя пасли, афи? — поднялся из-за стола Бренн, еле дождавшись, пока кузнец отомкнет снаружи замок и откроет разбухшую дверь.

— Пасли, само собой, — усмехнулся в бороду кузнец, — аж до новой купальни, что на углу Стекловаров и Кривой ноги. В соглядатаи девку приставили, шуструю такую, востроносую. У входа в купальню меня караулит...

— А как же ты..? — начал было Дуги.

— Вход один, а выходов много, если знакомцев имеешь, — не дослушав, ответил Морай. — Хватит об этом, времени мало, а разговор долгий. — Он сел напротив, вздохнул: — О том, как тебе хреново жилось эти полгода, ты уже поди Дуги рассказал, ну а мне, расскажешь как-нибудь потом, ежели к тому времени не позабудешь...

Тягучая немногословная речь Морая стала отрывистой. Казалось, что он угнетен чем-то еще, кроме мыслей о том, как упрятать приемыша подальше от загребущих лап тех, кто за ним охотится. — В городе тебе оставаться нельзя... Да погоди ты, не дрыгайся! — шикнул он на подскочившего Бренна прежде, чем тот успел возразить. — Похоже на то, что тебя ищут все, кому не лень... Исчезнешь на время, и о тебе забудут, — серьезно посмотрел на него Морай, — за год-два много воды утечет, и сам ты обликом изменишься... Вот тогда и вернешься. Коли захочешь.

— И куда ты надумал меня задвинуть? — жестче, чем хотел, спросил Бренн, но тут же одернул себя, — прости, афи...

Морай досадливо мотнул головой, отмечая ненужные извинения. — Я тут повидался с твоими знакомцами — балаганщиками из «Всякой всячины». Они уж месяц как куролесят на площади Старого дуба — каждый вечер кавардак устраивают. Карлик Хаган сказал, что через пару недель они шатер сворачивать будут, хотят прогуляться вдоль побережья со своими игрищами. И старик Гримар, — не за просто так, ясное дело, — согласился взять тебя с собой, коли не станешь воротить нос от черной работы. Мож и приплатит, не без этого... если зверей да людишек его врачевать помаленьку начнешь...

Бренн покосился на вмиг помрачневшего Дуги, мысленно перебирая возможности остаться в Бхаддуаре. — Не выйдет, афи, я ведь всех их подставляю, если меня в театре словят...

— Какого это рожна, — пожал плечом Морай, — по закону ты не порх, а свободный подданный, подмастерье и мой подопечный... Ни Служба отлова, ни скорпы тобой заниматься не будут. А люди Тухлого Краба за воротами Бхаддуара тебя разыскивать тоже не будут — много чести... Другое дело, жрецы. Им будто зады припекло, так тебя повидать алчут... С чего бы это, а? — кузнец прищурился, вглядываясь в лицо Бренна. — Ладно, — об этом позже, — махнул рукой Морай, угадав его смятение. — Дело в том, что... ну, чего уж греха таить, — кузня — не твое ремесло, Бренн, я уж давно это уразумел. Вот из Дуги знатный кузнец выйдет, и не простой кузнец — оружейник.

Дуги закашлялся — густой румянец, заливший лицо и шею, выдал радость от

неожиданной похвалы и будущих перспектив...

— И земли другие повидашь, — пытался успокоить Бренна опекун. — И Тартус, и Даму... Ведь фургоны Гримара по всем землям колесят, — никто тебя не выследит... А через год вместе с комедиантами и вернешься? Работа у них для тебя навряд ли легкой разминки будет. Ну — чего сбывчинился, — он легонько толкнул его пальцами в лоб, — ты ж всегда хотел побродить по городам да весям... мир поглядеть, не так разве?

— Хотел, — не стал отнекиваться Бренн, — но не прям сейчас...

Кузнец хмуро свел покрытые копотью брови: — Хватит сопли на кулак наматывать! Не об своих ребячьих хотелках, а о жизни и смерти надо думать. Чудилось мне, что ты вроде как повзрослел... иль я ошибаюсь? И не задуривай себе башку — ты знал, что прежней жизни не будет. Скажем так — пока не будет... — поправился Морай после паузы.

На душе стало паршиво. Он вырвался на волю, но снова вынужден убежать и прятаться... Бросить все, что ему так дорого, расстаться с друзьями, с Бхаддуаром, с Гаванью, где кипит жизнь, казалось ужасной несправедливостью. «Правда?» — прошипел в голове ехидный голос. — «Тебе ли, подлому гнилому убийце, мечтать о справедливости? Да еще остаться в городе и подвергнуть угрозе всех, кто тебе вроде бы так дорог, как ты сам себе поешь?» Морай прав, тысячу раз прав. Надо уходить. На время... — принял решение Бренн.

— Ну, а коли тебе у балаганщиков тошно станет, — услышал он, вынырнув из своих мыслей, — устроишься учеником иль подмастерьем к кузнецу-якорщику... — Мастер говорил с натужным воодушевлением, и Бренн понимал, что тот просто не знает, как его защитить и куда спрятать. — Гримар своего не упустит, в каждой захудалой деревушке деньгу собирать будет, не говоря уж о городах, но через год, думаю, вы полный круг по сделаете, да обратно вернетесь... Вот и посмотришь.

— Угу, — ссутулившись, промычал Бренн, вдруг вспомнив о израненном Микко, который остался гнить за стенами Казаросса. А ведь он надеялся, что сумеет выкупить его... Еще не зная, где возьмет деньги, он уже решил, что вытащит Микко со Скотного двора... А теперь... когда он сможет это сделать и доживет ли синеглазый порх до дня освобождения?

— Ты что — все накопленные деньги за меня отдал, афи? — задал Бренн вопрос, меняя неприятную тему разговора. — Просто так Хряц вообще не заморачивался бы помогать.

Не отвечая, кузнец сжал ему здоровое плечо: — Ожоги как?

— Как всегда, — поморщился Бренн, — мазь помогает...

— Вот и ладно, — тебе и вправду везет, парень...

— Да неужто! — вскинулся он, — ты всерьез, афи?

— Более чем, — спокойно подтвердил Морай. — По всем раскладам ты просто обязан был сгинуть. И не один раз... Но ты жив. И даже не стал калекой. Это первое. Второе — у тебя есть настоящий друг, — Морай глянул на Дуги, — что во все времена большая редкость. Есть добрые приятели — и семья Ри, и Якоб, и Хаган. Ну и я — старый пень — еще пригожусь... Ну а в третьих — тебе не придется до отъезда театра сидеть в Канаве, хлюпать носом и сокрушаться о том, какой ты несчастный...

— Не понял. Это как?

— Вечор боги подкинули нам воздушный корабль с севера, Дуги не сказал? — приподнял бровь Морай.

— И что? Я и сам видел, как дирижабль из смерча вывалился, — медленно проговорил Бренн, вспоминая жуткую картину небесного гнева, пока он сам, как букашка, висел на

скале Свартрока.

— Чудное дело — первый раз слышу, чтоб смерч через Лютую лужу воздушный корабль перетаскивал... — Да еще вместе с заморским принцем... — Кузнец помолчал, набивая трубку свежим табаком. — Так вот, по причине благополучного прибытия наследника энраддского престола Красный король объявил праздник, а любой праздник — это бардак и суета... Потому, ты уже сегодня сможешь неспешно перебраться к своим циркачам и заняться делом... Дядька Гримар, прикинув свою выгоду из-за кучи зевак, что ринулись в Бхаддуар со всей округи, решил пару недель повременить с отъездом — мощну потуже набить. А среди комедиантов тебя никто искать не додумается...

— Это уж точно, — хохотнул Дуги, — особенно если тебя как деву невинную размалюют, напудрят пошибче и парик нацепят...

— Не лыбься, Дуг, не смешно ни разу, — мотнул головой Бренн, — в Казаросса тебя под деву никто гримировать не станет.хлопотно. Просто стручок с яйцами отрежут, и ты уже девка, готовая для дальнейшего употребления.

Повисла тяжелая тишина. Дуги смутился, и Бренн виновато похлопал его по плечу, понимая, что не стоило окунать приятеля в глубины той мерзости, которой он сам нахлебался в последние месяцы до блевоты...

— Хорош! — Мораю не терпелось продолжить разговор. Он глубоко вздохнул, будто перед прыжком в воду, и Бренн смутно ощутил, что тот хочет открыться, но сильно из-за того тревожится...

— Афи, ты должен сказать мне что-то... неприятное?

— Приятное иль неприятное — это только старая Ойхе знает — так ведь, Дуги?

Дуги нахмурился и хлопнул себя по коленке: — Ааа, да, Бренн, бабушка, непонятно как, узнала, что ты вернулся, а я ведь ничего ей не говорил, никому не говорил — веришь?!

— Дуг, не суетись — кому ж мне верить, как не тебе? — устало отмахнулся Бренн, — так что Ойхе?

— Велела прийти. На исходе ночи. Правда, зачем — я не понял.

— А тебе, Дуг, и не надо ничего понимать, — пояснил кузнец, — ты лучше подумай, как Бренна в дом провести, чтоб его снаружи ни один гнилой глаз не заметил...

— Да это не запара, — пожал плечом Дуги, — по крышам пройдем, если что... — не в первый раз...

Бренн хмыкнул, вспомнив, что именно по крышам быстрее всего можно добраться от Старого портового квартала, где тянулись угрюмые склады и мастерские канатных плетельщиков до Пьяной Русалки...

— Ну-ну, — усмехнулся Морай, — только не забывайте, что в те времена вы были раза в полтора легче. Крыши носами не пробейте! — Он со странным выражением лица мельком посмотрел на Бренна. — А насчет выкупа, который тебя так беспокоит... Часть денег мои, как опекуна и твоего мастера, а другая часть — матери твоей, Кьяры...

Бренн напрягся. Глухая тоска послышалась в голосе Морая, когда он продолжил: — Ей и пятнадцати не было, когда она брюхатая ходила по кварталу, искала работу. Одета бедно, но чисто, волосы под платок убраны. Только позже я понял — боялась она чего-то... Шибко боялась.

— А где ж ее родня была? — спросил Дуги, предупреждая вертевшийся на языке у Бренна вопрос. Но Морай на него не ответил, продолжая рассказывать. — Деньги у Кьяры кой-какие были — на них и жила. Но ей, кровь из носа, надо было найти работу, а никто

одинокую не брал — считали беспутной бродяжкой из Канавы. Помню, зеленщица Барба все злорадствовала, что мол, матроны-попечительницы уже справились о безродной деве с дитем во чреве незнамо от кого, и скоро запрут ее в Доме милосердия для одиноких девиц, вынашивающих дитя, а после родов отнимут младенца, как у «склонной к распутству». Или вообще, отправят служить в Храм Плодородия...

Бренн похолодел, вспомнив сидящих на ступенях Храма рабынь с отрезанными носами, кормящих грудью поросят. Значит он был прав. Ее выгнала семья за то, что забеременела без мужа, и потому она жила одна в вонючем переулке Канавы и боялась, что Бренна сразу отберут у нее после рождения.

— В тот день она мимо кузни проходила. Якоб как-раз жеребчика взялся подковать, да тот зол был не в меру, — так ему в грудь приложил, что тот на двор улетел. Повезло — удар по кривой прошел. Я на шум выскочил, гляжу — а дева пузатая коня за удила ловко так развернула, животом к его боку прижалась, за шею притянула и шепчет ему что-то. Жеребец зуб скалит, глазом косит, но стоит как вкопанный. А потом, вдруг успокоился, фыркает ей в нос, а она смеется... И глаза у ней — как солнечный камень на свету...

Бренн невольно коснулся левого виска...

— Ну, да, — чуть дернув углом рта, кивнул Морай, — цвет левого глаза у тебя, как у нее... А правый — синий, наверное, от отца достался. Случается такое порой...

Бренн поджал губы, промолчал. Да уж, гордиться нечем. Противно осознавать себя ублюдком, особенно, рядом с теми, у кого есть семья. И зачем только Морай начал этот разговор при Дуги, — было бы куда легче, если бы приятель ничего этого не знал...

— Взял я ее к себе служанкой — дом прибирать, — не обращая внимания на гримасы Бренна, продолжал свой рассказ мастер. — Да наказал больше никогда с лошадьми на людях не шептаться, коли не хочет, чтоб ее в скверне обвинили да в Узилище не отволокли. А через месяц и ты родился, и чуть было в Детское гнездо не попал по доносу повитухи...

Морай пыхнул трубкой и помрачнел: — А за неделю до того, как тебе пять годов стукнуло, Кьяра поутру пришла смурная — ей, мол, сон дурной приснился. И давай упрасивать, коли с ней что плохое случится, чтоб я тебя в приемьши и в ученики взял. И кошель принесла, — тебе на пропитание, да на обучение. Я, понятно, отмахнулся тогда, уверил ее, что все сделаю, а сбережения свои пусть спрячет до времени. Не верил, само собой, в эти дурацкие девичьи сны... А оно вон как все обернулось.

Они тихо прошли в кухню, где едва теплился очаг и пахло крепким массарским табаком. Увидав внука с приятелем, дремавшая в кресле старая Ойхе, оживилась. Прикусила деснами помятый мундштук длинной трубки, вглядываясь в лицо Бренна маленькими блестящими глазами, и подозвала: — Сядь рядом, Бренни. Приспело время для долгого разговора судя по тому, как спешно все клубки распутываются...

Ойхе встала, опираясь на клюку, и зашептала быстро и настойчиво: — А ты, внучек, поди-ка к себе... — Тот нехотя направился к двери, но Бренн остановил его: — Нет-нет, афи, — он наклонился к лицу Ойхе, — пусть останется. Не хочу от него ничего скрывать. Нет у меня от него тайн...

На миг ему стало стыдно за уверенность, звучащую в этих фальшивых словах, — ведь он так и не осмелился рассказать другу ни про клокающую в крови ядзу, ни про страшную смерть Джока. Но сейчас ему очень хотелось убедить в своей искренности хотя бы самого себя.

Старуха кивнула, устало опустилась в кресло, и без паузы продолжила: — Пора тебе, отрок, наконец, узнать, кто твой отец.

— Незачем, — жестче, чем хотел, ответил Бренн. — Морай уже поведал, что меня зачали незаконно. И то, что отец был мореходом и сгинул в Лютом — это все полная брехня...

— Само собой, — кивнула Ойхе. — Ты был слишком мал, и мать не могла раскрыть тебе свою тайну...

— Ты знала мою мать, афи? — Бренн и разволновался, и одновременно разозлился. — Но почему ты раньше никогда не говорила об этом? — Надо же, оказывается, старая Ойхе все знала, но никогда не упоминала о его родителях... Жалела, видно, глупого малолетка.

— Значит, нужды в том не было, — дернув головой, сурово ответила Ойхе, не обращая внимания на раздражение Бренна. Она умолкла, будто подбирая нужные слова. — То, что твой отец погиб до твоего рождения, это правда. Но не в волнах Лютого.

Бренн задержал дыхание. В голове стало пусто и гулко. Сейчас он услышит то, чего боялся еще больше — что он — отпрыск казненного преступника или насильника.

Повозившись, Ойхе что-то нашарила в тайном кармане за поясом потрепанной юбки и молча показала Бренну. На коричневой морщинистой ладони лежал перстень-печатка темного золота. В квадратной оправе сиял, разгоняя сумрак, один из самых дорогих самоцветов — светящийся во тьме бирюзовый турмалин. С другой стороны оправы, внутри герба Лаара были выдавлены три буквы — Р, А и С.

Полный восхищения возглас Дуги заставил его вздрогнуть. — Откуда это, афи?

Бренн не мог оторвать взгляд от чудесного камня. Старушка выпрямилась в кресле, глубоко втянув дым. Подавшись вперед, Бренн настойчиво смотрел на нее. Сердце его колотилось, как перед схваткой с кракусом. Ойхе ответила ему темным взглядом мудрых глаз и медленно проговорила:

— Беда в том, что отец твой — не мореход, и никогда им не был. Твой отец — сын Красного короля и Элмеры Милостивой — прионс Рунар ан Сарэй. Брат-близнец Белог принца Лизарда.

Слова старой Ойхе упали как тяжелые камни. Прошло с десятков мгновений глубокой тишины, прежде чем звякнула ложка, которую уронил Дуги. Бренн, зажмурившись, потряс головой, будто отгоняя морок. Глянул в расширившиеся зрачки Дуги, где отражалось зеленоватое сияние турмалина, и сипло выдохнул: — Ты, я вижу, не шутишь, афи...

Бренн пытался выровнять дыхание. Ойхе не ответила — казалось, старуха расслабилась, сбросив с костлявых плеч бремя многолетней тайны, и переложив его на крепкие плечи недоросля.

— Храфн меня за ногу! — с загоревшимися глазами Дуги придвинулся ближе. — Выходит, наш Бренн — навроде как внук Красного Короля?

Старушка положила перстень на кухонный стол, и глубоко вздохнула, избавившись от тяготившего ее груза. Бренн молчал, не дотрагиваясь до камня и пытаясь переварить сказанное. Он вовсе не разделял восторгов друга, и угрюмо уточнил: — Значит я все же выродок. Ублюдок нобиля, который обесчестил мать и бросил ее беременной... А перстнем откупился. Теперь понимаю, почему ты так долго молчала, афи...

К чему Ойхе вообще затеяла этот разговор? Неужто, думала, что ему лестно узнать о том, что он выродок? Зря — он чувствовал себя гораздо счастливее, считая, что его отец был

честным человеком, настоящим мореходом и действительно погиб вместе с кораблем...

Но старушка вдруг сердито осадил его, вбив конец клюки в истертые плитки пола: — Не шуми! Вот что я тебе скажу, милоч... Во-первых, не тебе судить ни мать свою, которая пошла на все, лишь бы сохранить тебе жизнь, ни отца, потому как всякое случается из-за страстей грешных... особенно — среди молодняка. А во-вторых, ты вовсе не ублюдок.

— Как это? — вскинулся Бренн.

— Да вот так — проще и не бывает. Ибо зачат ты был после законного Обряда супружеского соединения в храме Жизнедателя. Как и положено приличным людям. — Ойхе строго оглядела Бренна. — И потому твое полное имя по отцу Бренн Рунар ан Сарэй.

Дуги, приоткрыв рот, уставился на Бренна, который потрясенно молчал, не отводя взгляда от голубого турмалина. Но не видел его. Вопросы разрывали ему голову. То, о чем говорила старая Ойхе, бывает лишь в книжках для глупых дев, где деревенская пастушка вдруг оказывается прионсой, будучи похищенной в младенчестве... Ну, что-то вроде того!

— Только не успел Рунар узнать, что зачал сына, — покачала бабка головой, поджав губы, — ведь от силы дней десять прошло со дня супружеского соединения, когда он принял ужасную смерть в Дивном лесу.

Как и все в Лааре, Бренн знал о древней традиции королевской семьи — с семнадцатого года жизни прионы Сарэй обязаны были доказать подданным свое бесстрашие, ежегодно принимая участие в отлове детенышей тсакура, которых затем дрессировали, приучая защищать членов генуса и территорию Розаарде. Почти не дыша, он ловил каждое слово Ойхе.

— Семья Ардан в те времена жила в доме на площади Корабелов. И не отец, а дед твой, известный в квартале штурман, по морям ходил на торговом судне. Вот он взаправду сгинул вместе с кораблем да всей командой во время шторма. Красивый был мужчина, Росс Ардан, справный. Многие девки да бабы из-за него головы теряли...

Старуха прикрыла темные, морщинистые веки. — А Терезия, бабка твоя — мозговитая да проворная — димедом стала. Проверку у Непорочных прошла — все чин по чину, как положено, и вместе с хрингом на виске получила дозволение применять ядзу в быту да в деле аптечном. Сама травы собирала, порошки да настойки готовила. И шептать умела. Помню, когда Улла нам старшенького Пепина родила, и от горячки прям на глазах сгорала, так ни один лекарь помочь не смог, кроме бабки твоей... Навек ей благодарна! Да...

Начав рассказывать, Ойхе будто не могла и не хотела останавливаться. Казалось, ей было сладко погружаться во времена своей молодости, а еще — она явно испытывала облегчение от того, что, наконец, раскрывает тяготившие ее секреты. — А на плече у тебя такое же тату, как у твоего отца, — продолжила бабка, — только двойное — будто отзеркаленное. Что означает — мне не ведомо. Кьяра рассказать не успела, а может, не захотела. Называла она этот знак — канги.

— Канги, — эхом отозвался неподвижно сидящий Дуги.

— Канги... — шепотом повторил Бренн, пробуя слово на языке.

Сквозь тусклую пелену времени он видел склонившуюся над латунным тазом юную женщину в намокшей сорочке — она мыла длинные волосы, что-то тихонько напевая. На нежной коже плеча — рисунок — закрученная по солнцу выпуклая спираль темно-красного цвета с мелкими знаками вдоль волнистой линии. Получается, канги было и у отца, и у матери? Только закрученное по солнцу и против солнца. И этого Ойхе не знает.

Откуда взялся у Кьяры такой канги? Может быть, молодые супруги сделали себе тату во время Обряда соединения, в знак вечной любви? Но почему у него, Бренна, канги двоянные? И намного ярче, чем у матери. И почему он становится выпуклым после применения яджу...

— Выходит, наш Бренн — самый, что ни на есть законный внук короля Готфрида? — не выдержал Дуги, выразительно поглядывая на молчащего друга. — Спору нет — именно так и выходит, — бабка пыхнула трубкой. — Только вот не знаю, к добру или к худу... — Голубой дым, наполнивший кухню, придавал всему происходящему что-то неправдоподобное.

— Но тогда почему... — начал Дуг, но старая Ойхе сама продолжила: — Почему Кьяра, законная жена Рунара, скрывалась в Канаве, терпя лишения? Почему Бренн не был признан в Розаарде, как отпрыск ее погибшего мужа-прионса?

— Да, афи. — поднял глаза Бренн, требовательно глядя на Ойхе. — Почему?

Одинокая слезинка побежала по худой морщинистой щеке старухи. — Я могу рассказать тебе только то, что узнала от самой Кьяры. А пришла она ко мне незадолго до того, как... пропала... — Ойхе задумалась, и Бренн еле стерпел, чтобы не поторопить ее, ожидая, пока старушка вынырнет из воспоминаний...

— Поначалу она таилась, скрывала свою любовь от матери своей Терезии... Призналась лишь через неделю после обряда Соединения. И бабка твоя до рассвета просидела на лавке, молча и недвижно, что статуя каменная. Не пивши, не евши. Почти не дыша. А на рассвете лишь одно дочери молвила — «спасать надо тебя и внука, ибо мужа твоего уже не спасти». А ведь Кьяра не ведала, что внутри нее уже жизнь новая зародилась. Терезия-то не только исцелять, но и «видеть» умела.

Ойхе помолчала и продолжила: — А наутро, как только в Бхаддуаре народ зашумел, что прионсы-близнецы в Дивный лес отбыли тсаккура добывать, Терезия спрятала Кьяру в Канаве, да велела никому на глаза не показываться. — Бренн, словно наяву, видел все, о чем рассказывала Ойхе.

— Сказала дочери, что нет больше у ней мужа, а совсем скоро — не станет и матери. Как в воду глядела. И наказала еще раз — в доме родном, что на площади Корабелов, не появляться, не искать помощи у меня, чтоб не навлечь на нашу семью беду... И главное — затеряться, найти неприметную работу и держаться подальше от Розаарде, а лучше всего покинуть столицу вместе с будущим сыном. Только вот Кьяра не послушалась матери — осталась в Бхаддуаре...

— А что случилось с Терезией? — Бренн наклонился ближе к Ойхе.

— Через день ее прямо в лавке схватили Ловчие... Но искали они вовсе не ее, а Кьяру. Какие муки прошла твоя бабка родная — никому не ведомо, но дочь родную она не выдала...

— Но зачем Непорочные искали мать? — вскочил Бренн, не в силах сдержаться, — почему она не должна была появляться в Розаарде? Почему прионс Рунар скрыл от короля и Милостивой, что у него законная жена? Он стыдился ее? Стыдился, что она простолюдинка?

— Не шуми, Бренн, не шуми, — стукнула клюкой бабка. — Поначалу и я подумала, что Рунар испугался гнева Готфрида, то ж дело неслыханное — потомуку великой Маф мешать кровь священную с кровью худородной. Такого в семействе Сарэй вовек не случалось. Я так Кьяре и сказала. Но она рассердилась на мои домыслы, — помню, даже глаза у ней потемнели от обиды. Из желтых стали темно-рыжими, как корица.

Бабка усмехнулась: — Махнула она рукой, да и сказала слова странные: «Ровня я ему». Твердо так сказала. Видно, по молодости, да по наивности верила, что любовь уравнивает

всех. Глупышка...

Бренн опустил глаза. Ровня. Мать отцу ровня? Дочь морехода? Похоже, и правда, слишком наивной была. Но чего или кого она опасалась? Словно по наитию, Бренн взял со стола перстень и, не задумываясь, надел на указательный палец. Тот сел чуть свободно — Рунар был старше его нынешнего на три года. Он развернул перстень сияющим камнем внутрь ладони и крепко сжал кулак.

Будто холодным ветром хлестнуло в лицо, стены старой кухни растворились, а перед глазами друг за другом стали возникать и кружиться полупрозрачные образы, великолепные дворцовые интерьеры, наводящие жуть дремучие заросли, оскаленные зверей пасти, цветущие сады, беснующиеся морские волны. Бренн слышал голоса и звуки, чувал, как зверь, запахи. На него накатывали волны отвращения и восторга, предвкушения и азарта, возбуждения и ужаса, нежности и острого предчувствия неминуемой гибели. Он догадался, что ощущает моменты пережитого и виденного его отцом. И лицо Кьяры, на которое смотрел Рунар, было почти осязаемым, наполненным светом жизни и янтарных глаз. Вот сильные смуглые пальцы молодого мужчины нежно касаются губ, щек юной жены, гладят вспорхнувшие к вискам брови, спускаются по виску к шее и скользят по плечу, где под ними оживает и пульсирует канги.

А затем Бренна стал затягивать водоворот морока, мерцавшего перед глазами. Он закрыл глаза, не в силах смотреть на ускоряющийся поток. В ушах свистело. И вдруг наступила глухая тишина. Он вздрогнул, будто очнувшись ото сна, и увидел покрытые трещинами каменные плиты Заповедного тракта, который стрелой вонзался в нутро Дивного леса, терясь под сводами исполинских деревьев древнего урочища...

Глава 12. Случайности и закономерности

— Что происходит! — вдруг остановился Гуннар посреди огромного зала, уставившись на растерянного Ларса. — Мы почти сутки в Лааре, а я даже не подумал о том, чтобы предупредить отца... Он там с ума сходит, а у меня начисто вымело из головы все мысли...

— И у меня тоже... — озадаченно кивнул Ларс. — За это время я ни разу не вспомнил об Энрадзе... И кажется, все, что случилось, начиная со взлета Чижика на авиадроме, произошло не накануне, а год назад... Может, это последствия ударов башкой о пол и переборки? Или сказывается действие лекарства, которым нас опоили...

— Вы правы, минрэй, — тут же согласился с ним Зион — помощник королевского секретаря и по совместительству жрец Непорочных, — это всего лишь побочные явления болеутоляющих целебных зелий. Вашу рассеянность и забывчивость к завтрашнему утру — как рукой снимет, — поверьте! — Поклонившись, помощник секретаря картинно приложил ладонь к сердцу, сверля благородных гостей честным взглядом.

— Нужно немедленно передать сообщение императору через команду грузового дирижабля, что висит на вашей причальной мачте... — раздраженно заявил принц, не обращая внимания на уверения жреца, — и сделать это надо как можно быстрее...

— К сожалению, — Зион опять приложил руку к груди, — ваше грузовое судно уже отправилось через Змеиный хребет в Арианию, и вернется обратно лишь через несколько дней... Мы не успели им сообщить о вашем прибытии...

Или не захотели, — подумалось Ларсу. — Только вот зачем? Принц пробормотал себе под нос ругательство и с досадой констатировал: — Жаль, что между нашими странами нет беспроводной телеграфии с передачей звуковых сигналов. Да и в Энрадзе аэроволны способны преодолевать расстояние не более пятидесяти километров.

— Император Магнус узнает обо всем в свое время, — продолжал успокаивать его помощник секретаря, — как только прибудет грузовик из Ариании, вы тут же отправитесь на родину...

...В свое время... — странное выражение, подумалось Ларсу. В свое время для кого? Ведь император должен узнать о том, что наследник жив-здоров незамедлительно... — Кстати, а куда подевался наш мотомеханик? Мы и про него забыли!

— Не беспокойтесь, минрэй, ваш... слуга здоров, прекрасно себя чувствует и отдыхает в гостинице Красный Лев в Нижнем городе, что совсем рядом с крепостными воротами Королевы Маф. В этом гостевом дворе всегда селятся иноземцы — и уважаемые коммерцианты, и экипажи воздушных кораблей из Энрадда. Если понадобится, мы тут же пошлем гонца!

Принц вздохнул, похоже смирившись на время с неизбежным, и тут же заявил: — Мы ознакомились с Розстейнар, и теперь хотим прогуляться по кварталам Грайорде, спуститься в порт... Увидеть город со всех сторон.

— Конечно, Ваше высочество — вы совершенно свободны в своих передвижениях. Я прикажу подготовить карету? Или открытую коляску? Что предпочитают минрэй? Может быть, резвых скакунов, или вам хочется проплыть над толпой в портшезах, которые понесут на плечах могучие порхи...

— Никаких портшезов, Зион... Мы пройдемся пешком.

— Как вам будет угодно, мои господа. Но не обессудьте — мы отвечаем за ваши жизни

и здоровье перед императором Магнусом, и потому у вас будет соответствующее сопровождение.... Нет-нет, — предупредил он возмущение Гуннара, — всего лишь один жрец в моем лице и пара эдиров — этого вполне достаточно, чтобы вы чувствовали себя безмятежно на вечерних улицах Бхаддуара... а любопытные горожане не докучали вам своим вниманием...

Они вышли из врат Королевы Маф и по Главной лестнице спустились из Розстейнар в Нижний город. За крепостной стеной их ждали извилистые переулки и широкие улицы, великолепные древние храмы и устремленные в небо дома-башни. Обоих удивляло обилие удобных лестниц между кварталами, расположенными на разных ярусах, а также множество арочных галерей, как на первых этажах зданий, так и на вторых и даже третьих, по которым горожане перемещались по городу, не выходя под палящее солнце или зимний дождь.

Они бродили несколько часов, сопровождаемые без умолку болтающим Зионом и молчаливыми эдирами. На город опускались розово-сиреневые сумерки, когда Ларс вдруг понял, что очень устал за этот бесконечно тянувшийся день.

— Бхаддуар впечатляет... — протянул Гуннар, покупая у разносчика горячие мясные пироги, — а как тебе?

— Для меня это место изумления и... ужаса, — с сомнением ответил Ларс. — Мне кажется, что эта невероятная смесь сказочной архитектуры, языческих культов и неведомых технологий, роскоши и жестокости, — неким образом отражает саму суть Лаара... И еще мне кажется, что это лишь малая часть скрытого...

— Однако под его воздействием, кузен, ты заговорил как поэт, — ухмыльнулся Гуннар, машинально поворачивая вслед за Зионом к светящемуся огнями Веселому дому, откуда доносилась музыка, а в двери то и дело входили мужчины разного возраста, судя по виду — обеспеченные горожане.

— Ты куда это разбежался, ВашВысочество? — усмехнулся Ларс, потирая виски. — Или уже забыл о приглашении прионсы в ответ на твое обещание показать ей фотокартинки Эббы и дирижаблей?

— Ни в коем случае! Как можно — я весь в предвкушении! — хохотнул Гуннар, оглядывая двухэтажное заведение с причудливой вывеской на фасаде «Долина любви». С широкого балкона их манили к себе юные девушки, зрелые грудастые жрицы любви и молоденькие мальчики. Их лбы уродовало клеймо на лбу в виде букв Ни, которое они пытались прикрыть длинными волнистыми челками. Это было целое пиршество плоти на любой вкус и цвет. Многие из дев были обнажены по пояс и заманчиво трясли грудками с сосками, окрашенными в алый, лиловый и черный цвет, в которых звенели Некоторые, прикрытые до пупка кружевными лифами, оставляли на обозрение ягодицы. Как женщины, так и юноши, пританцовывали, наклонялись, выгибая спину, и присаживались, раздвигая колени.

— Какое, однако, разнообразие вульгарных радостей, — хмыкнул Гуннар.

— Вы можете беспрепятственно позволить себе любые удовольствия Веселого Дома, какие вам только придут в голову, — послышался за их спинами голос жреца. — Но только с совершеннолетними хусрами, достигшими тринадцати лет... В Лааре не поощряют совокупления с детьми, как за Змеиными горами...

Ларс почувствовал, что его лицо каменеет.

— Хусры женского и мужского пола — пример чистоплотности, покорности и

изобретательности, — продолжал рекламировать продажные ласки представитель Ордена Непорочных.

— Эка невидаль! У нас такие... и дома есть, — суховаго бросил Гуннар, чувствуя напряжение кузена.

— Не скажите, Ваше Высочество, женщины и мужчины, выполняющие подобную работу в других странах, почти все заражены стыдными болезнями. А в Лааре это исключено.

— Это как же? — невольно заинтересовался Гуннар.

— Дело в том, что продажные женщины в Лааре стерильны как с точки зрения детородности, так и со стороны вероятного инфицирования, что относится и к хусрам-юношам. — Жрец разливался соловьем, охотно посвящая иноземцев в особенности интимной жизни лаарцев, охотно используя медицинские термины и канцелярский стиль. — Раз в неделю продажные существа Веселого дома проходят обязательный осмотр и получают особую инъекцию в матку или в простату, и в течение недели они чисты, как свежесвыпавший снег у вас в Энрадзе. Лекарство убивает всю заразу, которую они могли подхватить за несколько дней работы, даже если их употребит сотня клиентов со срамными болезнями. А уже после десяти инъекций хусра не способна зачать, что тоже очень удобно — калеки и уродцы не нужны здоровому государству. Подобные меры «очищения» делают грязных обитателей Веселых домов лакомым кусочком и для чужестранцев, и для лаарцев.

Гуннар нахмурился. Он уже не смеялся, разглядывая жриц любви на террасе. — Что за буква у них на лбу?

— Первая буква слова *Hunnus*, что весьма грубо обозначает женские половые органы. В Лааре именно так метят распутную особь любого пола.

— И что — они сами идут на заработки в Веселые дома? На таких условиях?

— Чаще всего сюда попадают или порхи, или безмужние девы, не соблюдающие нравственность. Ведь в этом случае девица, добровольно сокоупляясь с мужчинами, становится возможной разносчицей половой заразы. То же касается и существ мужского пола... Мало того, что они могут нести заразу, они еще и не платят налог, а налоги от Веселых домов, вы не поверите, минрэи составляют очень весомую часть в казне... И потому достаточно трех свидетелей, показавших, что подданный Лаара брал деньги за плотские услуги. С девами еще проще — если на их защиту не встают родственники, виновную отправляют в Веселый дом, даже если ее девственность установлена лекарем.

— Но это же доказывает, что девушка невинна! — Гуннар зло смотрел на Зиона.

— Это ничего не доказывает, — Зион задрал подбородок, уверенный в своей правоте, — ведь распутное существо может оказывать услуги, прибегая к использованию других анатомических отверстий, что считается более позорным и отягчающим обстоятельством. Коли на проверку они оказываются здоровыми, то их метят, и они становятся собственностью Веселого дома на срок, определенный судом. Если же лекари находят «половую болезнь», виновных казнят или отправляют на Блаженные острова... Это зависит от тяжести преступления. Так наши города очищаются от «грязи». Это очень мудрое государственное решение, минрэи...

Ларс было открыл рот, чтобы с возмущением обрушиться на «мудрое решение», но понял, что перевоспитать помощника секретаря у него не получится. По сути, все, о чем им с таким упоением вещал жрец Зион, было одним из множества одобряемых способов превращения свободного человека в раба. Ларс не обманывался — и в Энрадзе многие

девушки и мальчики продавали себя, чтобы выбраться из нищеты. Но у него на родине принуждение к этому было наказуемо, и государство хоть как-то пыталось ограничить подобную эксплуатацию, тем более — подростков, моложе семнадцати лет. Здесь же — поражало сочетание откровенной и принудительной продажи услуг этого рода, разрешенной и поощряемой властями страны и жреческим Орденом.

— Что-то мне уже ничего не хочется... — После сведений, изложенных помощником секретаря, Ларс предпочел как можно быстрее покинуть квартал и спуститься к гавани. Гуннар кивнул, тоже попав под гнусное впечатление от рассказа Зиона. Они уже дошли до поворота на соседнюю улицу, как вдруг от стены качнулась тень — беззубая лысая старуха улыбалась им, обнажив розовые десны, и совала в рот палец, совершая ритмичные движения. — Кто это?! — Ларс попятился от старухи, тянувшей костлявые пальцы к его паху.

— О, это существо предназначено для любителей ротовых ласк, — тут же пояснил Зион.

— Но это старая женщина...

— Прошу прощения, минрэй, но это вовсе не старая женщина. — Сколько тебе лет, шика? — скривив рот, обратился Зион к старухе.

— Уж три десятка минуло, господин, — раздался из запавшего сморщенного рта шепелявый ответ, но голос был молодой. Старуха распахнула лиф. Жуткий контраст упругих грудей со сморщенным лицом и лысой головой, покрытой старческими пятнами, заставил их отшатнуться, вызвав смесь страха с брезгливой жалостью. — Что за бред?

— Ничего не поделаешь, — с притворным сожалением пропел жрец, — к сожалению, чудесное лекарство, о котором я вам рассказывал, очень быстро разрушает организмы, и за десять лет девы превращаются вот в таких сморщенных старух. В первую очередь стареют лица, выпадают зубы и волосы. Лишь тело еще несколько лет остается молодым.

Ларс понял, что его сейчас вывернет наизнанку от этих мерзостных уточнений, но продолжал слушать Зиона, будто загипнотизированный его рассказом. А тот все не останавливался, дополняя сведения о служителях культа продажной любви. — После потери товарного вида хусру выбрасывают из Веселого дома. Если же «старые хусры» пытаются продавать себя без получения инъекций, от них избавляются, как от преступников. Некоторые из них, как эта вот, — он с презрением покосился на старуху, — при должном усердии, остаются из милости в Доме и зарабатывают ротовыми ласками, получая взамен немного пищи. Вы зря кривитесь, господа, — многие мужчины пристрастились к таким услугам, ведь беззубые десны старух способны творить чудеса, не в пример зубастым молодухам.

Ларс сделал над собой усилие и отвернулся и от Зиона, и от угодливо хихикающей старухи. — А там, что там? — Гуннар с подозрением смотрел в полутемный переулок, куда выходила задняя дверь Веселого дома. Из низкой повозки краснолицый селянин выводил двух плачущих девочек-подростков, которые цеплялись за его жилетку.

— Обычное дело: отец привез дочерей на продажу, — равнодушно пояснил Зион. Видя потрясенные лица кузенов, жрец решил уточнить: — Родителям дозволено продавать своих детей. Но в Веселые дома поставляют только совершеннолетних. Скорее всего, завтра-послезавтра им исполнится тринадцать, вот отец и привез их накануне, чтобы все было по закону.

— По закону, — повторил Ларс, наблюдая, как служка у дверей грубо хватал девочек за шиворот и вталкивал внутрь дома.

— Множество многодетных простолюдинов так пополняют свои кошельки. Женщинам запрещено вытравливать плод, и поэтому они рожают почти непрерывно. Ну, и часть приплода, вырастив до пяти-шести лет, продают государственным закупочным службам, которые в свою очередь с большой прибылью перепродают приплод в Арианию и другие страны...

— То есть, в Лааре запрещено употреблять детей, а продавать их в другие страны для богатых извращенцев — не запрещено. Так? — прервал его Ларс, еле сдерживая злость. Зион молчал, сложив руки на груди и благочестиво опустив глаза.

— Рожать детей на продажу — это же моральное уродство! — не выдержал Гуннар.

— Для вас, Ваше Высочество, это наверное, кажется, неправильным, и это прискорбно, — поджал губы жрец, услышав гнев в голосе высокого гостя, — но такова древняя традиция. И хотя наша Милостивая королева уже давно уговаривает супруга запретить или хотя бы ограничить такие правила, у короля Готфрида свои резоны... Он предпочитает чтить традиции, если его подданных это устраивает.

Раздраженный принц повернулся к брату: — Ты прав, мой поэтический брат, — эта страна и чарует, и вызывает отвращение, будто корзина цветочницы, где между розами лежат кучки смрадного дерьма. — Он даже не понижал голос, игнорируя настороженно прислушивающегося Зиона.

— А тебе не хочется прогуляться без поводка? — шепнул Ларс. — Меня утомили речи, от которых начинает корежить...

— Но как от них отвязаться?

— Придется вернуться в... как ее... — в «Долину любви»... Зайдем, выберем пару девочек, щедро заплатим, и вежливо выйдем через окно... Решеток тут нет, слава Богу...

Гуннар повеселел и обернувшись, подозвал Зиона, сообщив, что они все же решили расслабиться, чему помощник секретаря явно обрадовался. Хмурые и недовольные эдиры остались у входа, а Зион, к удивлению Гуннара, вошел в двери Долины любви весьма уверенно. Он вел себя по-хозяйски и особо не выбирая, купил рослую грудастую хусру на полголовы выше себя, тут же принявшись щипать ее толстый зад, не дожидаясь уединения.

— Порочный Непорочный... — пробормотал Ларс, толкнув локтем кузена, — ты смотри, как оживился, скотина. Думаю, что и у нас в монастырях не все монахи праведники, но до такого непотребства, как привычные посещения борделей, не скатываются...

Пышнотелая хозяйка Долины любви, придя в восторг от посещения целых двух благородных чужестранцев и почтенного нобиля-жреца, встретила их со всевозможными поклонами, демонстрируя в глубоком, до пупка, вырезе объемную грудь. Особо не заморачиваясь, Гуннар выбрал двух светлокудрых дев, одетых наиболее скромно — их грудь и ягодицы были завлекательно прикрыты кружевом. Судя по внешности выбранного «товара» — девушки были сестрами, а судя по неуверенному поведению, — девственницами. Так и оказалось.

— Мой господин обладает отменным вкусом — эти девы невинны, чисты и свежи, как розовые бутоны. Еще ни разу не опробованные! — с гордостью заявила владелица Дома. Ларс потребовал комнату на первом этаже, якобы не желая утруждать себя подъемом по лестнице, и с окнами в переулок, чтобы вопли мужчин и парней, перекликающихся с хусрами на балконе, не мешали приятному отдыху.

— Подайте в номер пирожных, клубники, персиков, шоколадных конфет и лучших

сладких вин... — велел Гуннар, поглаживая острое полудетское плечико временной подружки, которая прижималась к нему, неумело лаская его шею.

У них все получилось.

С поклонами и похотливым хихиканьем хозяйка проводила их в самую лучшую комнату борделя судя по роскошной обстановке и удалилась, свирепо глянув на сжавшихся девушек. — Почему вы не сбежите отсюда? — первым делом спросил Ларс, когда в коридоре стихли ее шаги.

— Это бесполезно, мой господин, — прошептала одна из сестер, указав на клеймо, уродовавшее ее лоб. — Нас схватят в любом городе или деревне и ужасно накажут, отправив в солдатские казармы. Нигде не скраться.

Ни Гуннар, ни Ларс не знали, что на это ответить. Обоим было неловко в обществе полуобнаженных девочек, которым едва ли исполнилось четырнадцать. — Ешьте и пейте вволю, малышки, — пробормотал Гуннар, подойдя к выходящему на тихую полутемную улицу окну с расписанными на стекле скабресными картинками. Тихая улица — то, что нужно. Но вот с окном оказалось не так просто, как хотелось — оно открывалось лишь на треть, чтобы впустить вечернюю свежесть, и в такую щель не могла бы протиснуться даже худенькая девочка.

— Придется разбить... а как иначе... — решил он и засмеялся, увидев округлившиеся глаза девушек.

— Услышат! — подскочил Ларс с бархатного дивана, но покачнувшись, снова сел. — Что-то мне не очень...

— Не услышат, — отмахнулся Гуннар, — в Доме и у главного входа шумно, музыка, вопли, а пьяные гости, наверное, нередко бьют посуду! Так ведь, девчонки? — заблестел он белыми зубами, подмигивая сестрам.

— Очень часто, господин, и бутылки, и окна...

— Вот видишь, кузен, я прав, — натянув кожаную куртку, принц быстро и резко ударил локтем в середину оконного стекла. Звук разлетевшихся осколков действительно оказался не таким звонким. — Ты как, братишка? — обеспокоенно посмотрел он на Ларса. — Голова не кружится? Сможешь пролезть, не задев руку?

Ларс потер виски. — Смогу. С твоей помощью. Хотя рука опять стала ныть, но зато соображать я стал вроде как лучше...

— Но как-же... как-же наши услуги? — прошептала одна из сестер, приоткрыв розовые губки, и рассеянно глядя, как Гуннар избавляется от острых сколов в проеме окна.

— Нам ничего от вас не нужно, малышки. Отдыхайте. А чтобы вас не наказали, через два часа сообщите хозяйке, что упившиеся, как свиньи, гости, только что покинули заведение прямо через окно, довольные и веселые...

Они оставили достаточно денег, чтобы покрыть и «услуги» хуср, и расколотое стекло. У поворота с улочки на площадь Сухого дуба Ларс оглянулся, увидев кудрявые головки высунувшихся из разбитого окна девочек, которые тоскливо смотрели им вслед.

— Хорррошо то как! — глубоко вдохнул свежий вечерний воздух принц. Они перестали оглядываться, ожидая увидеть спешащих за ними эдиров и жреца, и шли без цели, на шум, смех и звуки лютни, доносившихся с площади.

— Не думай о них, Ларс, — заглянул Гуннар в глаза кузена, заметив, что он слишком

задумался. — В публичных домах Эббы таких девиц — пруд пруди... Ну не в силах мы помочь всем проституткам Энрадда и всем хусрам Лаара.

— Не можешь помочь всем, помоги хотя бы одному, говорил отец.

— Дельный совет. Но в этом случае — вряд ли применим... Мы купим их, увезем с собой в Энрадд и пристроим куда — опять в бордель? Только уже не в Бхаддуаре, а в Эббе... Вот и вся разница...

— Для начала мы легко устроим их в хороший приют под покровительством церкви, поручим их воспитание даме-наставнице, чтобы приучить к жизни в нашем обществе, дадим образование с учетом их способностей. Это возможно, Гуннар! По нашим законам — они еще дети...

— Ладно, ты прав, можем. И сделаем. — согласился Гуннар. — Хотя и у нас вопрос с проституцией завязан на социальные проблемы и ужасные условия, в которых пребывают женщины из бедных слоев...

— И тебе, кузен, как будущему императору, придется разбираться в этой густой прокисшей каше...

— Разберемся, — беспечно кивнул Гуннар, устремляясь к гомонящей толпе возле разукрашенного декорациями помоста уличного театра, — ты только глянь, что творят!

Ларс неожиданно зажмурился, покачнувшись. — Погоди, голова...

— Может, зря мы отправились в самостоятельное плавание по чужим водам? — наклонился к нему Гуннар. — Вдруг тебе станет хуже?

— Прикурить дай, — мне уже легче, — отмахнулся Ларс. Нашарив в кармане куртки потемневшую серебряную зажигалку, принц протянул ее брату. Зажав в губах коричневую сигарету, Ларс затянулся, с усмешкой поймав заинтересованный взгляд проходящего мимо деда, пыхавшего корявой глиняной трубкой, и двух пареньков — невысокого светловолосого подростка и кудрявого здоровяка. — Свобода — это вещь! Сразу это понимаешь, когда тебя зажмут в тиски принудительной опеки и присмотра, — бодро заявил Ларс. Но перед глазами поплыло и он стал падать, уже не ощущая, как руки Гуннара подхватывают его, не давая приложиться головой о каменную мостовую.

Ларс очнулся, чувствуя, что виски обхватывают крепкие ладони а на глазные яблоки под дергающимися веками давят пальцы, от которых по всему телу растекается жар. — Горячо, — поморщился он, и давление на веки тут же прекратилось. Он открыл глаза, пытаясь сосредоточить взгляд на лице склонившегося над ним белобрысого парнишки, и когда ему это удалось, пробормотал: — Желтое солнце, синяя вода...

— Ларс, ты бредишь? — в голосе Гуннара слышались отголоски паники.

— Отстань, твое Высочество, — Ларс присел. Рука не болела, дурнота развеялась, как дым. — Просто у молодого лекаря разноцветные глаза — желтый и синий. Забавно...

Он осторожно поднялся, позволив кузену поддержать себя, внимательно и с благодарностью оглядывая жилистого худого мальчишку. Торчащие вихрами светлые волосы, темно-загорелая кожа в царапинах и ссадинах. Обветренные губы и цепкий взгляд из-под темных бровей, в котором искрился явный интерес, но не детский, восторженный — каким окидывал богатых северян его кудрявый приятель, а оценивающий, недоверчивый, наполненный какой-то совсем не мальчишечьей тоской.

— Тебя как зовут, парень? Ты ученик лекаря? Сколько стоит твоя помощь? Не стесняйся, мы очень благодарны твоему своевременному вмешательству... — забросал его

вопросами молодой мужчина с коротким ежиком почти белых волос и кожаной плоской сумкой через плечо. Бренн замялся. Деньги были нужны. Очень. Но эти люди из северной страны воздушных кораблей... нравились ему. И брать у них деньги казалось неправильным, что-ли...

— Не надо, я не лекарь... — Он развернулся, собираясь уйти, пока не привлек к себе лишнее внимание, но второй чужестранец, которому он сумел помочь, остановил его, тронув за плечо. — Постой, парень. Я, кажется придумал. Мне почему-то кажется, что эту вещь в качестве благодарности ты точно возьмешь.

Бренн аж задохнулся, когда мужчина решительно снял с кисти тяжелые часы на широком ремне, и с улыбкой на смуглом лице протянул ему. — Носи на удачу. Это часы-компас с защитной сеткой. Изготовлены по заказу, на задней стенке корпуса гравировка с моими инициалами. Я — Ларс нор Байли, двоюродный брат наследника престола Энрада, — мужчина небрежно кивнул в сторону белоголового спутника, — Гуннара нор Крейга.

Бренн осторожно взял подарок, и тут же стиснул часы в кулаке по старой детской привычке — чтобы не отобрали.

— Возьму, минрэй... — кивнул он, и, чуть помедлив от разброда ощущений и мыслей, пожал протянутую руку нобилия-чужестранца. Второй иноземец, доброжелательно глядя на Бренна, сказал с веселой улыбкой. — Если попутным ветром тебя невзначай занесет на север, в Энрадд, то милости просим в Императорский дворец, парень. Просто покажи часы и скажи, что ты явился по нашему приглашению.

Забыв поблагодарить чужаков, Бренн снова кивнул, и дернув за рукав оторопевшего Дуги, нырнул в толпу, но все же успел расслышать последние слова засмеявшегося нобилия: — А ведь он так и назвал нам свое имя, хитрец, — хотя мы представились по всем правилам этикета.

— Ты чего это вдруг? — вскинул бровь Гуннар, когда Ларс неожиданно застыл перед огромным портретом королевской семьи. Тот, прищурившись и не отрывая глаз от картины, заметил: — Удивительное дело. У голубоглазой матери и темноглазого отца родилась дочь-зеленоглазка.

— А что — так не бывает? — хлопнул его по плечу принц. Он был в прекрасном настроении, предвкушая изысканный ужин и постоянно возвращаясь к предстоящему свиданию с Илайной.

— Если верить нашим ученым, то никоим образом, — хмыкнул Ларс. — А самое удивительное, что именно такого оттенка глаза у Советника короля рэя Олларда...

— На что ты намекаешь, развратник? На то, что это советник обрюхатил королеву? Да тебе просто заморочил голову своими похотливыми речами почтенный Зион. Вот теперь и мерещится всякое непотребство...

Оба резко обернулись, услышав за спиной позвякивание бубенчиков, — высунув длинный язык, на одной ноге по ступеням скакал шут.

Глава 13. Охота

Лаар, Дивный лес 15 лет назад

Брэнн закинул голову, глядя на свет неба, едва пробивавшийся через путаницу ветвей высоко над его головой. Нет, над головой прионса Рунара — его отца... Глубоко вдохнул терпкий лесной воздух, но тут же понял, что наблюдает за всем происходящим будто со стороны, не имея возможности как-то влиять на происходящее...

Отряд сопровождения прионсов состоял из нескольких Непорочных высшего ранга с эдирами, двадцати охранников с огневым оружием, десятка слуг и тридцати пеших порхов. Они поочередно тянули повозки со всем необходимым для успешной охоты, и колесную клеть, где сидела невольница. Девушку трудно было назвать красивой — в глаза бросался ее приплюснутый нос, припухшие красноватые веки и белесые ресницы, но кожа ее сияла молочной белизной, а волосы цвета снега доходили до пяток. Отупев от терзавшего ее страха, порха тихо скулила и тарацилась бледно-голубыми выпуклыми глазами на подступающий к дороге густой лес.

— Зачем звероловам невольница? — спросил Рунар, видя, как девушка прикрывается прядями волос от похотливых взглядов слуг. Ему было тревожно и неприятно, и теперь он жалел, что заранее не узнал подробности ритуала отлова детенышей тсаккура. Дивный Лес будоражил непривычными запахами и звуками, вызывая рассеянность и головную боль. Мощная сила яджу пронизывала его насквозь. Даже небо, изредка появлявшееся в просветах густых крон, удивляло странным сизо-багровым цветом. Жрец-наставник Ирвинус, с совершеннолетия обучавший Рунара управлению яджу, услышав его вопрос, лишь беспомощно развел руками, отведя глаза.

— Сархи — каннибалы, Ваше Высочество, — как и многие другие племена в Умшигтайских долинах, к примеру — те же йену, охраняющие Розаарде, — охотно ответил Главный егерь, однорукий Педр, жилистый крепкий, с быстрыми темными глазами. — Их колдуны проводят всяческие ритуалы, и упитанная снежноволосая девственница с бледной кожей — именно то, что они всегда запрашивают перед участием в Отлове.

— Что с ней будут делать, — поинтересовался Лизард, и Рунара взбесило любопытство брата.

— Известно что, Ваше Высочество. Будут полгода откармливать, как гуся... и принесут в жертву ихнему идолу Плодородия, храфн его за ногу, — пояснил егерь.

— Это как? — Лизард привстал на стременах, с любопытством оглядывая тело бледнокожей порхи. Его возбуждение показалось Рунару болезненным. Перед отправлением на свой первый «ритуал отлова», Рунар волновался. Конечно, ему хотелось увидеть мифический древний лес, проявить смелость и сообразительность, чтобы потом рассказать о своем приключении Кьяре и увидеть восторг в ее глазах цвета солнечного камня. Однако ни на день он не желал оставлять ее одну, признаваясь себе, что боится за юную жену. Хотя, казалось бы, кто может принести вред законной супруге прионса? Никто, никогда! Но если это так, то куда пропадали некоторые женщины, с которыми он вступал в связь? И распутные девы из знати, и простые горожанки из Грайорде? Месяц-два пылких ласк, и женщина, с которой он проводил время, бесследно исчезала. То же самое случалось и с подружками его брата, который предпочитал в любви многообразие, вступая в отношения со всеми подряд, невзирая на пол и возраст. Невредимы оставались только хусры из лучших

Веселых домов Верхнего города, которые Рунар, как и все молодые ноблесс, посещал с совершеннолетия «для полового здоровья и сброса избыточной энергии», по выражению его наставника Ирвинуса.

— Порху держат в тесной клетке, чтобы она как можно меньше двигалась. Обильно кормят, а когда она уже не хочет или не может жрать, вставляют в горло трубку и пропихивают в желудок жирную перемолотую пищу — орехи, масло, вареное зерно. Когда девка разжиреет, как свиноматка... сархи ее зажарят.

Рунара затошнило. Он подобрался и резко спросил: — Ирвинус, до сих пор я не особо вникал в религиозные культы Лаара... Объясни, каким образом Орден Непорочных, возносящий почести Светлому Жизнедателю, поощряет связи с каннибалами, которые поклоняются идолам Канимба? Ведь именно за это жрецы Непорочных казнят гнилых урхуд, а сейчас мы сами возем невинную деву для жертвоприношения! Как это может быть, Ирвинус?

— Это не дева, мой прионс, это порха, — спокойно ответил жрец, однако он смотрел куда угодно, только не на глаза Рунару. — Мы отдаем сархам не человека, мы отдаем им скотину. И в этом вина самой порхи, о чем вы прекрасно знаете с детства...

— Ну, конечно... И как это я забыл, — раз человек стал порхом, по рождению ли, либо по другой причине, значит, Жизнедатель не счел его достойным обладать свободой.

— Именно так, мой прионс, — устало кивнул Ирвинус.

— У меня нет аргументов в споре о религиозных культах. Пока нет. — Рунар не сводил упорного взгляда с учителя-Жреца. — Но в твоих доводах, и вообще в мировоззрении лаарцев я постоянно ощущаю червоточину... Что-то неправильное... Может, порхи и нужны... для процветания государства, и каннибалы приносят пользу, но порхи — живые люди, не совершившие преступлений...

— Совершившие, — спокойно прервал его Ирвинус, — потому они и порхи... — Он поднял глаза, прямо посмотрев на ученика. — Так решил Жизнедатель.

— Я считаю, что мы нагло обвиняем Жизнедателя, чтобы самим не нести ответственности за свои извращения и преступления! Ведь это мы, а вовсе не Бог, обращаем других в рабство для удовлетворения своих гнусных желаний и одержимости властью... Это мы придумываем удобные законы и убиваем себе подобных, наслаждаясь их мучениями. И при этом лицемерно прячемся за спину Бога, делая его «козлом отпущения». И даже Он оказывается незащищен перед людской паскудностью.

— Я думаю, мой прионс, вам стоит чаще обсуждать вопросы веры с Отцом всех Непорочных, великим Скаахом ан Хар... — сухо ответил Ирвинус, оборачиваясь и проверяя, не слышит ли кто еще крамольных речей его воспитанника. — Как делает ваш брат Лизард... Владыка тайного прояснит все, что вам захочется прояснить. Уверен, после общения с ним, у вас не останется ни одного вопроса... Как у вашего брата, мой прионс...

Рунар отвернулся, скользя взглядом по тянущимся вдоль Тракта зарослям. Он с детства терпеть не мог Верховного Жреца, хотя тот делал все возможное, чтобы завоевать доверие обоих близнецов. Причем особенно старался и заискивал перед Рунаром, однако под его влияние попал только Лизард. И когда Рунар видел, как брат обращается с невольниками, ему все чаще приходило в голову, что Жрец обучил Лизарда не только владению ядзу.

И вообще, в последнее время накопилось очень много вопросов, очень много... Странные события происходили в королевском дворце уже давно, но Рунар обычно отмахивался от того, чего не мог объяснить... Страшные видения посещали его в снах... Или

это были вовсе не видения? Ему казалось, что он приближается к чему-то жуткому, скрытому от него мглистой пеленой. Он хотел поговорить с матерью, но сейчас она была целиком поглощена своей дочерью — годовалой Илайной. Он поговорит. Уже завтра. Как только вернется в Бхаддуар...

— Как сумели проложить через Лес такую прямую и безопасную дорогу? Я заметил, что даже мелкие зверьки не выходят на него? — Рунар прекрасно «видел» причину этого удивительного свойства тракта, но хотел сменить тему.

Ткнув пальцем в черные камни, вкопанные по обеим сторонам дороги, Педр лишь подтвердил то, что Рунар уже давно знал: — Все благодаря этим камням, залитых ядзу по самые верхушки еще тыщи лет назад, при короле Мурдахе. И потому, когда здесь движется, отряд егерей, охотников или армейцев, либо обоз с порхами из Умшигтая, то на Заповедный тракт ни один зверь не ступит, и никакой гад не выползет. Даже птица над ним не пролетает. Без дороги мы бы добирались до места не меньше недели, постоянно подвергаясь опасности быть сожранными, а по тракту — уже сегодня дойдем...

Через пару часов стена огромных деревьев стала редеть, и тракт вывел их на пологий холм, с которого открывался вид на холмистую равнину, поросшую золотистыми травами и зарослями цветущих кустарников. У подножия холма за высоким частоколом, украшенным гирляндами побелевших на солнце людских черепов, располагалась большая деревня сархов.

После царившей на Тракте пролады, зной казался особенно тягостным. Воздух дрожал над землей зыбким маревом. А вверх по холму уже поднимались ширококостные кряжистые сархи с темно-желтой кожей, гнавшие обнаженных невольниц. Мужчины были вооружены копьями с листовидными наконечниками, мощными луками, шипастыми щитами и тяжелыми палицами, утыканными лезвиями обсидиана.

Остановившись шагах в двадцати, сархи упали на колени, положив оружие и щиты на траву, прижались лицами к земле. Затем старший из них — кривоногий старик с костяным жезлом, медленно поднялся, не выпрямляя спины, и проскрипел, скаля в подобострастной улыбке подточенные, выкрашенные красным, зубы. — Сыны Великой Милостивой, — сархи готовы служить вам. Вечно. Зверовщики сторожат логовище тсаккура. Самка родила четверых кутят, они подросли как раз до такого возраста, когда еще не опасны, но уже окрепли.

Выдержав паузу и поджав губу, Главный егерь важно кивнул, небрежно сообщив: — В награду за преданность мы привезли сархам желаемое. Снежную деву.

Аборигены заволновались. По знаку Педра слуги толкнули к старику беловолосую порху, при виде которой его маленькие черные глазки похотливо заблестели. Жесткими темными пальцами с длинными ногтями он помял порхе грудь и ягодицы. Дернул за волосы, задрал губы, оглядев зубы и десны. Потом резво присел на корточки и протолкнул в промежность замершей от ужаса невольницы, грязный костистый палец. Потыкав, прищелкнул языком, выказывая одобрение. Рунар брезгливо отвернулся, увидев, как половой орган старика вздыбился под юбкой, натягивая рыхлую ткань. Удостоверившись в целостности товара, сарх почтительно склонил голову, не переставая улыбаться.

— Сархи благодарят Сынов Милостивой за их дар. Приманки готовы для отбора! — старик указал на десяток умшигтаек, покорно ждавших своей участи. Рунар вздрогнул, не веря услышанному. — Приманкой служит женщина? — резко повернулся он к егерю. Педр снисходительно кивнул:

— Аборигены частенько используют в качестве приманки пленных из других племен,

обычно — сочных девок. Дети и старики слишком медленно бегут.

Стиснув зубы, Рунар грязно ругался про себя, проклиная себя, жрецов, сархов, Дивный лес и Бхаддуар.

— Пойдешь выбирать кусок жирного мяса для тсаккура? — позвал его Лизард, сверкнув жемчужными зубами, — или будешь размышлять о вечном? — Он встряхнул светлыми кудрями и расхохотался, увидев отвращение на лице брата. Напряженно улыбаясь, Лизард не торопясь осматривал каждую порху. Возбуждение прионса было заметно всем — раздутые ноздри, лихорадочный румянец, высокий, срывающийся голос. Наконец, он ткнул хлыстом в выпирающий живот беременную порху с набухшими грудями. Старый сарх удовлетворенно кивнул, заглядывая в лицо Лизарда: — Сочная, спелая приманка, сын Великой Милостивой. Господин не пожалеет о своем выборе...

Старику подали глиняный сосуд. Порхе запрокинули голову, сжали ноздри и, когда она открыла рот, сарх стал вливать ей в глотку остро пахнущую похожую на бурую грязь жидкость. — Что за гадость? — Лизард с мутными глазами и блуждающей полуулыбкой внимательно следил за давящейся порхой.

— Кифи — особый напиток, придающий сил, особенно при ранениях, боли и потере крови, — пояснил егерь. — Сархи веками используют эту дрянь. Чтобы приманка бежала резвей и продержалась нужное время, в нее вольют несколько мужских порций.

Когда женщина проглотила последнюю каплю, старик стиснул ей шею кожаным ошейником на длинной веревке и толкнул к главному сарху-загонщику. Вскочив на жилистого невысокого жеребчика, тот дернул веревку, потащив порху к лесу. Позади, свистя и улюкая, подгоняли женщину его помощники.

— Ваши Высочества желают направиться со звероловами за детенышами или же предпочитают быть с загонщиками и понаблюдать, как самка тсаккура охотится на порху? — спросил егерь.

— Я — за детенышами. — Рунар отвернулся, чтобы не видеть тяжело бегущую женщину, подгоняемую плетью.

Лизард часто дыша и облизывая губы, не сводил глаз с «приманки», и не отвечая, направил коня вслед за ней. Рунар видел, как егерь скривил губы в усмешке, угадав стыдные страстишки молодого прионса. Через несколько минут после того, как звероловы углубились в лесные заросли, Рунар услышал жуткий женский вопль. Предупреждая его вопрос, Педр махнул рукой, поясняя: — Приманка должна вопить как можно громче, чтобы взбодрить самку тсаккура...

Как только далекий глухой рокот барабана оповестил, что зверь среагировал на вопли жертвы и начал удаляться от своего логова, звероловы оживились. — Барабаны кричат, что можно подойти к лежбищу, Ваше Высочество, — заглянул в лицо хмурого Рунара егерь, — зверь пару часов будет занят обедом.

Перед глазами Рунара то и дело возникала картинка, как тсаккур мчится по широкому следу примятой травы, чуя сладкий, насыщенный страхом, запах крови и пота раненой жертвы.

К лежбищу хищника отряд двигался по узкой тропе, петлявшей между скрученными темными корнями, похожими на жирных змей, и Рунар ненадолго отвлекся от тягостных мыслей, проходя мимо сплетенных ветвей и колышущейся паутины рваных мхов по тропам, которые легко находили опытные следопыты сархов, чувявшие лес и его обитателей. Однако Рунар и сам отлично «видел» тропу, понимая, что идут они в верном направлении. Лес

буквально вибрировал от переполнявшей его дикой ядзу, и к концу дня Рунар устал от ее воздействия. Голову будто сдавливали клещи, глаза слезились, а канги на плече вздулся и болезненно зудел. Ирвинус и двое Непорочных, бредущие рядом, тоже, похоже страдали от силы Леса — они терли виски, скрипели зубами и сплевывали, истекая слюнями. А может, вовсе не Лес был причиной дурноты, а мучавшие его смутные подозрения, от которых он постоянно отмахивался, и которые, как зубная боль, мучали его все сильнее. Завтра они вернутся, и он немедленно представит родителям свою молодую жену... И разберется со своими мутными фантазиями...

Скоро они вошли в область гигантских деревьев, темно-лиловая листва которых полностью затмила небо и солнечный свет, создавая под кронами сиренево-серый сумрак. Однако, буйная растительность, казалось, не замечала отсутствия солнца, — с кустарников свисали гроздья желтых, багряных и синих цветов, испускавших густой приторный аромат, огромные стрекозы реяли вокруг, издавая надоедливый монотонный стрекот.

О «приманке» Рунар изо всех сил старался не думать, но надеялся, что сумеет настоять на серьезном разговоре с отцом и найдет способ изменить кошмарный ритуал. Его любимый Лаар — земля сытых, удовлетворенных жизнью людей, только их благополучие питается унижением и слезами рабов. Эта земля пахнет апельсиновыми садами, розами и кровью, морским ветром и безжалостным колдовством.

— Ваше Высочество, — прервал его мысли Педр, — слышите? — Сквозь заросли мелколистных кустарников доносилось поскуливание детенышей. Как же безобидны в младенчестве самые грозные хищники. Четыре страшеньких, теплых толстых комка, покрытые светлой шелковистой шерсткой. Звероловы отобрали трех энергичных детенышей, оставив самке самого слабого. Рунар подхватил беспомощного малыша на руки, потрепав за торчащие уши, и тот прикусил его палец мелкими острыми зубками, облизав ладонь. Старший зверолов, низко склонившись перед прионсом, покачал головой, молча протянув руки к детенышу. — Кутятам нужно обвязывать челюсти, чтобы они не звали мать, — пояснил Педр, — на время, пока мы не выйдем на Заповедный Тракт. Иначе от ярости тсаккура нам не спастись.

Рунар злился. Что за бред, подумалось ему с досадой и разочарованием. Ритуал отлова должен заключаться в том, чтобы прионсы один на один сражались с тсаккуром, используя холодное оружие. Вот такая проверка на бесстрашие представителей генов Сарэй была бы понятна... А так... он всего лишь прогулялся и поиграл со щенками. И где ужасы древнего леса, которыми всех пугали с детства. Из-за дурацкой традиции ему пришлось оставить Кьяру... Пусть ненадолго, но ему хватало и этого бесконечного дня, чтобы чувствовать тянущую тоску и не проходящую тревогу.

Когда через пару часов отряд звероловов объединился с группой загонщиков, по лицу брата Рунар понял, что тот получил кучу удовольствия, смакуя мучения порхи, отданной на растерзание зверю. Он замечал, как офицеры охраны с опаской поглядывали на Лизарда, пряча брезгливые усмешки, когда тот в подробностях рассказывал Непорочным, как тсаккур пожирал живую порху.

Они уже были совсем рядом с Трактом, когда резкое головокружение чуть не сбilo Рунара с ног. Он покачнулся, зайдясь в приступе кашля — что-то жгучее горело в груди, мешая сделать вдох. Наверное, надышался цветочной пылью... Скорее всего... Жрецы немедленно бросились к нему, доставая из подсумков пузырьки темного стекла. Ирвинус

пытался капнуть ему в открытый рот спасительное зелье, но Рунар не мог проглотить даже несколько капель — в глотку будто забили сухого песка. Внезапно грудь пронзила жестокая боль, и его скрутило в приступе сухой рвоты. Колени подогнулись, и он опрокинулся на подхватившие его руки жрецов и слуг. В сгущающейся перед глазами мгле тонули перекошенные ужасом лица Ирвинуса, Педра, перепуганного Лизарда... За ними, как содранные лоскуты кожи, колыхались свисающие с деревьев ленты бледной бугристой коры.

— Отдай... — преодолевая боль и задыхаясь, Рунар произнес имя жены, сдергивая с пальца перстень и роняя его в мокрую от пота ладонь наставника Ирвинуса. Страшные судороги ломали тело, выгибая его дугой. Применяя самые мощные формулы ядзу, жрецы не скрывали паники, понимая, что не в силах помочь прионсу. Кожа Рунара покрылась кровавым потом, который ручьями стекал на землю. Из багрового, клубящегося перед глазами морока, выступило нежное бледное лицо матери, вокруг которой сворачивались змеями языки черного пламени, ледяного и обжигающего...

Изо рта прионса фонтаном хлынула кровь, заливая руки слуг и цветущие травы. Багровое небо низко висело над кронами древнего леса. И печально кричали в недвижной тишине невидимые птицы.

Вынырнув из жутких видений, Бренн, застонал, хватая ртом воздух и все еще чувствуя, как его пятки колотят по земле, как он захлебывается кровью, умирая на земле Дивного Леса, насыщенного испарениями ядзу. Когда перед глазами прояснилось, он увидел темные от времени балки кухонного потолка и встретил настороженный взгляд склонившейся над ним Ойхе. Дуги сидел на корточках, сунув ладони ему под затылок — чтобы он не разбил себе голову о каменные плитки пола.

Продышавшись, Бренн торопливо стянул перстень с пальца, и глухо сказал: — Отец отдал перстень своему наставнику-жрецу... Ирвинусу, кажется... И велел передать Кьяре. Похоже, тот знал, где ее искать...

— Ты это прям сам видел? — Дуги с опаской покосился на перстень, его глаза от страха и любопытства стали похожими на большие темные сливы. — И видел, что произошло... с твоим отцом? — не успокаивался он.

Ухватившись за протянутую ладонь, Бренн поднялся, все еще ощущая дрожь в коленях и тяжесть в груди. — Видел, но ничего не понял. Да и сам... Рунар не знал, что с ним происходит. Все произошло очень быстро. Внезапно. Я знаю лишь одно — ни змея, ни другой какой гад его не кусал, а пил и ел он вместе с братом только ту еду, которую жрецы сначала проверяли на порхах.

Бренн нащупал под рубахой вспухший зудящий канги. Ойхе, сгорбившись, смотрела на перстень, кутаясь в старый платок, хотя сидела возле жаркого очага. — Слухи о загубленном Дивным лесом прионсе разные ходили. Говаривали поначалу, что мол умер он от укуса ядовитой многоножки, да никто в это особо не верил... Красный Король от горя черный бродил по Розаарде, как призрак, а Милостивая цельный год на людях не показывалась. Верховный жрец призвал лучших дознавателей... Вот они и дознались, что Рунара с помощью гнилой ядзу извел его наставник, который оказался настоящим урхуд.

— Ирвинус?! — поднял глаза Бренн.

— Вроде так... — нахмурилась старушка, — сказали, что он, якобы, сварил зелье с ядом черной жабы. Нашлись и свидетели. Егерь ихний, звероловы, охранители прионсов, да и другие жрецы подтвердили, что, мол, своими глазами видели, как этот самый Инвинус что-

то капал в рот прионсу.

— Это ж бредятина! — вскинулся Бренн, — Ирвинус пытался дать отцу целительное снадобье! Уже после того, как ему стало плохо!

Ойхе развела руками. — Надо было отыскать виноватого, вот и отыскиали...

— И что, афи, — что с ним сделали? Он признался, этот Ирвинус? — наклонился к бабке Дуги.

— А как же, внучок. Кто ж у жрецов Непорочных да не признается? — Она закашлялась от дыма. — Через неделю сварили его в кипящем масле вместе с женой и старшей дочерью ваших годов. А о троих младших дитях больше никто и не слышал. Сказывали, что отправили их на перевоспитание куда-то в южные земли, в предгорьях Змеиного хребта.

— Даже, если б это был Ирвинус, то неужто он такой придурок, чтобы травить прионса при свидетелях. И по какой такой храфновой причине? — разозлился Бренн.

— И об этом шептались, — кивнула Ойхе, — сказывали, семейство этого жреца вело родословную со времен королевы Маф, служа кровавому королю Чарлагу. Мол, и потомки их были гнилыми, поклонялись Канимба. — Бабка подняла ладони вверх, призывая Жизнедателя для защиты. — И что задумано ими было истребить весь род Сарэй. Да не вышло. И погиб только Рунар.

— Ну, а чего... а, — размышлял Дуги, — может и правда этот Ирвинус хотел извести и близнецов, и малышку-прионсу, и короля с королевой, чтоб будущим владельцем Лаара стал... да тот же Верховный жрец! А что?! Сам приказал угробить прионсов, а потом сам же и обвинил этого Ирвинуса, чтоб концы в воду... — Дуги резко замолчал, потрясенный собственными выводами.

— Ты, внучок, такими мыслями не вздумай ни с кем делиться! — зашипела на Дуги бабка, и чуть поостыв, добавила. — Чего тут гадать, может, и правда, извести хотели всех отпрысков Готфрида, да не вышло дело до конца довести. А дочка Элмеры тогда грудная была...

Среди мелькавших перед глазами Рунара лиц Бренн вспомнил лепечущего младенца. Он невольно усмехнулся — а ведь это его родная тетка, почти ровесница. — И все же, если Рунар верил Ирвинусу, а тот выдал Кьяру, то меня самого тогда еще на свете не было. Какого же храфна через тринадцать лет я вдруг кому-то поперек горла встал...

— Просто ты всего не знаешь, — спокойно ответила ему Ойхе, — отсюда и вопросы твои. Не зря, видать, Рунар за молодую жену тревожился, и не зря Кьяра после его гибели держалась подале от Розаарде. — Темные мудрые глаза внимательно смотрели на Бренна. — Вспомни-ка тот день, когда Дуги чуть было не сгинул из-за тварей студенистых мерзких. Ни с того ли дня жизнь твоя переменилась?

— А ведь и правда! — вскинул брови Дуги, — с того самого дня все и завертелось...

— Ты Дуги исцелил, слава Жизнедателю, да вместо него, пока он в жару метался, подавальщиком бегал, на кухне Улле помогал... — напоминала ему старушка.

— Ну, бегал... — пробормотал Бренн, и невольно подчиняясь Ойхе, мысленно вернулся в прошлое — в один из последних вечеров его свободной жизни.

— А то, как в Русалку четверо гостей из благородных наведались, и один из них тебя зацепил, не забыл, поди?

— Не забыл, — качнул головой Бренн, со стыдом припоминая липкий взгляд из прорезей маски белокурого нобиля и свое унижение, когда тот пытался его ощупать... — Помню, папаше Мартену тогда почудилось, что среди них был целый прионс... и он здорово

перепугался...

— И не зря, по всему видать, — вздохнула старая Ойхе, теребя в морщинистых пальцах трубку. — А если это и взаправду был Лизард? Дядюшка твой родной.

— Да не... — пожал плечом Бренн, и вдруг замер. В голове, зазвенев, будто лопнул пузырь, чуть-чуть прояснив часть непонятных событий последних месяцев. Особенно после того, как он узнал об отце.

— А коли так, то он мог разглядеть и твой канги...и тебя самого...

— А то! — кивнул Дуги, дернув кольцо в ухе, как частенько делал Морай, когда всерьез был чем-то озадачен. — Я помню, тогда жара душила, и ты, верняк, в одних портах и жилетке носился...

— В старой безрукавке Якоба... — вспомнил Бренн. — И мой канги он точно видел...

— А окромя этого, думаешь, Белый принц, не уловил сходство меж вами, — продолжала Ойхе, — не узнал в тебе своего брата-близнеца?

— Афи, но если это и правда, то неужто прионс обошелся бы так с родным племянником? — Дуги никак не мог постичь подобное поведение родственника. — Может, его просто взбесила твоя рожа, Бренни? — какой-то худородный посмел походить на него, — с надеждой высказал свое предположение Дуги.

— Это ты по глупости своей, внучок, считаешь, что Лизард бросился бы с объятьями к братнему сынку? Хоть к законному, а хоть и нет...

— Но что ему до меня? — пытался добраться до сути Бренн.

— Что ему до тебя?! — рассердилась Ойхе. — Причина всегда одна — власть да богатства немислимые. И все это в случае появления племяша, хоть и внебрачного, может уполовиниться. А что, если Милостивая восплает любовью к внуку от погибшего сына? Почему ж нет? Кровь не водица, да еще древняя чистая кровь пресветлой королевы Маф, пусть малость и подпорченная...

— Ну, может, ты и права, афи... — с сомнением протянул Бренн. Как-то не верилось ему, что его появление было столь важным для «дядюшки Лизарда».

— А ежели вовсе не по указке Верховного жреца Ирвинус отравил Рунара? А сам Лизард решил избавиться от брата, и вдруг через тринадцать лет встречает его наследника... А ежели Лизард вообще замыслил стать первым престолонаследником мужеского пола после смерти матери. Как вам такое?

— Тебе, афи, надо было не в димеды, а в дознаватели податься, больно ты мыслишь изворотливо, — буркнул Дуги, и тут же завопил: — А как же прионса Илайна, его сестра?! Ведь это она — будущая королева, а вовсе не Рунар!

— Много чудных слухов ходит про Белого прионса. Ежели его брат умер, почему бы не умереть и сестре? — медленно проговорила Ойхе. — Сначала убрал Рунара, чтоб тот не помешал ему с сестрой расправиться...

— Но прионса жива-здора! — возразил Дуги.

— Рунар тоже был жив и здоров. До поры до времени, — нахмурилась Ойхе.

— Может и так... — согласился Бренн, помотав головой от смещения мыслей. — Только как Лизард — если это именно он тот самый Заказчик, — узнал, что я еще жив? Хотя... Вислоусый мог по пьяни проболтаться Тухлому Крабу, что полгода назад меня заказал кто-то из высшей знати, и что он из любопытства разведал, что приказ исходил от прионса. В этом же нет особой тайны — смерть худородного, которого заказал нобиль, никого не интересует. А чем худородный помешал самому Белому принцу? Ну, это просто —

мож на ногу наступил или задницу не предоставил в полное его распоряжение, вот тот и разъярился.

— Ну да, — кивнул Дуги, — самому руки марать о простолюдина принцу же не пристало, то бишь — запаadlo, если по простому...

— Тухлый Краб насторожился, почуял деньгу, — продолжил развивать свою догадку Бренн, — и решил прогнуться. Сообщил Лизарду, что я — вместо того, чтобы стать дохляком, — стал порхом, и все еще жив. Тогда становится понятно, почему после Игры по мне в соперники достался поганый сквид... Тухлый был уверен, что я наверняка сдохну, а заодно повеселю гостей...

— Да уж — прогнулся Краб на свою голову, как хусра перед клиентом, — заржал Дуги.

— Удача благоволит тебе, сын Рунара, — задумчиво пробормотала Ойхе, хмуро глянув на хохочущего Дуги. — Надеюсь, ты оставил подношение Перу-Пели? — строго спросила она Бренна, будто заранее осуждая его за неблагодарность богам. — Кабы не жадность этого скорпа Вислоусого, да Тухлого Краба, да твоего наставника, что к Мораю за выкупом приходил, — не сидел бы ты сейчас с нами у очага...

Глава 14. Ловушка

— Хочешь сказать, что я похотливый козел? — зарычал Гуннар. — Ну так не сдерживайся, добивай!

Ларс молчал, было тошно.

— Твоя светлость, скажи что-нибудь умное..., — Гуннар настойчиво смотрел на него из-под светлых бровей.

— Умное.... — рассеянно повторил Ларс, закусив губу. — Мы в глубокой заднице, Ваше высочество.

— Это я и без тебя знаю, — буркнул принц, раздраженно дергая за ворот промокшую от пота рубашку, — эта дикая жара... Может, она так подействовала...

— Может и она... — мрачно усмехнулся Ларс, не веря во все это сумасшествие. Перед глазами стояло прелестное полудетское личико прионсы, рассыпанные по плечам сияющие волосы...

— Ты прекрасно знаешь, я не страдаю нездоровым влечением к малолеткам, — продолжал оправдываться Гуннар. — Но ты же согласен, что она страшно привлекательна... Я видел, как ты смотрел на нее, кузен.

— Смотрел, — хорошенькая барышня подросткового возраста...

— Можешь мне не верить, но это было нечто такое.... Невообразимое... — покрутил принц пальцами, пытаюсь сформулировать что-то понятное ему одному.

— Бред, Гуннар. Ты хочешь сказать, что пятнадцатилетняя девственница с суровым монастырским воспитанием, — а Воспитательный дом для благородных, по сути, и есть монастырь, — так тебя завела, что у тебя перегрелась крыша?

— Похоже на то, — устало согласился принц. Закинув голову, он пытался вытряхнуть из кувшина последние капли воды.

— Да перестань! Что такого может предложить мужчине одна, чего не может дать другая? Если бы тебе было четырнадцать, и ты первый раз переспал с женщиной, я бы поверил, что весь мир сошелся у нее между ног. На некоторое время — пока ты не сравнил ее с другой... Но не сейчас, когда ты уже десяток лет бороздишь постели...

— И тем не менее...

— Ты так сильно надрался?

— Выпил пару бокалов этого их черного вина, приятная штука, кстати... — вздохнув, ответил Гуннар, — а дальше было еще приятней. Она с восторгом разглядывала Технический вестник, который я позаимствовал у тебя из планшета, фото машин, кораблей, дирижаблей. И мы, как школьники, пили уже только соки, да... и еще кофе...

— И...? — Ларс исподлобья смотрел на кузена. Ему было крайне неприятно обсуждать романтическое приключение принца, которое привело к кошмарным последствиям. — И где был ее... этот... мальчишка-телохранитель? Жасмин? Фрейлины, служанки, кто там еще должен был находиться?

— Никого не было, Ларс... — Принц зажмурился, напряженно вспоминая отдельные фрагменты, оставшиеся в памяти после тяжелого похмелья. Он помнит, как пах наливается сладким жаром, отзываясь на соблазнительный смех юной девушки... Малолетка, — с презрением к себе думает он, пытаясь отогнать похотливые мысли. Вот она наклоняется, показывая тонким пальчиком на очередную картинку, и ее волосы щекочат ему висок.

Тягучий пряный запах кожи заставляет его сердце колотиться как бешеное... Она берет смуглый персик, надкусывает, и теплый сок увлажняет ее розовые манящие губы и мелькающий между ними язычок. Она хохочет, блестя глазами, и обильные струйки нектара текут по нежной коже подбородка и шеи.

Неожиданно он прикивает ртом к благоухающей персиком коже, жадно слизывая языком влагу. Он слышит ее стон — этот зов, рвет кружева, шнуровку на ее платье и шалеет, когда медовые грудки с розовыми сосками, изрисованные арианским орнаментом, вырываются из разорванного лифа. Изнутри поднимается незнакомая доселе темная и жаркая неодолимая сила. Кусая зубами соски, он грубо мнет ее тело, выкручивая кожу на груди. Он помнит ее крики и красную пелену перед глазами. Он не испытывает нежности, только невыносимо-острое желание вонзиться в это теплое шелковистое тело, ощущая, как оно содрогается под ним.

— Если честно — у меня действительно снесло башку. Я всегда мог контролировать себя, даже пьяный... а здесь, как в бреду... Даже в борделе Вальбурга я не испытывал такого... острого и болезненного возбуждения.

— Ммм, — промычал Ларс, — это, несомненно, отличная рекомендация для юной наследницы трона. Похоже, что по мастерству любовных игр прионса Лаара превзошла всех шлюх Энрадда.

— Она вовсе не вела себя как девственница, коей обязана быть по статусу. Я не был готов к такому... И чему их только учат в этих Девичьих садах — так, кажется, называется этот арианский монастырь для благородных девиц в кавычках?... — лицо принца стало злым и растерянным одновременно.

Ларс кивнул, глубоко затягиваясь и не сводя глаз с горизонта. В распахнутое окно врывается океанский ветер. — Мне все это сильно не нравится. — Он выпустил струйку дыма, но ветер нагло бросил едкий дым обратно — прямо ему в глаза.

— Удивил. Мне тоже... — пробормотал Гуннар.

— Я сейчас не о последствиях, — отмахнулся Ларс. — Я о том, что во всей этой истории есть что-то мутное, неправильное, я бы даже сказал ненормальное. И, судя по развитию событий, тебе придется скоростижно жениться, дорогой кузен. И это — в самом лучшем — и просто невероятно счастливом случае.

— Как это жениться? — Гуннар остолбенело смотрел на кузена.

Оба напряженно смотрели на дверь, за которой послышались тяжелые шаги и бряцанье оружия. Вскочили. Трехслойная, обитая железными пластинами, дверь медленно, без скрипа, открылась. В комнату, шурша плащом темно-красного шелка, медленно вошел король Готфрид, и просторное помещение, казалось, сразу стало меньше, заполнившись его высокой грузной фигурой.

Он молча смотрел на Гуннара темными злыми глазами. Лучи солнца, вынырнувшего из-за облака, плывущего за окном, упали на бороду короля, и Ларсу показалось, что весь его гнев сосредоточился в яростном сверкании рыжих волос. — Вы смертельно оскорбили прионсу, мою семью и весь Лаар, — густой голос был ледяным, как зимний ветер. Готфрид замолчал, сверля взглядом принца.

А он умеет держать паузу, — подумал Ларс. — Прямо обоссаться можно от страха... — наедине с собой и с кузеном он не стеснялся в выражениях.

— Я, владетель Лаара должен поступить с тобой, Гуннар, сын Магнуса, так, как

поступают в нашей стране с насильниками. И с худородными, и с ноблесс. В благодарность за наше гостеприимство, ты повел себя с прионсой — наследницей великого рода Сарэй — как с грязной хусрой. Для преступника, обесчестившего наследницу трона, предусмотрена многодневная публичная казнь. Сначала раскаленными клещами ему вырывают важные мужские органы. Это неприятно. — Тяжелый, как камень, взгляд вперился в лицо Гуннара. — После чего насильника насаживают на вертел и запекают на медленном огне.

Король вещал о жутких подробностях не спеша, позволяя им проникнуться ужасом ожидаемого. Ларс ощутил, как кожа покрылась испариной, а мышцы напряглись, будто в ожидании удара. Только сейчас стало пронзительно очевидно, насколько они оба уязвимы, попав в сердце чужой страны, как в логово хищного зверя, — одни, без средств связи, и даже без собственной охраны. Ларс не мог отвести взгляд от темных глаз короля. Но как это ни странно, в панические мысли снова вклинилась еще одна — совершенно неуместная в этот напряженный момент, — все таки почему у дочери зеленые глаза, если у матери — светло-голубые, а у отца — черные, как маслины.

— И мне, как властителю Лаара и отцу обесчещенной дочери, плевать, что император Энрадда немедленно начнет войну. Крови будет много. Но, прошу заметить, — с обеих сторон. И не стоит особо рассчитывать на ваши продвинутые технологии — вспомните, как весело горели ваши дирижабли над нашими землями, пока мы не подписали с императором Магнусом договор о торговле и сотрудничестве...

Повисшую вязкую тишину, казалось, можно было резать ножом. Во рту пересохло. Ларс почувствовал, что рыжий колосс не блефует, но чего-то ждет... Может быть, ждет их возмущения, чтобы немедля дать знак охране приступить к выполнению кошмарной мести оскорбленного отца и короля. Нет, не это, не это... — мысли теснились в голове, мешая друг другу. Готфрид не заявился бы к ним сам, если бы действительно намеревался их казнить. Нет, похоже, Красный король хочет разрешить все случившееся к обоюдной выгоде, но ожидает, что нужный ему вариант будет предложен дерзким принцем Энрадда, напуганным до мокрых штанов. Да — надо предложить то, что поможет все решить мирным путем, выжить и вернуться в дом. И предложить как можно быстрее — ведь «промедление смерти подобно»...

Но Гуннар молчал, подавленный как словами Красного короля, так и своей виной, которую он не мог отрицать. И Ларс взял инициативу в свои руки. — Вы полностью правы, Ваше Величество. — Он поклонился, как было принято в Лааре. — И мы оба примем смерти со смирением, поскольку это справедливо. Но позвольте мне хотя бы частично оправдать поведение моего кузена...

Заметив едва заметный наклон головы короля и огонек заинтересованности в прищуренных глазах, он продолжил: — Принц Гуннар влюблен в прионсу Илайну, Ваше Величество. И взывая к вашему милосердию, я надеюсь, что вы примите во внимание его страсть к вашей дочери, страсть, которую по молодости он не сумел обуздать... И, быть может, Ваше Величество смягчит свой справедливый гнев.

Ларс настойчиво смотрел в глаза кузена, пытаясь внушить ему взглядом, что просить о пощаде и предлагать что-то в качестве откупного, должен он — наследный принц Энрадда. И до Гуннара, наконец, дошло. Он напрягся, как тетива взведенного арбалета. — Ваше Величество, мне нет прощения... — начал он, пытаясь сохранить самообладание и отгоняя жуткие картины, рождающиеся в голове. — Но если вы будете столь великодушны, что согласитесь на брак между мной и прионсой, это спасет честь Энрадда, станет драгоценным

подарком для императора Магнуса, залогом великой дружбы между нашими землями и...

Готфрид резко ударил концом своего роскошного посоха о каменный пол, прервав Гуннара, и тот замолчал, напряженно глядя на неподвижную фигуру. Силен Красный король — умеет жути нагнать, — билась мысль в голове Ларса. Он изо всех сил надеялся, что Готфрид согласится на предложение принца, но... Пауза длилась минуту или две, которые показались вечностью.

— Свадьба через десять дней, — сообщил Готфрид, медленно роняя слова. — Императору Магнусу сообщат о радостном событии после того, как это событие состоится. В знаменательный день он узнает и о торжественной церемонии Супружеского соединения, и о том, что его наследник здоров и... счастлив.

Ларс выдохнул — пауза короля могла закончиться совсем другим решением.

— Мое решение вынужденное, как и срок свадьбы. Жрецы утверждают, что появились явные признаки того, что прионса зачала. Думаю, не стоит лишать моего внука отца.

Гуннар дернулся и застыл. Ларс тупо смотрел в спину Красного короля, открыв рот от неожиданного сообщения. Властитель Лаара развернулся и уже у двери, чуть повернув голову, добавил: — До свадьбы вы оба будете находиться в своих покоях. Готовиться к церемонии и думать о приятном.

— Какое зачатие? — Гуннар совсем не аристократично выругался. — Когда она успела — после одной ночи?

— Южанки весьма плодовиты, мой темпераментный кузен...

— Хорош, Ларс!

— Думаю, ее мать выдала желаемое за действительное, чтобы ускорить процесс замужества дочери... — уже без усмешки, заявил Ларс, — а то, что жрецы спустя всего несколько часов после близости разглядели беременность — это, конечно, полный бред!

— Что скажет отец? — схватился за голову Гуннар, ероша ежик светлых волос.

— Я был уверен, что Готфрид заставит нас ждать его решения не меньше суток, чтобы мы помучились в неведении... А он явно торопится, — задумчиво покачал головой Ларс.

— Они разрешат оповестить отца лишь в день свадьбы! — ты понимаешь? — прервал его рассуждения несчастный жених. Ларс механически кивал в ответ на вопли кузена.

— Я ощущаю себя беременной крестьянкой, которую насильно выдают замуж, — Гуннар впился зубами в яблоко, разорвав его наполовину.

— Образные фантазии, — хмыкнул Ларс, — проверь в штанах, вдруг и правда...

— Издеваешься... — Гуннар яростно хрустел яблоком.

— У тебя нет выбора... Это во-первых, а во-вторых, ты же сам сказал, что одурел от Илайны...

— Ну да, — нехотя кивнул принц. — И это тоже бесит! Бесит, что я, как школьник, не контролировал ситуацию...

— Судя по результатам вашего полуночного свидания, так и есть. Вероятно, тебя просто опоили, — ты же сам убедился, что их лекари знают толк в сильнодействующих зельях. Элмера Милостивая использовала древний как мир способ и просто «подложила» под тебя дочь, чтобы подстегнуть процесс замужества. Красный король наверняка в курсе, что тебе обещали в жены одну из дочерей властителя Ариании малхаза Мгер-Камари. Вот и подсуетился, чтобы предотвратить сближение Энрадда с Арианией. Все просто.

— Возможно, — нехотя признал Гуннар. — Но не лучше ли было сделать все, как

положено — договориться спокойно, без угроз.

— Как положено — это долго. И никакой гарантии, что император Магнус согласится на этот брак. А с точки зрения лаарцев, лучше — это когда быстро и надежно... Ты якобы обесчестил принцессу под кровом гостеприимного Королевского дворца Розаарде! Ты нарушил все правила! А Красный король, кажется, относится к тому типу людей, которые считают, что уговоры и договоры — это хорошо, но уговоры с топором у члена — гораздо результативнее.

— Еще бы... Я и в страшном сне не мог представить, что меня заставят жениться... — Он с силой швырнул огрызок яблока в окно.

— А чего ты ждал? Если бы в Энрадде ты был бы, к примеру, фермером и обесчестил простолюдинку, ее папаша обжегил бы тебя на следующий день, а мог бы и на вилы посадить...

— Я не фермер, кузен. Я наследник трона. — Гуннар выпрямился, упрямо сжав губы.

— Хорошо, что напомнил, — хмыкнул Ларс, — только это, похоже, ничего не меняет. И вообще — вполне возможно, что император уже задумывался о твоём браке с прионсой Лаара, вот и считай, что мы прибыли сюда с матримониальными целями...

— Хочешь подсластить горькую пилюлю?

— Само собой, кузен... Кстати, насчет дирижаблей Красный король был прав — наши ученые и армейцы так и не смогли разобраться, какое оружие применяли лаарцы, чтобы сжигать наши суда над их территорией. И вообще, я понял, что в Энрадде ничего не знают о реальном могуществе Ордена Непорочных...

— Ты серьезно веришь в их колдовство, — усмехнулся Гуннар, — в эту самую ядзу, о которой они постоянно упоминают?

— Не верю, но не могу отрицать очевидное — жрецы владеют какими-то неизвестными нам практиками... Хотя у них нет электричества, телефонии, телеграфа и других устройств, которыми мы пользуемся ежедневно... — Ларс невольно вскинул руку, чтобы посмотреть на часы. — И похоже, — не только жрецы... — пробормотал он, вспомнив, что подарил их пестроглазому мальчишке, который помог ему, когда он валялся на мостовой.

— По-твоему я должен согласиться на этот шантаж? — Гуннар никак не мог смириться.

— В общем — да, — серьезно заявил Ларс. — Тебе придется переориентироваться с дочери малхаза на дочь Красного короля...

— Ты циник, брат. — Предлагаешь одну невесту срочно обменять на другую...

— Я прагматик, — уточнил Ларс. — Ты же не бросаешь влюбленную в тебя девушку... А теперь, когда малышку Фрейю, которую тебе прочили в супруги, отравили...

— Ужасная смерть... — нахмурился принц, — бедный ребенок...

— Как-то удачно все сложилось для Красного короля? Не находишь? — прищурился Ларс. — Маленькая Фрейя погибла, прионса Илайна созрела для замужества, а залетный принц из Энрадда оказался в нужном месте в нужное время...

— Брось, просто Готфрид действительно пользуется случаем... Кстати, а не странно ли, — озадачился Гуннар. — Я вдруг вспомнил наш разговор на совещании у отца... Помнишь? Насчет умшигтайских племен, «ведущих рухов»?

— Помню, — кивнул Ларс, — помню, что советник настаивал на том, что Красный король использует племена нохой, дрессирующие этих хищных птиц, для летучих атак на месторождения ферилла в Змеиных горах, чтобы перехватить у Ариании добычу и поставки металла в Энрадд. Ты об этом?

— Да, но сейчас я говорю не о ферилле... Если племена нохой служат Готфриду и Элмере, то возникает вопрос — кто-же направил этих самых птичек атаковать кортеж с прионсой Илайной, когда она возвращалась из Ариании...?? Что-то я запутался, брат...

— Ты прав, странностей тут навалом...

— И ведь если я женюсь на Илайне, Красный король наверняка захочет через свою дочь влиять на императора Магнуса?

— Само собой. Но мало ли, кто чего хочет. Я вот тоже хочу оказаться в родной Эббе. И мне почему-то кажется, кузен, что на деле крутить все политические и экономические шестеренки будет твой отец, — продолжал «сластить пиллюлю» Ларс. — И тогда, как ты говоришь, возникает вопрос — а какая, собственно разница, через год ты женишься или через неделю.

— Ну, ты сравнил! — вскинулся Гуннар. — Огромная разница. Пока бы все обдумывалось, согласовывалось и организовывалось, я бы еще пару лет куролесил в свое удовольствие...

— Можно подумать, что женитьба кому то мешала... — отмахнулся Ларс.

— Но зачем так спешить?

— А если прионса действительно ждет... ребенка? Если протянуть со свадьбой, то у нее живот на нос ползет. И твоего наследника сочтут бастардом, зачатым до свадьбы. И в Энрадде, и в Лааре... Так что с точки зрения переживающего о беспутной дочке отца, все логично.

Гуннар тяжело вздохнул. — Отец не простит, что по моей дурости он попадет в столь унижительное положение... Ты представь только — императора Энрадда поставят перед фактом — наследник женился без его согласия и благославления. Может все свалить на интриги Элмеры и Готфрида?

— Так дело может и до войны дойти... Поэтому придется признать, что виноват именно ты, даже если выяснится, что это не так...

— Отец сочтет меня безответственным слабаком и неудачником...

— Переживешь. — Ларс по пояс высунулся в окно. Далеко на востоке, над океаном дрожало марево рождающегося солнца. — Даже если брак с Илайной противоречит его планам, главное для него — вернуть тебя в Энрадд... Живого и здорового.

Ларс с трудом сдерживался, чтобы не выругаться. Он объяснял свое раздражение унижительной и сложной ситуацией, в которую они оба вляпались, но когда перед глазами всплывала зелень глаз, сияние волос и нежно-томящий запах женской кожи, его раздражение усиливалось многократно, вызывая тупую головную боль.

Жасмин не будил ее. Она проснулась сама в этот предрассветный и самый темный час ночи... По-видимому, сильное волнение после вечера, проведенного с Гуннаром, смыло легкий прерывистый сон. Похоже, она слишком увлеклась, и устала, — даже не могла вспомнить, как оказалась в своей спальне... Но, неважно.... На душе было сладко и лишь чуточку тревожно.

Все было чудесно, и принц из далекой страны вел себя с ней так, как мечталось... И ей нравилось, что он старше нее — не озабоченный мальчишка-ровесник, а мужчина с опытом и умением очаровывать... Ей нравился его светлый ежик волос, его запах, его голос и походка — чуть враскачку, как здесь в Лааре ходили мореманы... Единственное, чего, может быть, ей не хватало на этом «свидании» — так это его кузена — герцога Ларса нор Байли...

Илайна хихикнула, вспомнив народное присловье — «то густо, то пусто». Вот уж правда — то полная изоляция в Девичьих садах, где ее окружали одни наставницы да евнухи, то сразу два неотразимых кавалера с далеких берегов...

Мать была права — она уже совсем не против, чтобы ей сделали предложение о Супружеском соединении. А если еще честней — то всего лишь после пары дней, проведенных с северянами, она с нетерпением этого ждала! Гуннар влюблен в нее — это точно, и она очень нравится Ларсу, хотя тот и пытается скрыть свое желание, опуская темно-серые глаза, чтобы не смотреть на нее лишний раз. Илайна снова хихикнула, — пожалуй, половины бокала сладкого вина было бы достаточно, а то в голове как-то все смешалось, весь долгий день и вечер, волнующие ее низкие голоса кузенов, быстрая улыбка Ларса — особенно яркая на смугловатом лице, обжигающая..., прищуренные глаза Гуннара, полные нежности и восхищения... Ах, как же это все приятно!

Глядя на мерцающий светильник, Илайна потянулась и села, собираясь встать. Опустила ножку, нащупывая ковер, и тут же вскрикнула, отдернув ее — вместо ожидаемой шелковистой нежности ковра босая ступня погрузилась во что-то... похожее на мокрую траву. Дрожа от неприятного ощущения, она наклонилась ниже... Крик застрял в горле, Илайна быстро задышала, не в силах пошевелиться.

Это вовсе не мокрая трава. Это длинные светлые кудри Жасмин, слипшиеся от крови. Голова юноши была откинута назад, открывая черную зияющую щель поперек горла, из которой тело еще выталкивало тонкие струйки теплой крови.

Глава 15. Ночь Красного полумесяца

— Ладно. Коли у тебя шило в заднице, так и быть — схожу с тобой за компанию поглядеть на свежеиспеченную невесту и иноземного жениха, — карлик пыхнул своей любимой длинной трубкой и кивнул на сундук с откинутой крышкой. — Но все ж мордашку маской прикрой... Так, на всякий случай...

Точно. Весь Бхаддуар празднует, и разнообразных масок на гуляющих будет не счесть. А в маске его и Дуги сразу не признает. С того дня, как он прыгнул с утеса Свартрок прошла неделя, и за все это время он почти ни разу мысленно не возвращался в Казаросса, не вспоминал о пережитых страданиях и первобытном предсмертном ужасе... Будто защищаясь, он воспринимал это, как страшный сон, растаявший без следа, и одновременно четко осознавал, что пренебрежение осторожностью может вернуть его в кровавые подземелья Тухлого краба.

Только одно заставляло его вспоминать о Казаросса — израненный синеглазый ныряльщик. Он должен придумать, как вызволить Микко, и сделать это как можно быстрее — пока он жив, пока его не придушили завистники-кортавида или не отправили в лабиринты под ареной, если он покалечился, и его сочли непригодным для боев...

Голову просто распирало от обилия мыслей и образов. Известие о том, что он — представитель генуса Сарэй, потомок великой Маф — перевернуло все, рождая кружащее голову ликование. Бренн старался не поддаваться эйфории, опираясь на здравомыслие и недоверие битого судьбой порха к внезапным милостям судьбы, но не думать, не мечтать не получалось... С Дуги они виделись через день, встречаясь ночью в Веселом доме Красные розы, где их никто не знал. Там они покупали на двоих одну хусру, и после кувырканий на широкой постели, обсуждали все, что происходило в квартале, пока проститутка отсыпалась, благодарная им за подаренное время безмятежного отдыха.

За время, пока он жил в фургоне Театра Гримара, девушка-змея Лея, в которую он был влюблен с пяти лет, не на шутку привязалась к нему, то и дело появляясь рядом и призывно маня его длинными раскосыми глазами. У нее уже было трое сыновей от разных отцов, судя по их непохожести, но ее тонкая золотокожая фигурка оставалась такой же гибкой, а маленькие грудки также задорно торчали сквозь сетчатое трико, как и девять лет назад. Бренн не знал, что именно ему мешало, начать отношения с Леей, он возбуждался даже от ее запаха — горьковатого и нежного, но старался избегать оставаться с ней наедине. Не сейчас.... Потом. Когда он разберется, что ему делать дальше... Потом. Пока — ему гораздо легче с хусрами.

Отцовский перстень он отдал на хранение Мораю. Расставаться с драгоценным символом своей принадлежности к генусу Сарэй, Бренну ужасно не хотелось, но таскать с собой столь приметную вещь было бы полной дурью.

Порывшись в недрах сундука, Бренн наткнулся на столь живо выполненную маску оскалившегося тсаккурра, что вздрогнул и поплевал через плечо. Рука уже потянулась к ней, но, чуть подумав, он все же выбрал маску орлана с хищно загнутым клювом и большими дырками вместо глаз, через которые можно было все разглядеть все в подробностях, не привлекая внимания. Приняв решение сопровождать своего приятеля, Хаган уже не медлил, а проявлял нетерпение, подгоняя Бренна. Чему был не слишком рад дядька Гримар. Он откинул полог именно в тот момент, когда они были готовы выйти.

— Все неймется, — буркнул он, раздраженно глянув на Хагана. — Чтоб ко второму представлению сидел на бочке у сцены и был трезвым, как невинная дева. — А ты, — он перевел взгляд на Бренна — усердно чистил пони, чтобы их бока лоснились и сверкали. Я проверю.

Карлик клятвенно заверил Гримара, что они, конечно же, не опоздают, и при этом его голубые глаза были чистыми и правдивыми как у ребенка. — Что-то я не понял, — буркнул он, — с какой такой стати невинной деве обязательно быть трезвой...

Через задние створки фургона они вывалились в шумную, жаждущую удовольствий толпу. Дуги, сдвинув на затылок маску руха, уже пританцовывал от нетерпения, ожидая их у низкого заборчика. Лица торговцев, мореманов, лавочников, школяров и почтенных коммерсантов с женами, наряженными в яркие платья, лоснились от жары и предвкушения праздника. Многие уже всю плясали, славя Готфрида, Элмеру Милостивую, юную Илайну и принца Гуннара. На всех площадях Бхаддуара по указанию Красного Короля из огромных охраняемых бочек бесплатно разливали в кружки пиво и молодое кислое вино. Бабы и молодые девы с упоением пересказывали друг другу подробности внезапного любовного недуга, поразившего красавца-принца из северной страны, когда он увидел юную прионсу. Бывает же такое! Чтоб сразу и навсегда! И даже потерпеть пару-тройку месяцев молодым невтерпеж, больно уж принц Энрадский воспылил страстью к златокудрой дочери Элмеры Милостивой и ждет не дождется брачной ночи!

Повсюду сновали оборванные подростки из Канавы, полуголые порхи, груженные корзинами, и раскрашенные хусры, выпущенные из Веселых домов в свободное плавание за охотой на свежих клиентов. Сегодня их заработок будет велик, как никогда — добыча сама шла в руки. Нижний город бурлил, с упоением предаваясь радостям королевского праздника. В глаза били яркие наряды и обилие масок мифических рыб, зверей, страшных храфнов и урхуд. Свою маску Бренн пока не надевал. Дневная духота ослабла, и прохладный ветер освежал разгоряченные лица, напоминая о ранней осени.

Сейчас, среди веселых, хохочущих людей, он наконец осознал, что очнулся от кошмара и вернулся в прежнюю жизнь. Эта мысль вызвала приступ острого наслаждения от осознания вновь обретенной свободы и возможности вернуть безмятежное прошлое. В груди стало горячо и сладко. Ему не надо было ни пива, ни вина — он пьянел от криков, смеха, острых запахов специй, дешевых духов, жарящегося на вертеле мяса и морских гадов, пряного аромата медовых лепешек... Ему хотелось толкаться и орать. Все, что случилось за эти полгода, в этот момент казалось тягостным сном, который развеялся и никогда не повторится.

Только вот что теперь делать с новым знанием о себе, которое свалилось ему на голову неожиданно-негаданно. Как правильно воспользоваться подаренными возможностями, и при этом — остаться живым?

Чем ближе они продвигались к Храму Жизнедателя, тем гуще становилась толпа — которую, как таран, раздвигал идущий впереди Дуги, торя тропу Хагану и Бренну. Они протискивались между лоточниками, продавцами воды и вина, уличными музыкантами, чумазыми подмастерьями и учениками школы копировщиков с синими от чернил пальцами, студиями в сюртуках с рукавами, обшитыми на локтях кожей, и загорелыми матросами в выцветших парусиновых робах.

Последний раз Бренн был на Храмовой площади в ночь перед Судом Яджу. Сейчас древнее с многослойной объемной резьбой здание было освещено множеством факелов и

зажженных фонарей. Но помимо них, над площадью прямо в воздухе висели сияющие светильники-розы, сработанные мастерами Непорочных. Карлик пробивался вслед за Дуги, бранясь непотребными словами то на Бренна, заманившего его в эту толкучку, то на пьяных горожан, которые то и дело зажимали его своими потными телами, то на невесту с женихом.

— Погоди, погоди, Хаган, сейчас найдем, где зацепиться, — ободряюще бормотал Бренн, стараясь оберегать приятеля-коротышку, который то и дело получал пинки локтями и коленями. Бренн хотел видеть все, это было его первое «свидание» с новоиспеченной родней, если не вспоминать о любезном дядюшке Лизарде, и потому, он не церемонясь, потребовал освободить фонарный столб, где уже удобно устроились двое парнишек, крепко воняющих синюхой.

В ответ он тут же услышал отборную ругань, но тут же пресек попытку врезать ему сапогом сверху по темечку. Перехватив ступню, резко вывернул ее в щиколотке и сдернул взывшего парня с фонаря. Его приятель, увидев жесткий прищур злых разноцветных глаз, молча съехал вниз. Бренн подсадил не скрывающего усмешки карлика повыше на столб, забрался вслед за ним и, покраснев от усилий, подтянул тяжеленького Дуги.

Воздух был насыщен теплым дурманящим запахом роз, плотным ковром, укрывшим ступени Храма. Повсюду — у створ и подножья лестницы, на крышах зданий и по периметру площади стояли королевские стражи с ружьями, а эдиры выстроились рядами прямо в толпе, устрашая всех зубчатыми тесаками и копьями. С толпы не спускали глаз высшие Жрецы, колючие глаза которых метались от одной фигуры к другой, от одного лица к другому.

Чтобы горожане наверняка не могли приблизиться к высокородным, их еще удерживала невысокая решетчатая загородка, напитанная ядзу. Тот, кто вольно или невольно пересекал ее — мальчишка ли перелезал по дури или старуха выпадала под напором толпы, — начинал биться в судорогах, не имея возможности ни крикнуть, ни вдохнуть. Таких растяп стражники быстро цепляли за шиворот крючьями и волокли прямым к пасти прямоугольного люка у стены, куда небрежно скидывали, не выясняя — жив бедолага или уже перестал дышать.

На ступенях по краям лестницы стояли представители всех высокородных семейств Розаарде. Как только над гордом повис тяжелый гул башенных часов, огромные арочные створы Храма широко распахнулись. Мужчины-ноблесс встали на одно колено, а дамы присели в глубоком поклоне, не сводя глаз с выхода. Когда в арке появились жених и юная невеста с сияющими рыжим золотом длинными локонами в ало-золотом платье с пышным каскадом кружев, площадь взорвалась воплями восторга. Но лицо Илайны было скрыто легкой золотисто-черной вуалью, и к восхищению Бренна примешалась досада — ему хотелось увидеть юное личико своей тетушки. Хм, тетушки...

Он бросил взгляд на жениха и хмыкнул — ну да — это был тот самый белобрысый широкоплечий чужеземец, просивший помощи для своего друга на площади Сухого дуба. Только тогда на нем была короткая кожаная куртка, а сейчас — роскошное одеяние знатных нобилей. Бренн, пожалуй, и не узнал бы его, если бы не коротко стриженные светлые волосы, не скрывающие загорелую крепкую шею и затылок. А вот и он — герцог нор Байли — Бренн сразу узнал в темноволосом мужчине, что встал слева от жениха, своего пациента, и невольно коснулся корпуса тяжелых часов на обхватившем запястье широком кожаном ремне.

Бренн не сразу связал появление в Бхаддуаре высокородных чужеземцев и стремительно назначенный королем ритуал Супружеского соединения, хотя, если задуматься, догадаться было бы легко. Но ему было не до этого. В голове все смешалось — слишком много

случилось за короткое время, чтобы он мог быстро переварить эту кашу событий и невероятных сведений о самом себе.

Как только молодые супруги начали спускаться по широким ступеням, прямо из воздуха на них посыпались тысячи красных, розовых и белых лепестков роз. Но Бренн уже напряженно смотрел за спину энраддского принца, вонзаясь взглядом в массивную фигуру Красного короля Готфрида — своего деда. Статный, властный, с тяжелым взглядом и длинной бородой, полыхающей красным на широкой выпуклой груди. Его волосатая рука лежала на хрупком плече Королевы Элмеры, тонкие губы которой изогнулись в нежной, чуть надменной улыбке. Бабушка? Это от нее к Бренну перешел дар ядзу и светлые вьющиеся волосы. Она выглядит совсем молодой. В белоснежном кружевном платье, усыпанном тысячами красных бриллиантов, Милостивая королева была великолепа.

Но помимо гордости, Бренна трясло от досады и горькой обиды. Это несправедливо! Он не должен висеть на фонаре, как простолудин, он — нобиль, и должен стоять там — наверху — с полным правом законнорожденного внука Красного короля! Его глаза устремились на вышедшего из арки Белого принца. В ту ужасную ночь в Пьяной русалке Бренн не разглядел его лицо, скрытого полумаской в клубах табачного дыма. И сейчас, не отрываясь, он жадно рассматривал родного дядюшку, понимая, что смотрит, по сути, на своего отца, — каким бы он стал к этому возрасту.

Красота Лизарда бросалась в глаза — высокие скулы, темные крылья бровей, длинные белокурые локоны. Близнецы отличались лишь цветом глаз: у Лизарда — белесо-голубые, почти прозрачные, у Рунара ярко-синие... Бренну было тяжело признать, что это чужое и родное лицо принадлежит обоим — отцу, который любил бы его, и дяде, который так люто желал его смерти.

Из-за спины прионса появилась приземистая фигура в красной шляпе, и пальцы Бренна крепче вцепились в кованые стебли с розовыми бутонами, обвивавшие фонарный столб. Скаах ан Хар. Жрец. Ублюдочный Отец Непорочных. Как всегда глаза жреца были закрыты очками, но Бренн всей кожей чувствовал, как быстро они вращаются в орбитах, не упуская ни одной мелочи вокруг.

Элмера Милостивая взмахнула руками и на толпу дождем посыпались сверкающие золотые, серебряные монеты и мелкие драгоценные камни, падая на их головы прямо из воздуха, вызывая ликование и смех. Когда Милостивая села в уже ожидавшее ее высокое резное кресло, по бокам которого стояли Гуннар и прионса, а позади — король и Лизард, — глубокая тишина повисла на площади перед Храмом. «Исцеление, исцеление...» — горячечный шепот метался в толпе, нарастая гулом до воплей и криков. Все знали, что сегодня, в день свадьбы дочери и ее будущей и скорой коронации, Милостивая объявила о помиловании двух калек-преступников. В последний раз подобная церемония проходила очень давно — пятнадцать лет назад в честь рождения прионсы Илайны, еще до гибели в Дивном лесу сына королевы.

Вдоль стены храма в сопровождении эдиров, качаясь и хватаясь за стену, еле шел молодой слепец, а за ним ползла на локтях безногая пожилая женщина. Их лица были обращены к королеве, из раззявленных ртов вырывались мольбы и восхваления. Невольно Бренн перевел взгляд на Верховного Жреца, заметив, как его бледные червеобразные пальцы нащупали черный шерл на груди и сунули цепь с камнем за широкий золоченый пояс. Почему Жрец снял чудесный камень-проводник, повышающие чутье к ядзу и накапливающий его в своем каменном теле? Неужто, опасается, что камень слишком усилит

ударную волну, которую выплеснет королева? И что жрец не выдержит столь мощного выброса? Любопытно... Признавая мощь яджу, Бренн все же не верил, что Элмера сможет «отрастить» ноги и заставить прозреть безглазого. Но те, кто видел ритуал Исцеления, рассказывали страшное и совершенно невозможное. — Интересно, получилось бы у нее хоть немного вытянуть меня вверх? — услышал Бренн задумчивый голос карлика.

За двумя бедолагами, жаждущими прощения и исцеления, Непорочный катил столик на колесах с ящиком, и Бренн замер, увидев, что из щелей меж досками стекают темные струйки... Кровь? Нет, показалось. Толпа заволновалась, зашумела в предвкушении невиданного и тайного. Эдир схватил за локоть тарашившего пустые глазницы парня, заорав густым и равнодушным, как железо, голосом: — Скорняк Иган был пойман на месте преступления, когда подглядывал за почтенной горожанкой во время принятия ею ванны. Лишен обоих глаз путем выдавливания. Молит Милостивую о прощении!

Страж подтащил парня к венценосной целительнице, поставив на колени. Элмера запрокинула голову, вглядываясь в звездное небо, и вскинула ладони вверх, что-то шепча.

— Просит помощи Жизнедателя, — донесся до Бренна возбужденный женский голос снизу.

— Ей, поди, и Жизнедатель не указ, для нас дураков придушивается... — угрюмо просипел горбатый старик, но на него яростно зашикали со всех сторон, оглядываясь, как бы не услышали эдиры, стоявшие в толпе, следя за всеми и каждым.

Скаах ан Хар молча ткнул пальцем в стол на колесах, и юные эфебы открыли верхнюю крышку ящика. Все — и худородные обитатели Нижнего города, и нобили из Розстейнар, вытягивали шеи, чтобы разглядеть, что там находится, и что станет делать Отец Непорочных. Жрец достал из ящика обычный железный поднос и медленно повернулся, показав любопытным, что на нем лежит всего лишь кучка дорожных камней, корявых и грязных.

Эдиры схватили за уши стоящего на коленях страдальца, сжав его голову так, что он не мог ею шевельнуть. Чуть нагнувшись к калеке, без малейшей брезгливости, королева взяла с подноса два темных камешка, повертела их и вдруг с силой вдавила их в глазницы замершего парня, нежно улыбаясь ему. Королева вкручивала камни все глубже под дикие крики слепца, елозившего коленями по ступеням, не обращая внимания на ручьи крови, обагрившие ее белоснежные пальцы. Наконец, Элмера ткнула юношу пальцем в лоб, и он перестал выть, лишь скулил и всхлипывал, размазывая сопли и кровь по лицу. Эдир развернул преступника к замершей в благоговении толпе, и народ взорвался воплями.

— Ты глянь — мертвое в живое обратила и не вспотела... Сильна Милостивая! — пробормотал Хаган, и Бренн не мог не согласиться. Прозревший парень, с перекошенным от боли и пережитого ужаса лицом, моргал, тер красные навывкате глаза и крутил головой. — Я вижу, вижу! — бормотал он. По щекам его катились слезы, смешанные с кровью, — камни разодрали плоть внутри глазниц. Исцелившийся слепец бросился к ногам Милостивой, но эдир не дал ему коснуться даже ее подола, толкнув по ступеням вниз — к вопящим горожанам, дабы они сами убедились в случившемся чуде.

Но Бренн смотрел на свою «семью». Красный король и Лизард снисходительно улыбались. На лице герцога нор Байли отразилось сильное потрясение, смешанное с недоверием и неприятием происходящего. А вот полное равнодушие энраддского принца насторожило Бренна — это казалось ненормальным — ведь он видел, как тот переживал за кузена, когда Бренн встретил их у Сухого дуба. А сейчас это был будто бы другой человек,

которого ничего не интересовало... И выражение лица Илайны под вуалью оставалось загадкой, — девушка стояла ровно, спокойно, как прелестная статуэтка, ни одним движением не выдавая своих чувств.

А эдиры уже волокли по ступеням к королевскому креслу безногую преступницу. — Продавшаяся за долги бывшая поденщица Карла совершила преступление, сбежав от своего доброго хозяина, не отработав долг. Наказана отрубанием обеих ног. Молит о прощении!

Бренна передернуло — будто наяву увидел, как по приказу ухмыляющегося Шала надсмотрщик Хнор отрубает ему ноги, руки и швыряет вместе с обрубком туловища в чан для кормления морских гадов.

На этот раз Верховный жрец показал народу два не очищенных от коры, еловых ствола толщиной с ногу, заточенных с одной стороны. С увечной не церемонились — задрали подол, выставив напоказ ее пах и грязные воспаленные обрубки ляжек. Толпа с алчным интересом подалась вперед. Повалив несчастную на заваленные розовыми лепестками ступени, эдиры уселись ей на бедра и грудь, а двое жрецов умело и быстро вбили ей острые концы стволов прямо в обрубки ног, не обращая внимания на придушенные хрипы женщины. Прионс Лизард спустился ниже, с интересом наблюдая за подробностями исцеления. Илайна и Гуннар все также неподвижно стояли у кресла Элмеры. А Ларс нор Байли, стиснув зубы и прищурившись, не сводил глаз с королевы.

Элмера села возле безногой преступницы, улыбнулась ей и вмиг полоснула себя по ладони вдруг появившимся в ее руке костяным ножом, похожим на желтый коготь грифа. Улыбка не исчезала с губ Милостивой, пока брызнувшая фонтаном алая кровь заливала подол ее белоснежного платья и корявые еловые стволы, вбитые прямо в культы несчастной преступницы. Когда лепестки роз, среди которых билась калека, утонули в крови, крик будто обрезало.

Тяжелая тишина закачалась над Храмовой площадью с замершими в ожидании людьми. Королева щедро орошала своей кровью плоть калеки. — Крови своей для нас не жалеет, жертвует! Милостивая! разорвал благоговейную тишину женский вопль. И сразу всколыхнулось человеческое море, повторяя: — Милостивая! Милостивая! Великая! Слава генусу Сарэй!

Королева стряхнула с руки последние капли, и эдиры подхватили исцеляемую подмышки. Загустевшая кровь медленно стекала по ее паху и культям, унося с собой куски разбухшей коры и постепенно оголяя бледную плоть. Ниже ляжек взгляду открывались опухшие колени, кривоватые голени и грязные ступни, которыми прощенная преступница переступала по дряблым от крови лепесткам. И только в местах «совокупления» дерева с культями багровели чудовищные вспухшие рубцы.

Исцеленную подтолкнули — она выдвинула вперед ступню с бурыми ногтями, и, покачиваясь, неуверенно зашагала к протянутым рукам горожан, жаждавших дотронуться до живого чуда, совершенного королевой.

— Не, я пока не горазд просить милостей у Милостивой, — заявил вдруг Хаган, упираясь башмаком в плечо Бренна.

— Брось, Хаган, они ж потерпели всего чуток — и вот тебе — и глаза, и ноги! — возразил впечатленный представлением Дуги.

— Скромнее надо быть в желаньях, друг мой, — это полезно для души... — нравоучительно поднял палец Хаган, смеясь и сверкая голубым глазом из-под лохматой челки. И добавил: — Лучше я останусь коротышкой...

— Посмотрим, — рассеянно ответил Бренн, не заметив внимательного взгляда карлика.

Неужели, когда-нибудь и я так смогу, — сверлила голову волнующая и мучительная мысль. Врачевать, а не губить. Чтобы тебя также славили и обожали, как Милостивую. Бренн перевел дыхание — зрелище исцеления было впечатляющим, но неприятным. А для герцога нор Байли, похоже, даже жутким — стоило только посмотреть на его побледневшее лицо и прикушенную губу. Бренн видел, как тот резким движением стер текущую по подбородку кровь, с недоверчивым прищуром глядя на жениха, который лишь рассеянно улыбался, ероша светлый ежик волос.

— Ты гляди-ка, кума, как Отца Непорочных-то полощет да корежит, — донеслось снизу, и Бренн перевел взгляд на опухшее побагровевшее лицо Скааха ан Хара, которого явно донимали рвотные спазмы. Давясь слюной, Верховный жрец не сводил глаз с Королевы под своими темными очками. Его верхняя губа на миг по крысиному приподнялась, и Бренн всей кожей ощутил душащую Скааха зависть.

— Видать, слабоват Жрец нутром супротив нашей Милостивой! — заржали снизу.

— Да уж, — всеми баба крутит-вертит, окромя супруга! Хоть и стар Красный король, да судя по всему, щекотун его шибко резвый, вот и ластится к ему королева как кошка, едва руку евоную не лижет... — едко проскрипел старческий голос, на что в толпе сразу отозвались и хохотком, и испуганным шиканьем.

Бренн все думал и думал, напряженно глядя, как прионса с мужем и Готфрид с Элмерой в белом платье, с которого исчезли все пятна крови, садятся в роскошную открытую карету, запряженную шестеркой снежных лошадей, под гроыхающую воплями площадь. Белый принц остался у лестницы, и через пару секунд стало понятно — почему. В восторженные крики вдруг ворвался скрежещущий звериный рев, и толпа с воплями отхлынула назад, дав стариков и детей.

Гиеноголовые стражи Розаарде шли, повернув к людям вытянутые лица-морды с оскаленными торчащими вперед заточенными зубами. Их серая, лоснящаяся кожа, перевитая выпуклыми черными венами, длинные когтеобразные ногти вызывали страх и отвращение. Но страшнее их был огромный красноглазый тсаккур, которого йену, оседланного как лошадь, вели в поводу прямо к Лизарду.

Рядом с фигурами людей становились очевидными размер, мощь и жуткий облик зверя. В горбатой холке уродливое существо Дивного леса достигало груди взрослого мужчины. Низко посаженная, размером с лошадиную голова, длинное тулово с бугристой темной кожей, переходившей в жесткую шерсть, которая гривой тянулась вдоль хребта и толстой шеи. Выступающие мускулы переплетались под шкурой как древесные корни. Тсаккур мягко ступал по каменным плитам мощными пружинистыми лапами, скрежеща невтяжными толстыми когтями. Из пасти свисал раздвоенный лиловый язык, широкие вывернутые ноздри похожего на свиное рыло носа, постоянно шевелились, нюхая воздух. Зад заканчивался жестким и лысым, розовым хвостом.

— Глянь-глянь, уроды уродище ведут! — слышались возбужденные голоса.

— Видать, это и есть жеребец Лизарда. Прионс-то сызмальства обожает таких гадских тварей...

Увидав прионса, зверь издал низкий горловой звук, и ударом крысиного хвоста сбил с ног жмущегося у стены эфеба, что вызвало радостный гомон в толпе. Тсаккур рванулся к хозяину, униженно приседая на широко расставленных лапах, придававших устойчивость огромному тулову.

Бренн покачал головой, внимательно разглядывая хищника. Понятно, почему хрупких нервных лошадей, так часто ломающих ноги, король хотел сменить на тсаккуров — верных, злобных и живучих. Едва коснувшись луки широкого седла, Лизард взлетел на «скакуна», и подобрав перевитые цепью ременные поводья, безжалостно ударил зверя шпорами в бока, пустив его быстрой «рысью».

В светлом с серебряным шитьем камзоле и плаще светлокудрый прионс, небрежно покачиваясь в седле на могучем черногривом звере, притягивал взгляды не меньше, чем Красный король с семейством, и воздух вновь задрожал от восторженных воплей.

Глава 16. Черные ветры Бхаддуара

Они немного опоздали к вечернему представлению, но взволнованный увиденным на Храмовой площади, Бренн почти не реагировал на ворчание Гримара, механически выполняя все приказы по уборке, чистке животных и подготовке реквизита для сцены. Хохот и вопли зрителей, выступление комедиантов, сопровождавшиеся хлопками, топотом, пением и звуками цитолы, а порой грохотом барабана тарелок и пандейру, доносились до него, будто сквозь вату.

Прошло несколько часов, и к полуночи он не выдержал. Заглянул в закуток к Хагану, цеплявшего на башмаки высокие бегунки на четырех колесах.

— Чуть прогуляюсь, ага? Все сделал, что Гримар велел. Ты прикрой меня, если что...

— Не стоит тебе одному таскаться, — нахмурил светлые брови карлик. — Неровен час наткнешься на кого...

— В такой суতোлке? Маску на морду нацеплю, — отмахнулся Бренн. Ему хотелось все не спеша обдумать, возвращаясь к отдельным ощущениям, лицам, событиям этого дня. И пока ни с кем ничего не обсуждать... Но дремавший в ворохе трико и юбок Шагги, тут же поднял ухо и спрыгнул прямо ему под ноги, набиваясь в попутчики... Улизнуть не вышло. На минуточку Шагги вроде послушался, но когда Бренн оглянулся — кот упорно тащился за ним, лавируя между колесами и сапогами, и осторожно обходя лужи, еще не просохшие после теплого ливня. Густая тьма отступала под светом множества зажженных по случаю праздника фонарей. Их свет, отраженный в лужах, только усиливал сияние Ночи Супружеского соединения двух наследников — Илайны и Гуннара.

— Ладно, залазь, зверь... — сдался Бренн — лапы промочишь... Кот тут же забрался к нему на руки, потом на плечо и устроился на загривке, позволяя себя нести дальше. Теплое мурчащее существо приятно грело шею. Бренн не хотел спешить. Мешало возбуждение и странное предвкушение чего-то приятного.

Накал всеобщих гуляний набирал силу, выливаясь плотными потоками на площади и торговые галереи, на широкие улицы и лестницы. И Шагги это сильно не нравилось, и чтобы надежно удержаться на шее Бренна, он довольно чувствительно вцеплялся когтями в рубаху, а заодно и в кожу.

Гвалт на улицах стоял такой, что прохожим нередко приходилось орать друг другу в ухо. Повсюду слышались звуки гулких умшигтайских барабанчиков, юханских бубнов, гогот и похабные песенки из кабаков. Бренну вся эта кутерьма ничуть не мешала. Сдвинув маску на подбородок, он не торопясь шел вдоль древней стены, окружавшей Розстейнар, и пытался разобраться в ворохе мыслей и противоречивых ощущений, обрушившихся на него в последние дни.

Перед глазами хороводом кружились лица Элмеры, Красного короля, Лизарда, прозревшего слепца и калеки с отросшими ногами. Мозг просто разрывало от обилия возможностей, которые открылись перед ним. Должны открыться. Пусть Морай предостерег его от пустых мечтаний, а мать по какой-то причине опасалась представить его Королеве, как законного внука... Судя по поведению «дядюшки» Лизарда, она боялась именно его... Но, ведь наверняка есть выход из этих семейно-наследственных хитросплетений, просто его надо найти...

— Куда прешь, помойник! — заорал на него охранитель, идущий впереди крытых

носилок, в которых восседала тучная дама-ноблесс. Бренн легко увернулся от направленного ему в живот толкателя, похожего на грабли с тупыми зубьями, которым охранитель отталкивал простолюдинов, мешавших прохождению портшеза. И правда — куда он «прет»? — осмотрелся вокруг Бренн. А ноги, похоже, сами несли его к Верхнему городу, предугадывая желание сердца. Ведь именно там его место.

Створы врат Королевы Маф на Главной лестнице Розстейнар сегодня были широко распахнуты. В глазах рябило от ярких красок роскошных одежд. И хотя казалось, что люди беспрепятственно снуют туда-сюда, свободно можно было лишь выйти из Верхнего города. Внутрь же пропускали лишь членов знатных семейств, их слуг и простолюдинов, обеспечивающих благоденствие Розстейнар, включая офицеров королевской гвардии, врачей, торговцев, воспитателей и учителей, мастеров «чистых» ремесел вроде известных ювелиров, управляющих оружейными цехами.

Никого не обманывало лениво-равнодушное выражение на лицах привратных стражников. Их буравящий взгляд цеплял и обшаривал всех, кто поднимался к вратам Верхнего города, задерживаясь на лицах худородных и их шейных бирках, где был указано имя, и стояла сургучная печать Дома, которому они служат.

Вниз и вверх по лестнице в изукрашенных портшезах порхи переносили господ, не желавших напрягать ноги. Хотя у всех членов родовитых семейств имелись личные паланкины, вдоль нижней балюстрады лестницы тянулся целый ряд наемных переносных кресел. С виду работа казалась несложной, но требовала предельного внимания и слаженности. Поднимаясь и спускаясь по ступеням, носильщики должны были ровно удерживать паланкины, чтобы не колыхать, не трясти свою ношу, не говоря уж о том, чтобы не приведи Жизнедатель, — уронить важный «груз». Подобное небрежение своими обязанностями каралось очень серьезно. А нобили предпочитали «плыть над толпой», сидя, как можно выше, и носильщикам приходилось укладывать шесты паланкинов на плечи.

Через соседние врата короля Вермунда, что были обращены на запад, по длинному пологому пандусу из плит черно-красного гранита, проезжали верховые, кареты и высокие коляски, в которые впрягали или лошадей, или от одного до шести порхов, что зависело от количества пассажиров.

Тягучий бой часов оповестил о наступлении третьего часа ночи. Который раз, бросая взгляд на башни и шпили дворца Розарде с мерцающими во тьме окнами, Бренн представлял, как мог бы сидеть сейчас рядом с венценосной бабушкой и дедом, наслаждаясь свадебным зрелищем, болтая со своей «тетушкой» Илайной и принцем Гуннаром и его кузенком. Он непроизвольно потер ремень подаренных герцогом часов... Мог бы...

Бренн проскочил толкучку у Торговых ворот, к которым тянулись подводы с грузами из порта, со складов и провинций Лаара, и остановился, рассеянно глядя на суетящихся возле них грузчиков, порхов и мелких коммерциантов, следящих за товаром. Шагги вдруг зло зашипел и спрыгнул вниз, расцарапав Бренну плечо.

— Попался ублюдок, — жесткие пальцы вцепились в ворот рубахи, и он узнал сипловатый голос Зигора Болли, шипевший ему прямо в ухо. — Выжил, сука. Думал, не узнаю тебя, урода...

Хрячий потрох! Не может. Этого. Быть! — чтобы в такой мешанине натолкнуться на ненавистного скорпа, размечтавшись о сладкой жизни в королевских покоях. Прыгающие, как блохи, мысли, не успевали за реакцией тренированного тела. Чуть присев, Бренн резко

крутанулся на пятке против солнца, ныряя под вцепившуюся в его ворот руку Вислоусого и уходя от прямого удара в голову — старый прием пацанов из Канавы. Вслед за кулаком, не нашедшим цели, Вислоусый провалился вперед, едва удержавшись от неожиданности на ногах.

А Бренн уже мчался вдоль крепостной стены, выискивая промежутки в толпе, куда можно было бы нырнуть, чтобы отвязаться от гада Зигора. Позади, совсем рядом, раздавался тяжелый топот и рев озверевшего Болли. И хотя дрессированный кортавида был способен бежать быстро и долго, опытный молодой скорп, подстегиваемый яростью и жадной мести, не отставал. Великой удачей было уже то, что Вислоусый преследовал его в одиночку. Но это пока — как только покажется ближайший патруль, — Бренну каюк. План — немедля оторваться от падлы, свернув туда, где больше народа, и затеряться среди пеших, конных, паланкинов и колясок... Ну, да... — только вот именно там, куда он хотел метнуться, появились несколько лениво вышагивающих скорпов, и значит, пока придется бежать вдоль стены... Удивительно, но Шагги задрав хвост, мчался впереди, распугивая уличных кошек, дремавших в тени возле заваленных едой площадок. Перескочив через глиняную миску с мясными обрезками, Бренн услышал позади звук разбившейся посуды и проклятия Вислоусого, поскользнувшегося на жирных обедках. Это подарило еще пару секунд. Мало! Он разогнался еще быстрее, слыша, как участились удары каблуков Зигора за его спиной, и... резко присел. Разогнавшийся, как атакующий кабан, скорп, «споткнулся» и, перелетев через него, пропахал подбородком по брусчатке.

Вскочив, Бренн увидел, как кот на миг задержавшись, у поворота, свирепо гавкнул и скрылся за выступающим контрфорсом. Ладно... Пойдем за зверем. Через несколько десятков шагов, кот вдруг снова гавкнул, обернувшись назад, и скользнул в черневшую под стеной расщелину. На миг Бренн замешкался, но, понимая, что вот сейчас из-за угла контрфорса появится красная рожа Зигора, решился — с разбега ударил башмаком по краю разлома, отбив пару слабо державшихся камней. Узкая дыра под стеной стала шире — в такую не пролезет взрослый мужик, но, пожалуй, проскочит тощий юнец.

Он скользнул ногами вперед, съезжая на заднице, и протиснулся в пролом, отталкиваясь от замшелой каменной кладки. Спину ожгло острыми обломками. Изогнувшись, протолкнулся глубже, чувствуя, что ноги зависли в пустоте. Под спиной посыпались мелкие камни, потек песок, и Бренн полетел вниз, цепляясь пальцами за любые выступы, чтобы хоть как-то замедлить падение. Удар — он сумел спружинить и приземлился вполне удачно, не считая разодранной спины и ушибов.

Он замер в глухом стылom сумраке — где-то высоко над головой едва пробивался свет. Тихо. Ни звуков улицы, ни ругани Зигора не слышно. Рядом раздалось мяуканье. Во тьме блеснули желтые глаза, и теплый шерстяной ком тут же потерялся о коленку... Куда же он попал? Бренн зажмурил глаза, и открыл их, лишь досчитав до двадцати — сумрак стал прозрачней и сквозь него проглядывали выступы горной породы, — похоже, вместе с котом он провалился в карман подземной трещины, которая веками росла внутри скального основания города. Ну, здесь-то скорп его не достанет, а, значит, надо не торопясь обдумать, как отсюда выбираться, — успокаивал себя Бренн, еще дрожа от возбуждения.

С одной стороны расщелина уходила в глухую тьму, с другой, если пристально взглядеться, сумрак едва отсвечивал багровым и казался менее плотным. Может там получится выкарабкаться на поверхность... Посмотрим, — Бренн двинулся вдоль узкой трещины, но Шагги даже лапой не переступил. Кот пристально смотрел на хозяина желтыми

глазами и яростно гавкал. — И чего ты завелся, зверь? Не суетись, мы просто осмотримся и только потом решим, куда двинуть...

Пальцы нащупали лохматый загривок, и Шагги басовито замурчал. Но все же никуда не пошел, устроившись на сухом камне и давая понять, что подождет здесь, а не потащится неизвестно куда что-то там выяснять. — Ладно, будешь сидеть в дозоре, — согласился Бренн. Поведение кота настораживало, но не оставаться же здесь куковать, и, касаясь ладонью камня, он двинулся вдоль расщелины. Через пару десятков шагов разлом стал явно поворачивать, ведя вглубь и в центр скалы — под древние фундаменты королевского дворца.

Красноватый отсвет постепенно становился ярче, а в груди разрасталось смутное ощущение угрозы и острое желание немедленно повернуть назад. Задав страх, Бренн пошел быстрее, но проход становился все ниже и ниже, и когда впереди замаячил выход, откуда лилось багровое свечение, ему пришлось пригнуть голову, чтобы не разбить ее о каменные выступы, а вскоре — и лечь на живот. Он подполз к расселине и застыл.

Сосущее ощущение неведомой угрозы усилилось от вида просторного зала в виде расширяющегося вверх конуса, который обвивала череда грубо вырубленных толстенных колонн, изрезанных письменами, и каменных изваяний совокупающихся уродливых зверолоудей, порожденных фантазией чокнутого скульптора. Свет от настенных факелов не смог бы разогнать сумрак огромного, уходящего ввысь помещения, потолок которого терялся в густой тьме. Но все тонуло в дрожащем багровом мореке, исходящем, казалось из самого нутра скалы за высокой аркой, сложенной из таких же грубо обработанных камней, как и колонны.

Здесь было настолько холодно, что Бренн задрожал. Или это не от холода, — подумалось на миг, когда взгляд наткнулся на длинный черный камень в центре зала, где была растянута тощая обнаженная женщина. Запястья и щиколотки стиснуты широкими ремнями, закрепленными в пробитых отверстиях. Таких изможденных невольниц он не видел даже в Харчевне Тухлого Краба: голова была покрыта проплешинами и пучками свалывшихся седых волос, торчащие ребра, казалось, сейчас прорвут, грязно-серую кожу. От грудей остались только сморщенные лоскуты кожи.

И ненормальная худоба порхи, и вырубленное в камне отверстие под ее ягодицами для стока испражнений — кричали о том, что кто-то держит ее здесь уже несколько месяцев. А может и лет. И совсем не похоже, что это одна из несчастных рабынь, с которой вельможи удовлетворяют свои извращенные половые фантазии. К чему держать ее распятой на холодном камне, превращая красивое молодое тело в иссохший стручок?

Это жертва.

Здесь, под землей, в самом сердце Бхаддуара, происходит что-то ужасное, не связанное с преступлениями, которые творят люди. Под мрачными сводами древнего капища тоскливо выл странный холодный ветер, нагоняя гнетущую жуть.

Бренн невольно задержал дыхание, когда из невидимого прохода между колоннами стали медленно выходить мускулистые темные фигуры, издающие хрипяще-воющие звуки — гиеноголовые стражи Розаарде!

За ними, сгорбившись и трясая головой, шла старая женщина в волочащемся по камням драном грязно-сером плаще. Длинные сивые волосы жидкими ручьями стекали до самых колен. Она приблизилась к арке, где багровое свечение было сильнее, и Бренн чуть не подавился от ужаса и гадливости. Старуха была голой — и то, что он принял за рваный

плащ, было слоями шелушащейся кожи, слезающей с ее дряхлого тела с отвисшими до колен складками вместо груди.

И тут старуха издала мощный утробный вой, который разнесся, отражаясь эхом от стен, вместе с тяжелым гнилостным запахом, достигшего даже пролома, где прятался Бренн.

Жуткий вой подхватили стражи, усиливая и усиливая его без перерыва на вдох. Бренн видел, что их мерзкие морды покраснели от натуги и нехватки воздуха, но они упорно продолжали выть.

И в ответ из толщи скалы начал исходить низкий вибрирующий гул, заставший Бренна сжать занывшие вдруг зубы. Сердце сжималось в груди и пропускало удары, подчиняясь тяжелому рваному ритму подземного гула. Да эта старуха своим вытьем кого-то или что-то зовет! Неужто он видит настоящую урхуд? И чем заняты проклятые Непорочные, если под дворцом Розаарде творится такая гниль, а они казнят пекарей и повитух?

Раскачиваясь на мощных, как столбы, ногах, здоровенный йену подошел к растянутой на камне порхе и резко запрокинул ей голову, рванув за клочья волос. Сиплый вопль жертвы был тут же пресечен — йену вгрызся пастью ей в рот, дернул головой, вырвав губы и язык, с урчанием заглотил мясо и приник к фонтану крови из булькающей дыры на месте рта. Его соплеменники, перебиравшие от жадного нетерпения ногами, восприняли это как знак присоединиться к пиршеству, и, окружив камень, стали пожирать женщину живьем. Длинными крепкими ногтями они впивались в тощее тело, вгрызаясь в него зубами, и, тряся головами, как хищники, отрывали куски мяса. Жертва была еще жива, когда они принялись выедать ей живот. Она была жива и в тот миг, когда первый йену стиснул ей клыками шею и вырвал горло.

Вой старухи усилился до ревущего визга, отражаясь многоголосым эхо во всех пустотах подземного капища. Бренна трясло, заныли кости, из носа хлынула кровь. Йену ткнулись мордами в каменные плиты перед разгорающимся в глубине арки багровым свечением, который пульсировал в такт скрежещущему подземному реву.

В груди Бренна будто рос кусок льда, раздирая сердце. В животе скрутились змеиные клубки... Яджу, черное гнилое яджу разливалось вокруг, наполняя пространство чудовищным запахом тухлятины и горелого жира, крови и пепла.

Перерезав ремни, гиеноголовой спихнул с камня то, что осталось от обглоданной жертвы, и, залааяв, как бешеный пес, обернулся к старухе. По знаку ее трясущихся пальцев, йену принес еще одну невольницу, небрежно держа ее бессознательное тело, подмышкой, и растянул ее на залитом кровью камне. Это была совсем молоденькая девушка, ее выющиеся, мерцающие красным в багровом свете, волосы, свисали, волочась по пыльным плитам капища. Ее кожа почти светилась на фоне глухой тьмы камня и черных потоков крови.

Свежая пища для этих уродов?

Глаза щипало, желудок выворачивало наизнанку. Невыносимо хотелось отползти назад — забиться в любую щель и замереть, но Бренн держался, пока мог сносить напряжение, порождаемое гнилой силой, — ему во что бы то ни стало, надо увидеть, кого зовет старуха-урхуд. Потер глаза — казалось, что стены, потолок, очертания колонн размываются, дрожат. Багровый свет накалялся, и будто изнутри скалы в него стали проникать длинные языки ослепляющего черного пламени. Старуха устремила на него взгляд, издав злобный призывный вопль: — Канибааа!

Ее визжащий голос, подобный звуку скрежещущему по стеклу железу, вонзаясь в уши, вызвал дрожь по всему телу. Бренн прикусил язык. Мерзкая тварь-Урхуд зывала к самой

сути Зла — чудовищному потустороннему существу, олицетворению мучений, смерти и самых мерзких страстей в людских душах. И черные языки яростно взвились в багровом мореке, отвечая на призыв урхуд — гул, доносящийся из недр земли, проникал аж до костей.

Между колонн из тьмы возник еще один йену, который нес дергающийся мешок. Подойдя к арке он вытряхнул из него на камни малыша лет двух с торчащим изо рта кляпом. Увидев страшные морды йену, ребенок замер от ужаса и описался, суча ножками. Под исчезающими на глазах каменными сводами капища сгустились клубы липкого кошмара. Пространство расширялось, стены и потолок подземелья тонули в клубящихся волнах тьмы. Гиеноголовый схватил ребенка за ножку, на вытянутой руке поднес к арке и стал трясти маленькое бьющееся в воздухе тело. Затем длинным загнутым ногтем вспорол детский животик. Девочка задергалась в руке урода, а йену продолжал раскачивать ее за ножку с такой силой, чтобы струи крови били прямо в центр арки.

Бренн задыхался — тело сдавило со всех сторон, и он не мог глотнуть воздуха, с ужасом глядя на то, как взметнувшиеся языки, шипя, жадно потянулось к живому комочку... Черные языки задрожали, поплыли, приобретая телесность, и через миг, в багровом гудящем пламени возник огромный клубок чешуйчато-черных щупалец, навстречу которым, как корм собакам, йену швырнул хрипящее дитя. Пока щупальцы рвали маленькое тельце, втягивая в себя плоть и кровь, Бренн не мог пошевелиться. Страшный ликующий рев потряс древние стены капища. Канибаа принял жертву. Гиеноголовые упали на колени, протягивая когтистые руки к черной сущности.

Пользуясь своим даром, как одним из способностей, в глубине души Бренн особо не верил в существование так называемой «гнилой яджу», настоящих урхуд, и чудовищных сущностей, жрущих и мясо, и души. Он считал, что зло всегда исходит от человека. И лишь теперь прочувствовал, что тот, кто совершает злодейство, с потрохами принадлежит вечно голодному средоточию тьмы, — способному из незримого и потустороннего оборачиваться в нечто, облаченное плотью... Которое питалось кровью и жрало мерзостные людские страстишки, разрастаясь, как раковая опухоль. Он вдруг вспомнил лопнувшие глаза Джока, и ему стало тошно. Он не хотел быть на одной стороне с гнилой старой сукой, которая принесла в жертву ребенка...

Что она хотела получить от Канибаа? Еще больше черной яджу? Но тогда зачем ей была нужна истощенная порха, съеденная заживо? И зачем нужна вот эта — следующая рабыня, обреченная превратиться в иссохшую полуживую мумию?

Старуха торжествующе «запела», прославляя мощь и величие зла, и стала плясать вокруг камня с распятой рабыней, тряся рваными лоскутами сползающей кожи.

Смрадный плотный воздух по капле стал проникать в кровь Бренна, подавляя сознание и путая мысли, но ритуал все еще продолжался. Широко расставив согнутые ноги, кружась, подпрыгивая и мелко дрожа всем телом, урхуд высовывала длинный желтый язык, облизывая кожу девушки. И, несмотря на омерзение, Бренн не мог оторвать глаз от паучьих, костлявых пальцев, и выкаченных белых глаз старухи.

Урхуд повернула голову девушки, с силой прижимая ее к камню, и длинным ногтем проколола ей шею, откуда толчками стала бить кровь. Прикинув дряблым ртом к источнику жизни, старуха алчно глотала молодую кровь, захлебываясь и скуля от наслаждения. Бренн с ужасом ожидал, что ведьма выпьет жертву до капли, но она оторвалась от шеи порхи, и небрежно ткнув окровавленным желтым пальцем в проколотый сосуд, затворила кровь.

Оставила себе запас корма на следующий раз? Значит, урхунд нужна не только мощь ядзу, но что-то еще...

Старуха подошла к торчащему вверх плоскому камню возле самой арки и провела по нему ладонью, будто стирая пыль. Поверхность задрожала и превратилась в тусклое, покрытое копотью и пятнами зеркало. В его темной глубине Бренн частично видел отражение ведьмы, растянувшей в жуткой улыбке впалый беззубый рот. Отражение становилось все ярче. Ведьма стала оглаживать свое морщинистое лицо и дряблое тело, царапая его ногтями, затем сильно ударила по нижнему краю каменного зеркала. Оно тяжело завертелось, отбрасывая багровые вспышки, и камни, на которые они попадали, трескались с ужасными стонами, как живые.

Йену затряслись, обхватив уродливые головы руками и вдавливая лица в пол, и Бренн не сразу понял, что стражи прячут глаза от обжигающих вспышек. Смердная тьма вползала в него с каждым вздохом, и уже теряя сознание, он увидел, как старуха подняла руки и принялась яростно сдирать с себя кожу, начиная с лица и скальпа, выползая из нее как из кокона.

И тут же ослепляющий багровый всплеск, исторгнутый зеркалом, отбросил его назад. Тьма.

Глава 17. Сумрачные тропы

Сильно болел затылок, которым он приложился о каменную стену, в голове гудело. Вытирая кровавые сопли и потирая кожу вокруг рваного пореза на левом запястье, Бренн на миг вдруг подумал о часах, подаренных чужестранцем, и порадовался тому, что сейчас они мирно лежали в старом сундучке Морая. При ударах о камни они бы точно пострадали. Ну, да — он изо всех сил отвлекал себя мыслями о чем-то обыденном, чтобы не думать о крошечном растерзанном тельце, принесенном в жертву истинному Злу.

Посасывая кровь из прикушенного языка, подполз к пролому. Жуткий ритуал был завершен. Подземное капище опустело, погрузившись в пепельную мглу, лишь в глубине арки, где раньше клубились черные языки пламени, время от времени вспыхивали тусклые багровые искры. От выедающего все нутро гула осталось едва слышное гудение. Разлившаяся черным океаном яджу, от которой едва не лопалась голова, впиталась в камни. Неестественный холод растекался по всему огромному залу, и Бренн задрожал в ознобе. Взгляд притягивало чуть светящееся во тьме тело девушки, замершее в неподвижности на черном камне. Жертву оставили... Зачем? Как корм для старухи-урхуд, как источник крови до следующего раза? Он обежал взглядом колонны, отыскивая возможность... чего? Что он может сделать и нужно ли вообще что-то делать? Инстинкт вопил, что нужно немедленно убираться как можно дальше от этого забытого Жизнедателем места.

Гадство! Как Непорочные могли проглядеть скверну в самой сердцевине Бхаддуара? Неужто он первый наткнулся на зверский ритуал поклонения тьме... — думал Бренн, отыскивая трещины, чтобы надежно ухватиться за них пальцами, и нащупывая выступы для ног. Ему удалось добраться до наклонной полуразрушенной колонны, и уже по ней, цепляясь за глубокие прорезы выдолбленных в камне рисунков, он спустился до холодных плит капища, сплошь исчерченных трещинами и сколами. Зачем было спускаться? Что он забыл здесь — в этом страшном подземелье, все еще дышавшее смрадом зла?

Оглядываясь и невольно сжимаясь от непроходящего страха, Бренн подошел к алтарному камню. Угрюмо посмотрел на объединенный гиеноголовыми труп, валявшийся у его основания, перевел взгляд на растянутую ремнями порху. Невольница так и не пришла в сознание, но тихо дышала. Отмахнувшись от вопящего во все горло инстинкта самосохранения он вытащил костяной нож, с сомнением проведя пальцем по краю лезвия, и решительно принялся перерезать ремни на запястьях и щиколотках порхи. От черного камня веяло ледяной стылостью, и кожа заочневшей девушки на ощупь была холодной и влажной. Бренну показалось, что прошло бесконечно много минут, пока он мучился с ремнями, но костяной нож все же справился с поставленной задачей.

И что теперь? Девчонка была легкой, но не настолько, чтобы без труда затащить ее наверх? Внимательно огляделся, нашел брошенный йену мешок, в котором тот принес маленькую жертву, сунул его за рубаху. Сняв пояс, растянул его на полу, уложил поперек него порху, лег спиной прямо на холодное и липкое от крови тело и затянул пояс. Перекинул ее руки себе на грудь, скрестил и стянул в локтях одним из ремней. То же самое сделал и с ногами так и не очнувшейся бедолаги.

Перевернувшись на живот с крепко привязанной ношей, осторожно поднялся, придерживая девушку сзади. Притиснутая к его спине, она повисла на нем, как мешок. Сделал пару шагов — тяжеловато, но не слишком. Прижал подбородок к груди, чтобы

скрещенные руки порхи перестали давить на шею. Только вот порха ли эта дева, приговоренная к долгой мучительной жизни-пытке на черном камне? — насторожился он, уловив нежный, горьковатый запах духов, исходящий от ее тела. Порха для утех? Скорее всего. Но даже если она наложница, которой по прихоти хозяина не сбрили густую гриву шелковистых волос, то клеймом владельца она должна быть помечена в любом случае... Однако пока он возился с ее безвольным телом, ни клейма, ни печати не увидел... Странно.

Бренн подтянул девушку за руки, чтобы приподнять ее на спине повыше, и задрал голову, разглядывая колонну, по которой спускался в капище, и выискивая первые точки опоры для рук и ног. У него получилось. Хотя и с трудом, — зачем врать самому себе. В общем, повезло, — если бы колонну вырубали вертикальной, а не наклонной, то сорваться с грузом, тянущим назад, было бы проще простого. Обратный путь — до дремавшего «в дозоре» Шагги — показался Бренну в два раза длиннее. С облегчением освободившись от ноши, он прислонил девушку к замшелой стене. И что с ней делать дальше? Кто она? Где ее спрятать? Он умыкнул чужую порху, но в процессе «воровства» не задумывался об этом, — слишком сильным было потрясение от увиденного... А теперь от вопросов не отмахнешься. Надо что-то решать.

Обрадованный появлением хозяина кот тщательно обнюхал девушку и уселся ей на колени. Глаза привыкли ко мгле, и Бренн пытался получше разглядеть в сумраке спасенную жертву и отыскать клеймо рабыни... Он невольно хмыкнул, откидывая пряди волос с тела порхи и рассматривая ее грудь и бедра. Девка была красива, даже несмотря на то, что гладкую нежную на ощупь кожу покрывали разводы крови и копоти. Теперь, когда он немного пришел в себя, прикосновения к женскому телу вызвали знакомую горячую волну внизу живота — но возбуждение быстро угасло, уступая место раздраженному состраданию к жертве и растерянности от всего произошедшего. С неохотой пришлось признать, что большинство его шустрых знакомцев воспользовались бы беспомощностью порхи, и уже давно поймали бы ее или на черном камне в капище, или здесь — в грязи, и затем бросили, ни на минуту не задумываясь о ее дальнейшей участи. А вот он — лох и жалкий кортавида-убийца — не в силах задавить неуместную жалость, хотя дураку понятно, что спасать надо себя, а не чужую невольницу, коих в Лааре десятки сотен... как собак нерезаных...

Ругая себя, Бренн развернул мешок, вспорол и сделал разрезы по бокам. Теперь, в такой рванине, девушку точно примут за порху, кем бы она ни была на самом деле, а длинные волосы можно скрутить и замазать грязью. Внутри бродило неутихающее раздражение и на себя, и на нее. Вся эта история со «спасенной девой», прямо, как в бабских книжицах, ломала планы и усложняла и так непростую ситуацию

Тело ломило. В глазах расплывались красные пятна. Она с трудом проглотила вязкую слюну, — распухший язык еле ворочался, а губы растрескались. Приоткрыла глаза, и тут же болезненно зажмурилась. Перед внутренним взором маячило страшное звериноподобное лицо, и внутри разрастался панический ужас. Часто задышав, она все же поняла, что она очень замерзла, сидит на острых камешках, и ее голая спина упирается в шершавые глыбы. Рядом кто-то дышал, двигался, и это заставило ее вновь замереть. Неожиданно ее голову резко наклонили, накрыв душной колючей холстиной. Забившись, она завизжала, и тут же жесткая ладонь зажала ей рот, а другая — стиснула шею. — Заткнись, дура! — зашипел голос, — или хочешь сдохнуть?

Она замотала головой, широко раскрыв глаза. Увидела едва вырванное из полумрака

угрюмое худощавое лицо незнакомого парня, похоже, ее ровесника. — Я вытащил тебя из дерьма, порха — коротко сообщил он, — пошустрее приходи в себя, не то оставлю тебя здесь — недосуг мне с дурочкой возиться. — Он напряженно смотрел ей в глаза, и лишь дождавшись кивка, убрал ладонь с ее губ. Она растерянно оглядела драный мешок, надетый на нее лишь до плеч, и, поджав колени, стала лихорадочно натягивать бурую ткань, пытаясь прикрыть все тело и морщась от боли в опухших запястьях. В лицо бросилась краска стыда, и ей стало жарко. — Не суетись, порха, твои тощие телеса мне без надобности... — неуклюже успокаивал ее парень, — как звать?

Она открыла рот... и поняла, что не может вспомнить ни свое имя, ни кто она, и вообще — ничего из того, что с ней случилось. В памяти всплывали только темный ужас, холод, боль и кошмарные лица человекозверей.

— Отвечай! — грубо встряхнул ее спаситель, — слышишь? Или тебе язык вырвали?

— Я не помню, — сипло прошептала она, губы тряслись.

— Ладно, неважно, — махнул он рукой, с досадой глядя, как она одергивает на себе мешок... Несмотря на панику, она упорно пыталась рассмотреть парня. Крепкий, худощавый, с вьющимися, неровно остриженными светлыми волосами. Губы твердо сжаты, вдоль скулы тянется почти незаметный белесый шрам, приподнимавший угол рта, отчего казалось, что на угрюмом лице постоянно живет усмешка. Наверное, она бы сказала, что он хорош собой, если бы не сдвинутые темные брови и мрачный взгляд. Она глубоко вдохнула и вздрогнула — что-то теплое, пушистое прижалось к ее замерзшим ступням и издало сиплое гавканье. Дикими желтыми глазами из темноты на нее пристально смотрел лохматый кот.

— Это Шагги, — неожиданно кривовато улыбнулся ее спаситель, и в полумраке блеснули зубы, — он так гавкает, когда злится или боится. — Впрочем, как и люди... — А Шагги явно беспокоился. Задрав хвост и продолжая гавкать, кот решительно двинулся в сторону, противоположную той, откуда пришел хозяин, — куда-то вглубь расщелины, откуда едва тянуло сквозняком. — Подымайся, давай, надо уходить, — велел парень, тревожно оглядываясь. Быстро поднял ее за локти, и потащил за собой — в глухую тьму, куда ушел лохматый кот.

Шаря ладонями по камню, и пройдя лишь пару шагов, она вскрикнула, сильно ударившись пальцами босой ступни о камень. Она бы упала, разбив лицо, но, грязно ругнувшись, парень удержал ее, успев схватить за волосы, от чего ее голова дернулась назад. Теперь она старалась идти, чуть расставив ноги для устойчивости. Но это не помогло — острая каменная крошка впивалась в босые ступни, и она невольно дергалась, поджимая их. Юноша прошипел что-то себе под нос, и, остановив ее, завозился в темноте. — Надевай, скорее! — приказал он, сунув ей в руку свои башмаки, и где-то впереди в тон ему гавкнул кот, будто поторапливая. Башмаки болтались на ней, но идти стало гораздо легче. А парню, похоже, было плевать на каменное крошево, он и босой быстро двигался вдоль расщелины, таща ее за собой, и следуя за котом, который то и дело глухо мякал где-то впереди.

Казалось, что они идут бесконечно долго, колени дрожали, голова кружилась. Мерещилось, что влажные холодные стены готовы в любой миг сомкнуться и раздавить ее. Ничего не было видно. Ничего. Она чувствовала, как в груди нарастает паника, — и вдруг вспомнила, что кто-то объяснял ей, что в полном мраке ужас овладевает человеком просто потому, что глазу не за что зацепиться, а вовсе не из-за таящихся в нем чудовищ, особенно, если их там нет. И она боролась со страхом и удушьем, однако ей все равно чудилось, что она тонет в черной яме...

Резкий противный писк пронзил тишину. И, будто бы пользуясь случаем, чтобы смыть накопленное напряжение, она завопила во все горло, когда что-то мерзкое больно вцепилось ей в волосы, заворочалось на голове, а лица коснулось нечто холодное и кожистое. — Не ори, дура! — зашипел парень, — это всего лишь летучая мышь! Не дергайся, и я ее вытащу...

Она замерла, зажмурив глаза и стиснув кулаки, терпеливо ждала, пока он выпутывал из волос пищание, бьющее ее по голове крыльями существо, и лишь приглушенно вскрикивала, когда он случайно выдирал пряди. Наконец, парень тряхнул рукой, посылая мышь во тьму, и наклонился, горячо дыша ей в лицо. — Сплети волосы, — на ощупь он отодрал от ее платья-мешка длинную полосу ткани и сунул ей в ладонь. Она стиснула липкий лоскут, покачав головой. Он уловил ее движение и хмыкнул: — Ты что, порха, — вообще все забыла? И имя свое, и даже как косу плести?

— Я не порха! — вдруг уверенно сказала она, почувствовав, как внутри поднимается гнев.

— Даа, а кто ж ты? Ведь говоришь, что не помнишь? — усмехнулся в темноте парень, забавляясь ее злости.

— Не помню, но точно знаю, что не рабыня! — в слабом голосе звенели ноты убежденности и даже превосходства, что видно позабавило ее спутника. — Ладно, — спокойно согласился тот, — и как тебя будем звать? Я — Бренн.

Она потерянно пыталась собраться с мыслями. Он прав. — Айви, зови меня Айви. И конечно, я умею плести косу. Просто сейчас не могу, устала, — призналась она. Парень, не споря, развернул ее к себе спиной, провел расставленными пальцами, как гребнем, по спутанным волосам, скрутил их и затянул в узел на макушке, второй узел завязал ниже, ловко подобрав длинные пряди.

Бесконечно долгий извилистый путь в толще скалы постепенно сужался, вокруг царила глухая тьма, и лишь редкое кошачье гавканье подбадривало их, заставляя идти быстрее. Время все тянулось и тянулось, но судя количеству шагов, которые Айви пыталась считать, правда, то и дело сбиваясь, — они шли уже около часа. Айви механически переставляла ватные от слабости ноги. Тошнота подступала к горлу, перед глазами мелькали цветные пятна, в ушах шумело.

Последние четверть часа они едва протискивались между тяжелых, покрытых слизистой влагой, гранитных глыб. И больше всего ее пугало, что их путь ведет куда-то вниз. Еще глубже под землю? Айви старалась думать о чем угодно, сражаясь с долбящей голову мыслью, что они вот-вот застрянут здесь, в скале, во тьме, и их раздавит тяжелым холодом камня... Но молчала, пробираясь за Бренном — кажется, его зовут именно так... Она невольно сжала ладонь крепче — горячие шершавые пальцы спутника, казалось, вливали в нее силы и надежду.

Почти незаметный поначалу сквозняк усиливался, и теперь превратился в прохладную струю воздуха, несущую, как ей казалось, едва слышный запах моря. Айви невольно зашагала быстрее, но впереди пока так и не виделось даже слабого просвета, что указывал бы на выход. И правда — ну, какое море, когда их все круче уводит вниз...

Неожиданно Бренн, тихо выругавшись, остановился, и она ткнулась лицом ему в спину. В отчаянье, Айви пригнулась под его локтем, вытянула руку, и ладонь сразу уткнулась в сплошной камень — трещина сомкнулась, дальше прохода не было, хотя по ногам продолжало тянуть холодным воздухом. Паника ударила ее прямо в сердце, но где-то

впереди, за скалой, опять послышалось настойчивое мяуканье. Кот звал их продолжать путь. Бренн присел и вдруг тихо засмеялся: — Давай руку! — Он провел ее ладонь вниз по мокрому песчанику и на высоте колен ее пальцы нырнули в низкий пролом.

— Придется идти по-кошачьи, — сообщил он, и ловко продвинулся вглубь, исчезая в дыре. — Шустрее, давай, сестренка!

Сестренка. Он перестал называть ее порхой. Встав на коленки, Айви стала двигаться вслед за ним по тесному лазу, сжавшись в комок и скребя локтями и макушкой по камню... Она чувствовала себя жалким мышонком. Но ужас понемногу отступал, — воздух в узком лазе гудел, как в трубе, и она жадно глотала солоноватый ветер. Острые камешки раздирали в кровь ее колени и ладони, но отчаянья в груди уже не было... Тьма рассеивалась, уступая власть манящему впереди бледному тусклому свету, и все сильнее ощущался запах соленой воды и диких трав, дразнящий близкой свободой.

Когда они выбрались, наконец, из каменной ловушки, ее колотило от холода, напряжения и усталости. Ночь ушла, и маленькую сухую пещерку, куда их привела подземная трещина, освещал розоватый предутренний свет. Оскользываясь на камнях, они вышли в крохотную бухточку, окруженную невысокими скалами, заросшими камнеломкой и утесником. На горизонте океан и небеса разделяла розовая полоса зари медленно просыпающегося солнца.

Крыса принюхивалась. Вонь подтухшей крови, испражнений и гниющего мяса не беспокоили ее вовсе, как и душок звериного пота йену. Это были привычные ароматы. Вибрации черной яджу, до сих пор пронизывающие пространство требища напрягали крысу, но благоухание кожи молодой жертвы, витающее над каменным ложем, возбуждало, наполняя тело темной усладой, и уши крысы порозовели.

Но что-то еще вонзалось в это месиво ощущений, мешало, вызывая тревогу и даже панику. Крыса суетилась, перебирая когтистыми лапами, не умея разгадать причину. Раздула ноздри, прищурилась, продолжая алчно втягивать воздух, и поймала слабую струю чужеродного запаха. Самец человека. Молодой, очень... молодой. Теперь крыса сумела отделить его аромат от прочих, чуя в нем злость, страх и даже ужас... Он явно ощупывал жертву, но не спаривался с ней, — определила крыса, — но потащил самку с собой.

И что-то еще — такое знакомое, одновременно пугающее и влекущее — да! — это струя чужого яджу, от которой шерсть встает дыбом, а голый хвост, покрытый желтой жировой смазкой, дрожит. Крыса прижала уши, сопротивляясь гнетущей немочи, но упорно стала карабкаться вверх по разрушенной колонне, ведомая струей смешавшихся запахов двух особей, которая тянулась во мрак темного разлома под сводами требища.

Ноздри на вытянутой острой морде постоянно сжимались и разжимались. Красные глаза впивались во мрак, силясь разглядеть как можно больше. Проворно перебирая бесшерстными лапами, крыса перемещалась по извилистому узкому проходу, похожему на старый разлом в скальном основании древнего города. Вот здесь люди остановились, вероятно, самец хотел взять жертву. Но признаков совокупления и запаха спермы нет. Плохо. Если он стащил особь не для спаривания, то это все усложняет.

Тварь нервно глотала воздух, приоткрыв узкую ротовую щель с длинными желто-бурыми зубами, и давилась. Ей было плохо, так плохо, что двуногого бы уже не раз вырвало, вывернув наизнанку. Ей просто повезло, что грызунов никогда не вытащивает. И крыса вдруг вспомнила, от кого исходил этот неистовый запах яджу, который заставлял ее

изнемогать от изнурения и вождления одновременно. И пришла в бешенство.

Глава 18. Дворцы и лачуги

За столетия дворец Розаарде видел множество важнейших церемоний, в том числе и свадьбы. Огромное количество высокородных нобилей, включая иноземных, собрались в огромном трапезном зале с колоннами из полированных стволов кедра, изукрашенных резьбой, выполненной с фантастической искусностью, покрытые лазурью и позолотой. Высокие витражные окна, между которыми сияли зеркала, пылающие факельные светильники, огромные гобелены со сценами охоты и празненств и накрытые столы отражались в сотне зеркал с другой стороны зала, что еще больше увеличивало пространство, создавая иллюзию бесконечной анфилады празднующих гостей.

Стены, колонны и арки вокруг окон были увешаны гирляндами свежих цветов, среди которых, как заметил Ларс, царили розы — белые, кремовые, ярко-алые и темно-красные, черные и фиолетовые, абрикосовые и розовые, цвета корицы и меда...

Откуда-то сверху — из скрытых над арками хоров — звучала прекрасная музыка, даря состояние легкой эйфории, смешанной с умиротворением и ожиданием чего-то удивительного. Но Ларсу было не по себе — ему не нравилась ни эта принудительная женитьба Гуннара, ни многое, из того, что он узнал и увидел в Бхаддуаре. Совсем немного его успокоил приход помощника королевского секретаря Зиона, который с присущей ему «душевностью» и поклонами сообщил Гуннару: — Ваше высочество, Его королевское величество король Готфрид поручил мне информировать вас о том, что сообщение императору Магнусу о вашем благополучном спасении и Супружеском соединении с прионсой Илайной отправлено с командиром экипажа вашего грузового дирижабля.

Ларс немного расслабился, но тревога тут же вернулась, — мысль о том, что император узнает утешительные новости — радовала, но его ожидаемая реакция на скоропалительный брак сына — напрягала. А что сделаешь... Больше всего его тревожило, что с самого утра, когда Гуннара со всеми почестями пригласили на подготовку к церемонии, переодевание и ознакомление с деталями этикета, он практически не видел его. Даже во время ритуала в Храме между ними постоянно маячил кто-то из жрецов, фрейлин или придворных. А то, что Гуннар даже не пытался переброситься с ним хотя бы словом — тревожило особенно, как и его странный, будто остекленевший взгляд...

В трапезном зале новобрачных усадили рядом с Красным королем и Элмерой Милостивой за отдельным, установленном на подиуме, столом, что делало церемонию более величественной, а Ларса разозлило еще больше. Он не сомневался, что это сделано специально, — дабы пресечь общение кузенов. Только вот зачем? Какую цель преследует Красный король, разделяя их, и долго ли это будет продолжаться...

Он пытался поймать взгляд Гуннара — но тот сидел как улыбающийся истукан, а его глаза скользили по залу над головами гостей. Да что за бред? Неужели над ним действительно «плотно поработали» жрецы?

С Илайной встретиться также не удалось. Конечно, он не рассчитывал на то, что девушка откровенно расскажет ему, о том, что действительно произошло между ней и Гуннаром, но надеялся хоть что-то понять по поведению «зеленоглазки»... Хмм... Ларс хмыкнул, подивившись своему умилению зеленоглазой прионсой, которая оказалась вовсе не принцессой из сказки... Он не верил, что Гуннар надругался над ней. Анализируя подробности случившегося, Ларс был почти уверен, что она умело и холодно соблазнила уже

«подогретого» зельями жрецов влюбленного принца. И значит дева — была вовсе не девой...

Но под прикрытием кружевной вуали увидеть выражение ее личика оказалось невозможным. Девушка сидела очень прямо и почти неподвижно, не притрагиваясь к подаваемым блюдам, лишь поворачивая головку к матери и послушно кивая, когда она обращалась к ней, нежно поглаживая унизанные кольцами тонкие нежно-смуглые пальчики.

С одной стороны от Ларса сидела молодая пара, судя по их поглощенности друг другом — любовников в стадии медового месяца, с другой — старая ноблесса с многослойным ожерельем из драгоценных камней на морщинистой шее. Она не пропускала ни одного дразнящего обоняние блюда, которые сменялись одно за другим — мясное филе с жареными грибами, густое рагу из тающей во рту оленины с соусом из пряных трав и ягод можжевельника, смешанных с растертыми орехами, крабовое мясо с нежным белым сыром и трюфелями, рубленый телячий язык с зелеными яблоками, сочные рулеты, начиненный мясом индейки, сливами и острым сыром. Он сумел заставить себя попробовать нежнейшую телятину, томленную со абрикосами, но в основном, пробовал разнообразные хмельные напитки, которые «виночерпии» наливали из серебряных кувшинов.

Поначалу все было пристойно — перед гостями чередой сменялись цирковые артисты, акробаты и клоуны, музыканты и песнопевцы, показывали миниатюры актеры королевского театра, вызывая бурные аплодисменты. Но после полуночи, когда прионса с Гуннаром отправились в свои покои под рукоплескание двора, а через некоторое время и Элмера Милостивая покинула торжество под руку с Красным королем, празднества приобрели оттенок фривольности. Придворные и приглашенные именитые ноблесс расслабились, слуги внесли кальяны и курительные трубки, в соседних залах начались танцы.

Думая о своем, Ларс подмечал, как разгоряченные вином гости перехватывали обнаженных до бедер девушек в прозрачных юбках, которые извивались между колоннами под ритмичную, будоражащую музыку. Украшенные колокольчиками, косички, сплетенные из ярко-рыжих, почти красных, волос, играли на плечах и подпрыгивающих грудях танцовщиц, звенели цепочки на бедрах и браслеты на тонких запястьях из ярких бусин.

Ларс рассеянно бросил в рот пару мерцающих как черные жемчужины засахаренных виноградин, и вздрогнул, услышав знакомый голос Верховного Жреца, который откинулся на кресле справа, где минуту назад сидела старая ноблесса. — Хотелось бы узнать, какое впечатление на вас произвел Бхаддуар, Ваша светлость, — обратился он к Ларсу, нацелившись на него темными очками, которые он не снял даже здесь. — Не стоит шадить мои чувства, мне интересно ваше искреннее мнение, герцог.

Ларс едва пожал плечом, не зная — врать или льстить. — У меня двойственное ощущение, минрэй. Пожалуй, я бы охарактеризовал столицу Лаара, как место изумления и ужаса...

— Понимаю, герцог, — вы считаете наш мир жестоким. Не так ли?

— Не стану скрывать — так и есть! — с вызовом заявил Ларс.

— По крайней мере, мы — честны, — спокойно возразил Скаах ан Хар, подвинув к себе витые рулеты, залитые кремом с золотистым шафраном. — А вот ваша цивилизация, дорогой герцог, — и жестока, и лицемерна, что гораздо хуже на мой взгляд.

— Объясните, минрэй... — Ларс закашлялся, чувствуя, что краснеет под сверлящим взглядом Жреца. Хоть бы он снял эти поганые очки, чтобы можно было увидеть его глаза, —

подумалось на миг, — бесит!

В зал над головами слуг поплыли подносы с благоухающими многослойными тортами, истекающими соком бархатистыми персиками и желтыми грушами, залитыми кремом ягодами. На столах среди кувшинов с густыми сладкими винами появились многоярусные серебряные подставки с нежнейшими пирожными, пропитанными горячим вином.

— Ну что же — извольте, Ваша светлость, — с улыбкой на бледных губах, кивнул ему Скаах ан Хар, выбирая пирожное. — Я прекрасно осведомлен, что города Энрадда заполнены убийцами и насильниками, разносящими заразу падшими женщинами, нищими, бездомными и увечными. А у нас в Бхаддуаре, дорогой герцог, — вы видели хоть одного калеку, кроме тех уродцев-преступников, которых помиловала Элмера Милостивая? Или вы слышали, что в наших Веселых домах кто-то заразился срамной болезнью? Наши земли чисты, поскольку в *Лааре не церемонятся с преступниками, их давят, как вшей. Ибо они — не нужны в здоровом, идущем к процветанию обществе!*

Ларсу казалось, что он захлебывается бесстрастными как лед, доводами Жреца, тонет в них, понимая, что у него нет ни опыта, ни четких формулировок, чтобы убедительно опровергнуть эти лживые насквозь аргументы. Но он собрался и возразил: — Мне кажется, что здоровое процветающее общество рискует превратиться в нездоровое, если с такой одержимостью и без всякого милосердия уничтожает себе подобных...

— Это лишь красивые слова и лицемерие, герцог. Разве у вас в Энрадде не казнят преступников? — с нарочитым удивлением приподнял лысые брови Жрец, поедая один десерт за другим.

— В отличие от нас, вы превращаете смерть в развлечение, а казни — в кровавый театр.

— Нужно быть снисходительней, — ласково улыбнулся Отец Непорочных, впиваясь зубами в пылающую сердцевину граната. — Ведь наблюдая за подобным зрелищем, человек сбрасывает с себя энергию смерти — желание убивать себе подобных, заложенное в нем изначально. Природа берет свое — и не следует ей сопротивляться. Это вредно для здоровья.

— Не стоит обвинять природу, минрэй. — Ларс сдерживался, понимая, что своим благостным спокойствием Жрец хочет вывести его из себя. — В человеке много пороков, и если он не пытается обуздать их, а наоборот — развивает, потакая себе, то они начинают управлять им самим, чудовищно разбухать и трансформироваться в психические уродства.

— Не преувеличивайте, дорогой герцог. Что естественно — то не постыдно. Люди перестают таить свою потребность видеть, как злодеи искупают свою вину, и это их объединяет в великом гимне любви к жизни! — с воодушевлением воскликнул Скаах, отбрасывая выеденный гранат.

— Любви к жизни??? — Терзая себе подобных? — Ларсу было противно смотреть на бледный рот Жреца, испачканный, как кровью, соком граната.

— Все не себе подобных, а преступников, заслуживающих страданий! — нравоучительно вещал Жрец, похоже забавляясь горячностью Ларса.

— Никто не отрицает, что наказание необходимо, минрэй, но казни в Лааре не соответствуют степени совершенного преступления, они первобытны, ужасающи. А самое страшное, что, низводя их до чего-то обыденного, вы уродуете души обычных людей, выращивая в них с детства кровожадность и потребность получать удовольствие от страданий других.

— Очень, очень вдохновенно! Вы прекрасный оратор, Ваша светлость, — вдруг усмехнулся Жрец. — Значит, призываете бороться с пороками и животными инстинктами?

А как же ваш кузен? Наш прекрасный принц Гуннар. Меня просветили о причинах поспешности этого скоропалительного бракосочетания. И об отвратительных подробностях совершенного им преступления.

Ларс замер, не в силах возразить.

— Насилие, развратные действия, надругательство над невинной девой, — с удовольствием перечислял Скаах, — причем, по вашим законам — несовершеннолетней. Как легко рассуждать о подавлении порочных пристрастий, и как не хочется отказываться от них, когда это приносит удовольствие. Не так ли? — очки Жреца вперились в глаза Ларса. — Вы проглотили язык, герцог?

Ларс вышел в огромный парк, наполненный стрекотом ночных цикад и звуками журчащих фонтанов. На черном беззвездном небе висел огромный багровый полумесяц, озаряющий все вокруг красноватым тревожным светом, вырывая из темноты стволы пышных деревьев и цветущие кустарники, играя мерцающей дорожкой на зеркальной воде открытых аквариумов, где колыхались, будто во сне, золотые и серебряные рыбки.

Его пальцы коснулись раскрытых бутонов роз, шелковистых и прохладных, покачивающихся на стеблях по краям широкой террасы. Он задел плечом за куст магнолии, и на его разгоряченное лицо обрушился дождь белых душистых лепестков, утешая и успокаивая. В мыслях царил полный раздрай. Он закурил, добавляя в сладкий ночной воздух горьковатые ноты табака, и бесцельно побрел среди по дорожкам, уводящих от роскошного регулярного парка в глубины дикорастущего сада с густыми зарослями, лужайками и цветочными россыпями вокруг гротов, маленьких водопадов и сказочных беседок, где порой слышался шепот и переливы смеха.

Дошел до внутренней стены Розстейнар, долго смотрел вниз на огни Нижнего города и тихие воды Серебряной гавани и задремал на удобной скамье, поглаживая шелковистый бок приبلудившегося котенка, который нагло залез к нему на колени.

Когда он резко проснулся, котенка рядом не было, красный полумесяц побледнел, спустившись к горизонту, а ночную тьму сменили сизые предутренние сумерки... Стало зябко. Где-то совсем рядом, за стеной, слышалась приглушенная брань и странные звуки. Упираясь ладонями в древнюю каменную кладку, он наклонился, вглядываясь в сумрак у подножия стены. Эдиры тащили за волосы двоих бедолаг, волоча их по земле, и он с досадой отметил, что сейчас бы Жрец посмеялся над ним, напомнив, что стражи порядка в Энрадде ведут себя с простолюдинами также грубо, особенно без свидетелей.

Месяц, выглянув из-за дерева, бросил багровый отсвет на нижнюю часть стены и людей возле нее. И как в дурном сне Ларс увидел то, что показал ему ехидно скалящийся полумесяц. Увидел запрокинутое бледное лицо парня с кляпом во рту, в глазницах которого торчали черные камни, и калеку с волочащимися обрубками ног, куда были вбиты корявые деревяшки.

После буйно проведенного дня и ночи Супружеского соединения прионсы Илайны с молодым наследником Энраддского престола Нижний город на короткое время превратился в огромную свалку начинающих увядать цветов, разбитых горшков, бутылей, луж из эля и дешевого вина. Слышались пьяные песни, ор и перебранки, но большая часть горожан уже крепко спала, причем многие — вповалку прямо на улицах.

Городские порхи, подгоняемые надсмотрщиками, как муравьи тащили мешки, волокли

корзины с мусором, везли тачки и ползали на коленях, оттирая каменные плиты площадей и тротуаров от крови и блевотины.

Вокруг подъездов и домов мастеров, торговцев, владельцев трактиров, постоянных дворов и питейных заведений суетились домашние порхи и слуги, лихорадочно наводя порядок, — к рассветному бою часов город должен сиять чистотой — слишком высоки штрафы за грязь, чтобы пренебречь требованиями властей. С восходом нового солнца Бхаддуар должен быть готов к празднованию следующего дня королевской свадьбы.

На молодого парня с чумазой невольницей, плетущейся позади, никто не обращал внимания. Волей-неволей, любопытство побеждало страх, и Айви крутила головой, глядя исподлобья и впитывая незнакомые ей картины городской жизни, звуки, лица и запахи. Ее до дрожи пугало, что она не помнит себя, не помнит этот город, и ничего не узнает. Уже в пещере на побережье, чуть придя в себя и отдышавшись, она пыталась расспросить своего спасителя, от кого, собственно, он ее спас, и что произошло. Тот ничего не стал скрывать. Спокойно рассказал, как нашел ее, приготовленную для жертвоприношения в подземном капище, и как до этого на черном камне гиеноголовые стражи Розаарде, которым так доверяет королева, живьем сожрали ее предшественницу. Айви поняла, что не зря перед ее глазами постоянно всплывало уродливое полузвериное лицо... Ее спаситель не врал, но все же...

— Ты не договариваешь... Там ведь происходило что-то еще?

— Тебе мало того, что узнала? — буркнул он и, уставившись куда-то в конец переулка, нехотя упомянул о крошечной девочке, сожранной потусторонней тварью, и кошмарной старухе с облезавшей кожей. Айви содрогнулась от омерзения и ужаса, не в силах вымолвить ни слова.

— Пришли... — с невольным облегчением выдохнул Бренн, когда переулок вывернул на большую площадь, где уже гасили ночные фонари и уличные жаровни. Айви во все глаза рассматривала высокую дощатую сцену с синим в серебряных звездах занавесом, возле которой мычали песни несколько пьяных мастеровых с сонными хусрами. Над сценой дугой изгибалась вывеска с надписью «Цирковой Театр» и выведенным ниже названием «Всякая всячина дядюшки Гримара». За сценой скрывался полосатый шатер, по бокам которого стояли два больших фургона, крытые вылинявшим красным и зеленым полотном с такими же надписями по бокам.

Они прошли дальше и оказались внутри образованного фургонами дворика, тускло освещенного фонарем, где дремали лошади, коты и пара собак. А на высокой пивной бочке, прямо под фонарем, сидел карлик. Он усердно штопал красный носок, но как только заметил их, из-под спутанной светлой челки блеснул голубой глаз.

— Агаа. Нашелся, хвала Перу-Пели... — пробормотал карлик, хмуро глядя на Бренна. Ловко спрыгнул с бочки и, отшвырнув недоштопанный носок, направился к ним, широко расставляя короткие кривые ноги, как моряк на палубе. Лицо его было угрюмым. Айви недоверчиво смотрела на него, сдвигаясь за спину Бренна. Раньше она точно не встречала таких странных маленьких людей. — Гляжу, ты отыскал и притащил нам новую актеру, парнище? Всю ночь этим занимался?

— Ты был прав, Хаган, когда предупреждал меня, — серьезно кивнул Бренн карлику, не отвечая на его вопрос, — под стеной Розстейнар меня подловил скорп, бычий рог ему в жопу... А вот ее... Айви, — он на миг замялся, вытаскивая ее из-за спины, — в общем, ее надо отмыть и... да — сделать актеркой, если, конечно, сумеешь заговорить дядьку Гримара.

Хмурый карлик, который не стесняясь разглядывал Айви от грязной макушки до босых ступней и ободранных коленок, неожиданно сверкнул ровными белыми зубами, и подмигнул. — Хоть ты и нацепил на деву драный мешок, мой хитрожопый друг, зоркий глаз Хагана вмиг разглядел все ее прелести. Лично я считаю, Гримар растает, увидав такую милашку, и недельку-другую погоняв ее на репетициях, даст роль юной королевы Маф, — вынес приговор Хаган, энергично кивнув, и белобрысая челка упала ему на глаза. Имя Маф показалось Айви знакомым, она чуть напряглась, пытаясь вспомнить, но сильная боль, вспыхнувшая во лбу над глазами, помешала ей.

— Только не пугай ее, — устало покачал головой Бренн, — ее так перепугали, что теперь вообще ничего не помнит... даже саму себя...

— Коли ты что-то забыл, значит, не слишком хотел помнить, — изрек Хаган, снова подмигнув Айви. — Оно само собой всплывет, когда придет срок. — Он наклонился и поднял с земли пыльный камешек, размером с крупную сливу. — Смотри сюда, дева, — камень спрятался в широкой ладони карлика, и Айви с невольным интересом уставилась на короткие загорелые пальцы.

— Пау-ап! — вскрикнул Хаган, затем подул на кулак и раскрыл ладонь. Вместо темного тусклого камня на ней лежал неровный коричневато-розовый кусочек какой-то пористой массы.

— Это что? — вдохнула Айви от изумления, и карлик довольно засмеялся, протягивая ей «камень», от которого исходил дымный сладко-сливочный запах.

— Это вареный в молоке сахар! И его можно, и даже нужно немедленно слопать!

— Ты сделал это с помощью яджу? — она взяла сахар и осторожно лизнула, до конца не веря, что это правда.

— Да не, — соврал карлик, не моргнув глазом, — всего-навсего фигли-мигли или ловкость рук... А ты, я гляжу, вспомнила, что в мире живет яджу?

— Я не вспомнила, я это просто знаю... — растерянно посмотрела на карлика Айви, чувствуя на языке кремовую сладость.

— Зови меня Хаган, — важно разрешил карлик, — на древнем языке это значит «высокий сын» — уж очень моя матушка хотела, чтобы я хоть чуток подрос...

В этот предутренний час, утомленные долгими дневными и вечерними представлениями комедианты, нагрузившись элем и вином, спали. Все, кроме Хагана. В отгороженном уголке, приспособленном для мытья, куда ее привел карлик, она с омерзением скинула грязный мешок, пахнувший мочой, и долго скребла тело жесткой мочалкой, сидя на корточках в медном тазу, черпая остывшую воду из бочонка. Потом кое-как прополоскала волосы, вытерлась длинным потрепанным полотенцем и на еще мокрое тело натянула широкое бесформенное платье, которое ей кинул Бренн, без стеснения зайдя, чтобы вынести грязную воду.

Когда она вышла, Бренн с карликом тихо разговаривали, утопая в клубах табачного дыма. Увидав на ней синее платье, прикрывшее ее до середины голени, и красные чулки, что больше подходили девочке-подростку, а не взрослой девушке, Бренн, прищурившись, одобрительно кивнул: — Теперь ты и правда похожа на малолетку, ни груди, ни бедер... только волосы нужно обрезать...

Айви отступила назад, представив, как обкорнают ее густые длинные кудри, но Хаган, заметив ее испуг, оттолкнул Бренна и засмеялся: — Не дрожи, Айви, — ничего мы обрезать не будем. Завтра заплети пару косичек, как делают малолетние девы, и тогда тебя точно

никто не признает...

Он дал ей большую кружку с крепким сладким чаем, куда щедро плеснул синюхи, кусок картофельного пирога и пару кусков вареного сахара. Через полчаса, укрытая лоскутным одеялом Айви уже крепко спала рядом с деревянным золоченым тронem, заваленным театральными костюмами, вдыхая сладковатые запахи пудры, воска и горького табачного дыма.

Глава 19. Кому нужна свадьба

(Энрадд, Императорский дворец, Эбба)

Герцогиня Мидж Элфорд раздраженно задышала, сверля незабудковыми глазами караульного, который чуть замешкался при открывании своей половины двери в кабинет императора Магнуса. Это был новичок из личной охраны императора и, видимо, его не предупредили, что единственное существо, имеющее право врываться сюда без доклада и в любое время — была прабабка Магнуса — вдовствующая герцогиня Элфорд, а также ее наглый мелкий кривоногий кобелек с дурацкой кличкой Энджелберт. Иные знатные особы, включая сына и племянника императора, такими привилегиями не обладали.

Наконец, обе половины высокой двери были распахнуты. Старуха, такая же прямая, как ее трость, прошествовала в кабинет вслед за сабачонкой. Магнус, оторвав взгляд от пожелтевших страниц огромного старинного атласа, нахмурился, рассеянно глядя на вторжение, но тут же усмехнулся, поднимаясь навстречу герцогине. Удивительно, но, несмотря на настырный, въедливый характер бабки, его гнев и раздражение всегда гасли в ее присутствии.

— Распорядись подать кофе, Ману, — велела Мидж Элфорд, усаживаясь в свое любимое кресло у окна, откуда открывался чудесный вид на пролив. И затем, спохватившись, пожелала внуку доброго вечера.

— Что привело тебя ко мне в такое позднее время, ама, — вскинул бровь император, дергая за шнур вызова комнатной прислуги. — И может быть, на ночь, ты все же предпочтешь чай со сливками, а не кофе?

Привычно взбив пену сиреневых кружев на жабо, герцогиня небрежно отмахнулась от предложения, качнув головой, и вслед этому движению колыхнулись фиолетово-зеленые перья на ее старомодной шляпе с широкими полями.

— Не утомляй меня нравоучениями, Ману, как я не терроризировала тебя, когда ты, будучи юным балбесом, резвился у меня в поместье...

— Все это я очень хорошо помню, моя дорогая, но...

— Подожди, Ману, — одернула его старуха, подняв длинный костлявый палец, украшенный перстнем с черным турмалином в грубоватой оправе из серебра. — Мне важно с тобой поговорить. Я даже не спала пару ночей.

Император устало и снисходительно улыбнулся, поняв, что придется собраться с силами и посвятить любимой престарелой родственнице не менее получаса: — Я очень внимательно Вас слушаю, герцогиня.

Беседу прервал приход слуги, который чуть не уронил серебряный поднос с кофейником и чашками, когда ему под ноги с визгливым лаем бросился лохматый песик. — Энджелберт! — негромко, но выразительно произнесла старуха, подняв палец точно также, когда умирала венценосного внука, и кобелек тут же сник, благоговейно глядя на костлявый палец.

По кабинету разлился дразнящий запах крепчайшего арианского кофе. — Вы добавили туда красного перца и... ром? — сделав глоток обжигающего напитка из голубой чашки нежнейшего фарфора, спросила герцогиня слугу.

— Простите, Вваша светлость, — севшим голосом, объяснил юноша, заикаясь, — я думал, как лучше — в прошлый раз вы пожелали именно так...

— Очень хорошо, мальчик, что ты так внимателен, — незабудковые глаза прикрылись от удовольствия. — Но на будущее — уточняй. Предпочтения людей меняются в зависимости от настроения, возраста и погоды, и ты можешь попасть впросак.

— Магнус, — старуха развернулась к императору, как только за спиной слуги закрылась дверь, — ты не можешь женить Гуннара на девчонке Готфрида...

Брови императора взлетели вверх — он не сумел скрыть удивления. — Прости, но... скажи мне каким образом об этом узнала ты, моя дорогая? Ни один самый талантливый шпион не сравнится с тобой... — император растерянно потер подбородок.

— Это неважно, Ману. У меня есть свои источники, и они не представляют для тебя угрозы, — сухо ответила герцогиня. Не отвечая, император потянулся к механическому тетраэдру-головоломке.

— Что ты молчишь, Ману?! Тебя унизили, и как императора, и как отца жениха, мнением которого пренебрегли. Они унизили Энрадд! Элмера Милостивая перешла грань!

— Не стану делать вид, что это не так, моя дорогая. Но поначалу... и до тех пор, пока командир грузового дирижабля не передал сообщение от Гуннара, что он и мой племянник живы и здоровы, я просто не в силах был думать ни о чем другом...

— Но теперь то ты успокоился, мой мальчик? Надеюсь.

— Затем, когда я успокоился, как ты говоришь, мной, само собой, овладел совершенно праведный гнев, но яриться и объявлять войну Лаару я не мог — думаю, что и ты тоже не хотела увидеть отрезанную голову правнука, которую прислал бы нам Красный король?

— Не надо меня пугать, Ману. Угроза жизни для Гуннара миновала, и как только он окажется здесь, во дворце, в полной безопасности, ты должен объявить этот их языческий свадебный ритуал незаконным!

— Это невозможно, ама...

— Почему нет? Журналисты воют от восторга — тема пропавшего в шторм дирижабля, спасения и возвращения принца будоражит всех в Энрадде, но о его скоропалительном браке еще никто не знает... Пока.

— Я прагматик, герцогиня. Я умею подчинить эмоции и сделать вид, что не заметил унижения, если перспективы случившегося благоприятны для моего государства.

— Благоприятны для государства?

— Да, моя дорогая, именно так. Я отыграюсь позднее, ама...

— Но ведь ты ставил цель получить выход через Арианию к этому твоему месторождению... летучего металла, забыла его название, дорогой, и одновременно стиснуть Готфрида с двух сторон, держа в постоянном напряжении?

Император приподнял бровь, кивнув старухе. — Вы правы, герцогиня. Особенно насчет месторождения крылатого металла ферилла, столь необходимого в производстве новых типов летательных машин.

— И что? Что изменилось? У меня возникло ощущение, что ты был вовсе не прочь объединиться с Лааром еще до этой языческой свадьбы?

Император с насмешливым прищуром улыбнулся бабке: — Признаюсь, я давно думал об этом... Дело в том, герцогиня, что сегодня Энрадду много выгоднее союз не с Арианией, а именно с Лааром, — терпеливо принялся объяснять Магнус. — На данный момент у нас вполне приятные отношения с Готфридом. Благодаря нашим договоренностям, имперские воздухоплавательные суда без риска пересекают земли Лаара, и торговые отношения с богатейшими странами юга значительно возросли. Это важно. И более того —

сегодня много проще найти доступ к фериллу именно через Лаар. Перед Элмерой Милостивой трепещут дикие племена Умшигтая. А арианцы, напротив, ведут с ними войну, и конца ей не видно. Понимаешь? И теперь, благодаря этому браку Готфрид даст нам столь ценный для нашего авиастроения и других важных отраслей металл.

— И ты не опасаясь испортить отношения с малхазом Мгер-Камари?

— Не опасаясь, но не хочу их портить, и, думаю, что все обойдется... — Император задумчиво потер переносицу. — Красный король хитер... Он воспользовался и штормом, который «занес» соседнего принца к ним в объятия, и тем, что малхаз Мгер-Камари недавно потерял дочь, которую прочили в невесты нашему Гуннару...

— Слишком удачно и потому — неправдоподобно, — язвительно усмехнулась герцогиня Элфорд.

— Считаешь, что девочку... — Магнус запнулся.

— Считаю, Ману. Дочь Мгер-Камари убрали с дороги люди, купленные Лааром, и без жрецов Ордена Непорочных тут не обошлось...

— Однако, как ни цинично это утверждать, но именно сейчас, когда малышка Фрейя убита, брак между Гуннаром и прионсой Лаара, становится весьма своевременным.

— Я все это понимаю, мой дорогой...

— Так что же тебя смущает, ама. Готфрид и Элмера безумно рады, что сумели соединить наследников двух стран.

— Неважно, чему рады они, Ману. Главное, чему будем рады мы.

— Ама, пусть король Готфрид думает, что загнал меня в ловушку. На деле — в ловушку попадет он сам. Прионса Илайна по закону становится властительницей Лаара сразу после замужества. Влияя на девицу через Гуннара, мы сможем влиять на Красного короля. Сначала исподволь, а затем — по мере взросления девушки и рождения у принца наследника — постепенно вводить в Лааре изменения, благоприятствующие Энрадду.

— Грандиозные планы, мой мальчик, — усмехнулась Мидж Элфорд. — Но только с чего ты взял, что все пойдет именно так, как задумал ты? Самонадеянность — злокачественная черта характера, порой — смертельно опасная. Я повторю известную банальность — губительно недооценивать противника. А Лаар — наш противник с точки зрения морали и духовности. Что, если Красный король сам будет влиять на тебя, Ману, используя влечение Гуннара к юной жене?

Император мимолетно улыбнулся. — Неужели ты считаешь, что я поверил в безумную страсть Гуннара, приключившуюся за пару суток его пребывания в Лааре? Ему не четырнадцать лет, и у него обширный опыт по части женского пола... Конечно, его каким-то образом заставили согласиться на это супружество. Ну, об этом он скоро сам поведаст, а Ларс изложит те факты, которые он упустил, — у моего племянника неплохие способности к анализу...

— Но Красный король никогда не отдаст реальную власть в стране дочери-подростку. Фактически править будет он, как и сейчас, под энергичные нашептывания его милостивой супруги... — с жаром возразила внуку герцогиня.

— Я понимаю, что у Готфрида далеко идущие планы. Что он мечтает завладеть нашими технологиями, образцами оружия и всего прочего, чего нет у него... И воспрепятствовать тому, чтобы Лаар зажали между Лютым океаном и Змеиным хребтом.

— Ну, что же, мой мальчик, — утомленно вздохнула Мидж Элфорд, — делай свое дело, как считаешь нужным. В конце концов, у меня имеется и свой интерес, если Энрадд укрепит

связи с Лааром.

— Ты о чем, моя дорогая?

Герцогиня чуть помедлила, будто стесняясь своих рассуждений. — Понимаешь ли, Ману, я всеми своими позвонками чувствую дыхание холодных осенних ветров. А только в Лааре изготавливают совершенно чудодейственную мазь... И мне бы хотелось иметь неограниченный доступ к этому прекрасному лекарству от суставных воспалений.

— Я думаю, герцогиня, что ваша спина не менее важна, чем месторождения ферилла, — совершенно серьезно ответил Магнус и прижался губами к маленькой сухощавой кисти любимой бабки.

(Лаар, площадь Сухого дуба в Бхаддуаре)

Они пили слабохмельную сливянку, сидя за колченогим столом внутри шатра, и Бренн невольно втягивал знакомые запахи и звуки — пытаюсь перебить воспоминания о тошнотворных испарениях подземного капища. Дуги изо всех сил старался не пялиться на хорошенькую, но слегка растерянную деву, которую Бренн притащил с собой, и с нетерпением ждал, когда они останутся вдвоем, чтобы обсудить подробности ночных походов.

Бренн чувствовал, что Айви немного пришла в себя, улыбалась в ответ на приветствия, прислушиваясь к обрывкам куплетов, звучащих со сцены, смеху и переливам флейты. Рядом то и дело появлялся кто-то из труппы, одобрительно оглядывая незнакомку, которую дядька Гримар, судя по слухам, уже принял в состав «Всякой всячины» на правах ученицы. Первым с Айви познакомился младший из сыновей «девушки-змеи», — двухлетний Стефан, который по-хозяйски забрался к ней на колени и принялся тереть ее за ленточки в косах, пока мать раздраженно не шикнула на него. Бренну было смешно видеть, как Лея щурит свои раскосые глаза, сверля ими новенькую актерку, взявшуюся неизвестно откуда. Ревнует.

— Мне еще повезло, — хмыкнул Хаган, продолжая разговор и опрокидывая в себя сразу полкружки сливянки, — как только папаша стал замечать, что с моим телом твориться нечто странное, он страшно разочаровался. Кому нужен сын-урод, — так он сказал. Отец не стал ждать, когда их с матерью обвинят в «скверне» и, не сказавши ей ни слова, в пять лет продал меня в проезжавший мимо села бродячий цирк...

— Как же так, — Айви поперхнулась, родной отец? И ты говоришь — повезло?

— Еще бы! Никогда не бывает так плохо, чтоб не могло быть еще хуже. Родитель, если бы был расчетливей, то с прибытком сбавил бы меня скупщикам уродов, кои приезжают из Ариании, или на опыты в лазарет Непорочных. Но видать, все ж сумел задавить жабу.... Иль ему просто было лень ехать в город. А если бы я остался в семье, то мать запросто объявили бы «гнилушкой», коли она сподобилась произвести на свет такое существо, как я, да и сжечь — от греха подальше.

Отлично зная историю жизни Хагана, Бренн особо не прислушивался, понимая, что карлик старается "приручить" Айви. Ему не терпелось вновь влиться в шум жужжащего как огромный улей города, на который быстро падали синие сумерки. Он вовсе не собирался прятаться по углам после встречи с Зигором Болли. С глухой досадой он сознавал, что Вислоусый, Тухлый краб и Белый принц не перестанут охотиться за ним, и что Морай прав — на время нужно схорониться. Но этой здоровой мысли противоречило сильное желание остаться в Бхаддуаре.

Зачем? Да чтобы понять, что происходит в Капище под королевским дворцом, где

клубится гнилая ядзу невероятной мощи... Где шипят языки черного пламени, воплощаясь в телесном облике чудовища, пожирающего детей... Где иссушают на черном камне молодых дев... А еще, чтобы разобраться с видениями погибающего прионса Рунара... Только тупой не заметит, что между смертью отца и кровавыми жертвами тайного культа Калибаа скрыта зловещая связь. А он... а ему приходится убежать..., вместо того, чтобы вскрыть эту мрачную тайну.

А еще... и, может, это даже самое главное, — не стал скрывать от себя Бренн свои корыстные мечты, — теперь, когда он знал свой статус рожденного в законном браке наследника прионса Рунара, желание остаться в столице подпитывалось будоражащей надеждой круто изменить свою жизнь, прикоснуться к недостижимому ранее миру высших nobless...

В мечтах он представал перед королем-дедом как законный внук и наследник его погибшего сына... Легче сказать, чем сделать. Нужны доказательства тому, что в Храме действительно состоялось Супружеское соединение его родителей. Что он предъявит властителем Лаара, даже если сумеет каким-то, пока совершенно невообразимым способом предстать перед ними во дворце? Надо добыть документ, или найти запись в Храмовой книге, подтверждающую его законнорожденность.

Перстень Рунара — это весомо, но... все это можно легко вывернуть шиворот навыворот. На месте Лизарда он просто обвинил бы самозванного «племянничка» в воровстве, или в том, что хусра Кьяра стащила этот перстень у прионса, соблазнив его... А что — именно так он и скажет... Хотя, — Бренн невольно коснулся плеча, — канги! *Знак принадлежности генусу древних властителей Лаара...* Ведь весь этот кошмар начался именно из-за того, что Белый принц заметил на его коже роковой знак! Наличие канги невозможно опровергнуть! А вот это уже доказательство для его деда Готфрида и бабки Элмеры Милостивой.

От вопросов распирало голову... Зачем и по чьему приказу казнили его бабушку, разыскивая Кьяру? Лизарду в то время едва исполнилось семнадцать, — с какой стати озабоченному юноше беспокоиться по поводу любовниц своего брата. Или же за всем этим стоит грозная тень низенького круглолицего человечка в красной шляпе?

И было еще кое-что невысказанное, которое пугало Бренна всерьез, — а вдруг король Готфрид вовсе не собирался признавать брак Рунара законным, и вводить в семью безродную простолюдинку? Если бы Рунар не погиб, то все могло сложиться по-другому... Но не сложилось.

Ну ничего... Еще сложится. Он не покинет Бхаддуар, на время схоронясь в Канаве, в лачуге, чтобы как следует разобраться во всем, не подставляя ни Морая, ни семейство Дуги. А девчонку, потерявшую память, отправит вместе с театром «Всякая всячина» колесить по городам Лаара — Хаган за ней присмотрит.

— Ешь — это вкусно! — Дуги сунул Айви в руку теплую и липкую от коричневого сахара лепешку с яблоками. Соблазнившись ароматом, она впилась зубами в пышку, и брызнувший сладкий сок залил ей подбородок. Откинув голову, Айви засмеялась и Бренн довольно хмыкнул, радуясь, что она потихоньку оживает.

— Ну и во что вы такую милаху нарядили? — пробил его сосредоточенность густой хрипловатый голос «воздушной» великанши Марибэллы, которая поводила мясистыми плечами, неодобрительно разглядывая поношенное широкое платье и торчащие из кос

спутанные пряди на голове Айви. — Поди ко мне, дeтa, сейчас мы тебя переоденем и причешем, как надoбнo...

Грaциoзнo перемещая тучнoe тeлo с кoлышущимися пoд халaтoм oгрoмными гpyдями, тoлстухa дoвoльнo улыбaлaсь, дoстaвaя из ящикa грeбeнь и рaзнoцвeтнeыe шнурy и дeлoвитo усаживая чyть испугaннyю Айви нa кoлчeнoгий тaбурeт. Рaсплeтeя eй кoсы, oнa принялaсь бeрeжнo рaсчeсывaть блeстящиe вoлoсы, стeкaющиe пoчти дo пoлa. — Aх ты, крaсoтa кaкaя, — зaлyбoвaлaсь жeнщинa зoлoтистo-мeдным вoдoпaдoм, — дa жeниx твoй бyдyщий рeхнeтcя oт рaдoсти, увидaв тaкoe сoкрoвищe, дeтa мoя, a пoкa — дo хoрoших врeмeн — мы лyчшe спрyчeм этaкyю зaмaнyхy. — Мaрибэллa лoвкo рaздeлилa вoлoсы нa нeскoлькo рядoв и стaлa бyстрo плeсти срaзy чeтырe кoсы, oстaвляя нa вoлe пряди, вьющиeся y вискoв и нa зaтылкe.

Брeнн с удивлeниeм смoтрeл, кaк бyстрo мeлькaют пyхлыe пaльцы, пeрeвивaя тeжeлыe зoлoтyщиeся пряди синими и крaсными шнурaми. И из пaмяти прoрвaлoсь вoспoминaниe — тoнкe смyглe пaльцы мaтeри тaкжe бyстрo плeтyт кoсy из oтливaющиx кaшгaнoм, вoлoс, чeрeз кoтoрыe прoсвeчивaют лyчи вeсeннeгo сoлнцa.

Вхoднoe пoлoтнщицe oткинyлoсь и внyтрь зaшeл рыгaющий Мнoгoжoр, двe крeпкиe дeвyшкe-aкрoбaтки Тинa и Слaвия, a вслeд зa ними — силaчи Рyни в пoлoсaтыx тpикo, oбтягивaющиx их мoщнeыe тeлa и выпyклeыe мyскyлы. — Мaри! Бэллa! — зaорaли oни врaзнoбoй, скaля в улыбкe крyпнeыe зyбы сo щeрбинкoй. — Скoрo нa выхoд, Пyшинкa, a ты тyт в кyклы игрaeшьcя, — дoбaвил oдин из брaтeвьeв, с ухмылкoй дeргaя Айви зa кoсy.

— Нe шyми, Бo, нe шyми — yспeeтcя! — фыркнулa тoлстухa, выжyивaя из сyндyкa и встряхивaя тeмнo-крaснoe с синим лифoм плaтьe и лeгкe пoтeртeыe бaшмaчки. — Пeрeoдeвaйcя, дeтa, — oнa yкaзaлa нa стaрyю дeрeвяннyю ширмy с пoчти стeртыми рoсписьями цвeтoв и звeрeй нa пoлoтняных ствoркaх, зa кoтoрoй Айви спeшнo нaтянyлa плaтьe, oпaсaясь, чтo ктo-тo зaглянeт зa ширмy. — A тeпeрь пoсмoтpи-кa нa сeбя, — Пyшинкa пoдтoлкнyлa ee к стaриннoмy, пoкpытoмy пятнaми, зeркaлy.

Айви нeвoльнo зaмeрлa, нe жeлaя пoдхoдить к тeмнoй глaди, гдe oтрaжaлись гoрyщиe свeчи, oплывaющиe в oлoвянных пoдсвeчникaх рядoм с рaмoй. Пoчeмy-тo зeркaльнaя пoврeхнoсть нaвoдилa нa нee стpax. — Глaзa тo oткрoй! — yслышaлa oнa гoлoс Дyги, и пoнялa, чтo стoит с зaжмyрeнными глaзaми. Лyбoпытствo пeрeсилилo. Из зaзeркaлья нa нee смoтрeлo лицo милoвиднoй нeзнaкoмки с рoзoвым ртoм и нaстoрoжeнными зeлeными глaзaми. Плaтьe пoдчeркивaлo выcoкyю гpyдь и гибкyю тaлию, нo выглeдeлo пpистoйнo и скрoмнo. Пo спинe и вдoль вискoв, дo сaмoгo пoясa, стeкaли чeтырe пeрeвитeыe шнурaми кoсы, a выбившиeся пряди пышнo вились вoкpyг лицa. «Зeркaльнaя» дeвyшкa нeyлoвимo нaпoминaлa Айви тoгo, ктo спрyтaлcя в клyбкaх пaмяти, и нe жeлaл выхoдить нa ясный свeт.

— A ты oкaзывaeтcя... крaсивaя, — вoскликнyлa Тинa, с вeсeлoй yсмeшкoй пoдмигивaя Брeннy и видимo считaя, Айви eгo пoдpyжкoй.

— A тo! — кpякнул Бo, выпятив ширoчeннyю гpyдь, — нe хyжe нaшeй пpиoнсы Илaйны, a тo и лyчшe!

Айви пoкoсилaсь нa нeгo, oстoрoжнo улыбнyвшиeся, и нa щeкaх пoявилeсь милeыe ямoчки. — O чeм этo ты тpындишь, Бo? — рaздpажeннo пoинтeрeсoвaлaсь Лeя с мaльшoм Стeфaнoм нa бeдрe, кoтoрaя, скoльзнyв в шaтeр, yслышaлa пoслeднyю фpазy силaчa. В этoт мoмeнт ee нeжнoe личикo излyчaлo тaкyю нeпpикpытyю злoсть, чтo Дyги oзaдaчeннo пoтeр кyдрявый зaтылoк, нaблюдaя зa «сeмeйнoй сцeнoй». — Мoжeт лyчшe с сынoм пooбщaeшьcя, — дoбaвилa oнa, пeрeкидывaя мaльчикa нa мyскyлистoe пpeдплeчeыe

покрасневшего Бо, и вышла, резко дернув полог. — Ну прям как дверь хлопнула, — утробно хохотнул Многожор, почесывая пузо.

— Раньше-то она прилюдно не объявляла, что наш котяра Бо папаша Стефана, — хихикнула Тина, — а тут видать припекло... — Она потрепала по темным вихрам Стефана, уместившегося на руках у растерянного силача, и добавила, обращаясь к брату Бо: — А может это твой наследник, Дан? Вас ведь с Бо почти и не различишь, особо в темную ночку...

— Я вот лично нипочем не различу! — серьезно заметил Многожор, вызвав еще один безудержный приступ веселья.

Заметив смущение Айви от неприязни и необоснованной ревности Леи, Хаган потянул ее к другому выходу из шатра, где вечерний воздух наполняли дрожащие звуки лютни. — Ты ведь еще не знакома с нашим юным песнопевцем Арно... А зря. Еще пару лет назад этот мелкий проказник вовсе не собирался стать любимцем публики. Что он обожал делать, так это задирать юбки матрон, пробегая среди рыночных рядов, и вызывать довольный хохот мужиков, включая стражей порядка.

Сидевший спиной к шатру юноша, перебирал струны старой лютни, наполняя вечерний воздух сладкозвучными струями волшебного голоса, от которого у толпившихся вокруг женщин и дев разных возрастов мечтательно увлажнились глаза. Его длинные вьющиеся волосы, небрежно брошенные на спину, колыхались под легким ветром... и Айви вдруг увидела, как по этим светлым, как лунный свет, кудрям, стекают ручьи крови, превращая их в липкую кроваво-черную массу...

— Жасмин! — вдруг закричала она, задыхаясь, и прижав кулачок к бешено бьющемуся горлу, рухнула во тьму.

Глава 20. Измена

Дуги бежал так, что казалось, сердце лопнет, не выдержав такого напряжения. Поскользнувшись на раздавленном яблоке, проехался коленками по камням, содрал кожу, и теперь на штанах красовались две окровавленные дыры. Но боли он не чувствовал. В полутемном шатре горел масляный фонарь, пыхтел длинной трубкой дядька Гримар, да негромко болтали Тина и Лея, кормившая грудью Стефана. Хаган, дремавший за колченогим столом с кружкой пива, вскинул бровь, увидав потного Дуги, появившегося в ночи как призрак, и стал медленно подниматься.

— Бренн! Где Бренн? — хватая ртом воздух, просипел Дуг.

— Да что случилось то? — в ответ спросил карлик.

— Измена! Она предала его! — Задыхаясь от бега и гнева, Дуги смотрел на Гримара и оторопевших от воплей Дуги девушек.

— Лея?! — заорал карлик, резко развернувшись в сторону акробатки, и его голубой глаз люто засверкал, — ты охренела, подруга! Ты предала его из-за своей тупой бабьей ревности?! Тебе Бо и Дана мало?

Молодая женщина подскочила с лавки, не удержав малыша на коленях, и малыш Стефан, свалившись на пол, заревел. Скривившись, как от сильной боли, Дуги с отчаяньем смотрел на Хагана: — Да не Лея! — От тяжело опустился на лавку, зажмурив глаза, будто не в силах перенести то, что только что узнал.

Из дома, как и ожидалось, Дуги не выпустили — папаша Мартен пришел в ярость уже от неуверенной попытки сына отпроситься на свадебные гуляния. В реве, исходящим из глотки трактирщика, можно было с трудом разобрать отдельные слова, перемешанные с матросской бранью. Но все и так было понятно. Мало того, что бестолочь Дуги, по мнению отца, и так пару недель дурака валяет, да теперь еще хочет увильнуть от работы в день, сулящий настоящую прибыль семейному предприятию.

Мать тоже была сама не своя. Волосы Уллы растрепались, щеки покраснели от печного жара, и раздражению ее не было предела, — даже звук задребезжавшего на каменном полу ножа, который уронила Мелена, заставил ее раздосадовано фыркнуть и отослать дочь убираться в гостевых комнатах: — Руки калямые, никакого от тебя толку! Одни парни на уме. Поди прочь — девкам наверху помоги...

Мелена поджала губы и, зыркнув на мать черными отцовскими глазами, сорвала фартук и ушла наверх, где служанки стелили свежее белье в гостевых комнатах. Чтобы заест дурное настроение, Дуги вонзил зубы в горячую, обсыпанную коричневым сахаром, плюшку, но мать не унималась: — А ты на двор ступай, отцу с Пепином помоги... Ойхе уж с зари над кастрюлями шепчет, служанки как угорелые носятся, даже Мелена при делах, хоть и в мечтах девичьих пребывает, один ты сегодня киснешь...

— Ничего я не кисну... — недовольно бормоча, Дуги потопал на задний двор, злясь на всех и особенно на дурацкое королевское супружество, ведь именно из-за него такой кипиш поднялся. Через несколько дней ему придется снова расстаться с Бренном, и теперь — скорее всего, надолго, потому каждая минута, потраченная на домашние заботы, бесила Дуги, ведь это время он мог провести с ним...

Он невольно скривился от обиды на судьбу, которая снова отнимает у него друга, и даже

сладкая масляная булка не могла отвлечь его от горьких мыслей. Но и возразить было нечего. На королевскую свадьбу народу съехалось и с ближних городов, и с дальних, и даже с провинций предгорий. Поэтому таверны, харчевни и рестораны в Бхаддуаре, дорогие гостиницы и самые убогие постоялые дворы за городскими стенами, были забиты.

Поднявшаяся до зари Улла с кухаркой, дочерями и нанятыми на неделю помощницами металась по огромной кухне между очагом, печами и столами, которые, казалось, прогибались под обилием тазов с мясом, корзинами с морковью и луком, спаржей, красной капустой и лиловыми головками чеснока. Толстые рыбины блестели серебристыми боками, приготовленные для густой острой похлебки. В печи томились горшки с бараниной под мятным соусом, жарилась телятина с изюмом, в котле тихо шипел суп с фасолью, сдобренный имбирем.

Все помещения пропитались запахом еще с ночи жарящегося во дворе на вертеле кабанчика. Нанятому присматривать за костром мальчику, было и вовсе невмоготу. Он не успевал глотать слюни и не отрывал глаз от поджаристо-золотистой корочки, лопающейся пузырями и сочащейся каплями жира, которые вспыхивая и потрескивая, стекали в огонь.

Дверь была настежь открыта и через нее туда-сюда носились подростки, нанятые папашей Мартеном убирать двор, чистить лошадок, да таскать ведра с помоями. Жизнь в Русалке кипела.

Дуги едва не заорал, когда его сладкий предутренний сон прервал ощутимый толчок под ребра, а большая шершавая ладонь, пахнувшая золой, надавила на приоткрывшийся рот. Забился, приоткрыв один глаз — огромная, как черная гора, фигура нависла над ним. — Мммм, — сиплое мычание наполнило комнату, где спали братья. «Гора» сдвинулась, и Дуги чуть расслабился, разглядев в сумраке бугристое лицо Дрифы. Тот приложил узловатый палец к толстым губам, призывая к молчанию, убрал ладонь с лица молодого хозяина и неуклюже поклонился, вспомнив обязанности порха. — Ты придурок, Дрифа, — зашипел Дуги, резко садясь, — я чуть простынь не обоссал... Чего тебе?

Дрифа мигнул, неспешно с уважением поклонился и тут же бесцеремонно схватив Дуга за рукав, потянул за собой к двери. Тот не сопротивлялся — немой без приказа никогда не входил в комнаты хозяев, тем более ночью, и такое поведение порха показалось тревожным. А Дрифа явно был перевозбужден — часто мигал, шумно сопел и тяжело вздыхал. За окном наддверный фонарь нехотя разгонял сизый предрассветный сумрак, из зала доносился храп, бормотанье пьяных гостей, заснувших за столами, вялая перебранка уборщиков. — Ну чего такое? — бубнил Дуги, когда раб притащил его на кухню, где драили сковородки две полусонные служанки, не обратившие на них никакого внимания.

Дрифа завозился со свечой, засуетился, неловко ворочая большим неуклюжим телом. Схватив из потухшего очага большой кусок угля, опять замычал и поволок Дуги к заветной беленой стенке у очага. — Хочешь что-то рассказать, Дрифа? — Раб кивнул тяжелой головой, поставил на пол свечу и принялся чертить углем картинку.

Огромные пальцы стали неожиданно проворными, и уже через полминуты на Дуги с беленой стенки смотрело лицо Бренна. Порх изобразил его грубо, неумело, но очень похоже: сжатый рот, острые скулы, широко расставленные глаза, взлохмаченные волосы. Для уточнения порх легко чиркнул угольком вдоль нарисованного лица, изобразив едва заметный шрам. Дуги насторожился. — Я понял. Это Бренн... Что дальше? — кивнул он одобрительно похлопав порха по мощному плечу.

Раб удовлетворенно заурчал. Несколько штрихов и на шершавой стене появилось лицо... молодой женщины с длинными волосами и большими глазами. Дуги нахмурился, с недоумением глядя на Дрифу. А тот не останавливаясь, продолжил рисунок. Нимало не стесняясь, он вырисовывал важные по его мнению детали — грудь и бедра, не прикрытые юбкой. Дуги ничего не понимал. Зачем Дрифа посреди ночи рисует голую девку? Может, это дева-змея Лея, которая неровно дышит к Бренну и приревновала его к Айви, дуреха?

А порх продолжал малевать на стене, схватив второй уголек. Рядом с девушкой он нарисовал здоровяка с длинными усами, «подковой» спускающимся до подбородка, в мундире с двойным рядом пуговиц... — Скорп? Это же... это же тот самый скорп — Вислоусый, который законопатил Бренна в Казаросса, — прошептал Дуги, вспомнив, что друг несколько раз упоминал эти тошнотные усы и имя — Зигор Болли. Движения Дрифы стали резкими, он грубо нарисовал огромные ладони — одна накрыла грудь голой девушки, другая — низ живота. Немой стал качать задом, издавая тихие рычащие звуки...

— Значит, вот оно как... — протянул Дуги. Ему стало совсем не по себе — в животе что-то сжималось, сердце застучало чаще. Дрифа дорисовал на руке девушки длинный палец, который уперся прямо в грудь Бренна, а на лице скорпа изобразил кривой оскал — Вислоусый ликовал.

— Чтооо... — Дуги не мог поверить в то, что сообщал ему немой порх. — Ты хочешь сказать, что эта ревнивая дура, обозлившись на Бренна, донесла на него скорпу!? — он в отчаянье тряс огромного порха за рубаху на груди, а тот кивал и кивал большой головой, подтверждая ужасную догадку. — Но как вдруг Лея сошлась с Зигором, и узнала, что он рыщет в поисках Бренна?! Как это могло быть? Ты где увидел их вместе, Дрифа?!

Немой мигал маленькими глазками, сопел, вникая в заданный вопрос, затем отрицательно качнул тяжелой головой, снова взял уголек — и волосы у девушки завились локонами, а на лице появился маленький, как вишня рот.

Дуги обмер. — *Этого не может быть?* Но он уже знал в глубине души, что может. — *Он ее принудил, надругался? Ты видел!* — *задышал над ухом порха Дуги, но тот с силой замотал головой, протяжно замычал и потянулся кончиком уголька к рисунку. Два штриха — и тут же маленький рот Мелены растянулся в большой — до ушей — улыбке. Мелена была довольна — она сама отдалась этому гаду.*

— Не Лея!! Мелена! — прошипел сквозь сжатые зубы Дуги. — *Мля... Какая же дура его сестра!*

Слушая его, карлик становился все мрачнее.

— Она связалась с Вислоусым, это... — губы Дуги дрожали.

— Я знаю, кто это, — жестко кивнул Хаган.

— Похоже, он ее пару недель окучивал. Видать, прознал, что Бренн к нам ходил... Или кто-то проболтался, или он запугал кого-то... Да неважно...

От того, что сестра так легко предала Бренна, которого знала с детских лет, в глазах защипало, и он опустил голову, ощущая дикий стыд, что чужие люди помогли, а в доме, который друг считал почти родным, его...

— Да ты что, никак винишь себя? — будто прочитал его мысли карлик, — даже не думай. — Если одна баба скурвилась, это еще не значит, что весь мир дерьмо...

Зигор рыгнул, и осторожно промокнул усы крахмальной салфеткой после обильного

насыщения жирными пеструнами, запеченными в сливках. Так. Ну что ж — обращаться к ловцам беглых порхов бесполезно — никто не станет искать сучонка, ведь по закону он вовсе не порх, а свободный горожанин. Сообщить Крабу? Ээ, шутишь, — алчный ушлепок скажет тебе спасибо, пошлет своих людей тайно перехватить бывшего кортавида и тут же сообщит прионсу.

Эх, если б он вовремя узнал, что ученика кузнеца велел прищучить сам прионс, свернул бы гаденьшу шею, как приказали, и делов. Ну да нечего себя обманывать — деньга за него неплохая от Тухлого была, — Зигор почесал рубец на щеке, — и все сложилось бы в лучшем виде, но сучий выкормыш не сдох вовремя и все испортил. Ну ничего — скоро он — Зигор Болли — расквитается с ним и за порванную щеку, и за позор, пережитый перед Тухлым Крабом, и за поганое унижение, когда он пропахал носом брусчатку возле крепостной стены, а змееныш вырвался и ужом скользнул в щель, гад!

Пора все поставить на свои места. Однако теперь он самолично отрубит ублюдку обе руки и голову и преподнесет на блюдечке Белому принцу. Только на кой хрен прионсу руки худородного жмурика, головы что-ль недостаточно, чтобы убедиться в смерти ублюдочного кортавида?! Дикая причуда у этих нобилей из Розаарде!

И вот когда он вытряхнет обрубки из мешка перед Лизардом, тогда все вернется на круги своя. Он вновь наденет мундир сержанта, и не тайком, как сейчас, — для охмурения дочки трактирщика, а с полным правом. Это ему еще крупно повезло, что он умолил главу городской Службы правопорядка — уroda спесивого — принять мзду за невыполнение приказа, причем отданного самим прионсом. Тот поломался, но взял, и все обошлось унизительным понижением в должности до простого стража да бесконечными насмешками бывших подчиненных... А могло обернуться по-другому, совсем скверно, и в таком случае ему, бывшему сержанту Зигору Болли, грозила жестокая порка, до года тюремного заключения... и навечное отстранение от службы. И за это — тоже должен ответить ученик кузнеца. По полной.

Он сумел все разузнать про мелкого говнюка, как только услышал о его побеге из Казаросса — с кем водился, куда ходил. И девку нужную высмотрел, и провернул все лихо, быстро, без особых затрат и усилий. Дочка трактирщика, аппетитная, сисястая с горячими темными глазами, упала ему прямо в руки, как спелая груша. Судя по глубокому вырезу лифа, в котором колыхались манящие выпуклости, — сучка изо всех сил старалась выставить напоказ свои сокровища и давненько созрела. Но ее болван-папаша подыскивал правильного богатенького женишка, хотя сучке уж за пятнадцать лет перевалило и она вся изнемогала от сокровенных желаний.

Мелена немедля повелась на его показную щедрость, холеную внешность и мундир офицера, который он приберег до лучших времен, не сдав, как положено, в интendantскую. И конечно же, добавлявший ему мужественности багровый рубец на щеке, который он якобы получил в схватке с тсакурром. И тупорылая трактирщица поверила — даже не задумалась, где он мог схватиться с хищным монстром. Пару раз он сводил ее в купеческую ресторацию «Голубь и лилия», что возле врат Маф, подарил дешевые позолоченные серьги, браслетку... и девка сомлела.

Обрадовалась, дура, — что встретила настоящего мужика, сержанта уважаемой городской службы правопорядка, крепкого, обеспеченного, который уже после трех встреч стал говорить о безумной влюбленности и совместном будущем. Он наврал ей, что его мать очень строга и благочестива, и потому лишь он не может привести ее в свой дом... Пока...

пока не подготовит будущую ее свекровь к радостной вести — ее сын нашел невинную скромную деву необыкновенной красоты, и готов подарить ей внуков...

Зигор покрывал поцелуями шею Мелены щекоча кожу усами, и дева таяла, как воск, не имея ни сил ни желания сопротивляться. После того, как он «сорвал розу ее невинности» в гостинице, что примыкала к «Голубю и лилии», считай, дело было наполовину сделано. Теперь, обещенная девка зависела от него полностью и тряслась от страха, что вдруг он ее разлюбит. — Ты ведь женишься на мне?... — шептала она, даже в страсти не забывая о важных женских заботах, и это бесило Зигора до невозможности.

— Как мать подготовлю, тут же пойдем в Храм на обряд Супружеского соединения, моя розочка... — отвечал он, посмеиваясь про себя и пользуя ее каждую ночь, как грязную хусру. Только бесплатно. И уже не церемонясь, заявил на очередном свидании: — Вот что, роза моя, чтоб наше супружество состоялось, ты должна постараться. Случайно узнал я, что Орден разыскивает одного парня, сбежавшего из Казаросса... Даже награда за него обещана немалая... Ты ведь поняла, о ком речь идет?

И Зигор с удовольствием отметил, как побледнели щеки Мелены. Он придумал для нее эту «сказку» про Орден Непорочных, поразмыслив, что по закону обвинить гаденьша вроде как не в чем, а ежели сказать, что его разыскивают жрецы, то проверить это невозможно, как и узнать, в чем именно его подозревают. Да никто и выяснять не будет — само упоминание об Ордене сразу вышибало мозги у любого.

— Вот-вот, вижу, роза моя, — ты знаешь, что брат твой младший водится с этим недоноском... А начальство наше велело способствовать Ордену всеми силами в поимке этого злостного преступника. Понимаешь?

Мелена кусала губы, не зная, что делать. Хоть Бренн и не показывался в Русалке, затаясь на время, все в семье знали, что с ним случилось, и радовались, что он вернулся живым и здоровым. Улла так вообще рыдала от облегчения, а старая бабка вроде как даже помолодела, и глаза у ней засветились. А вот ей, если честно, было все равно, — она не видала Бренна полгода, и не особо задумывалась о дружке брата, занятая своими девичьими заботами и грезами. И вообще, не простила она его! Не простила, что худародный приемши кузнеца, которого она наметила жертвой своих женских чар, не поддался... отверг ее — первую красотку квартала...

— Выследи, роза моя, — куда ходит твой брат и где прячется его беглый приятель. И сделай все быстро, споро, чтоб никто не прознал про это. Ведь если опередят тебя жрецы, и их Ловчие сами схватят преступника, то боюсь, что семейство твое сразу обвинят в сговоре с ним, раз не сообщили, куда следует.

— Но я ж не виноватая! — заныла девка, — я ж не знала, что его ищут...

— У Непорочных все быстро виноватыми становятся, — строго сказал Зигор, видя, что она уже спеклась и трясется. — А я все сделаю тихо!

Он принялся тискать ее грудь, горячо шепча прямо в ухо: — За тебя тревожусь — обвинят тебя в разврате, опозорят на весь город, и вместо того, чтобы пойти со мной в Храм на Супружеское соединение, пойдешь прямиком в самый злачный Веселый дом, из которого лет через десять выползешь дряхлой лысой бесплодной старухой. Или еще лучше — вырежут тебе ноздри и отошлют в Храм Плодородия свиней грудями кормить...

Мелена затряслась, покрывшись холодным потом, да и закивала часто-часто, цепляясь за его ремень. Поимев еще раз покорную запуганную насмерть девку, удовлетворенный скорп оставил ее на смятых простынях, собираясь плотно пообедать в «Голубе и лилии»,

только без нее, — тратиться на Мелену надобности уже не было. Замуж она за меня собралась, — ухмыльнулся Зигор, вспоминая похабные подробности проведенной с ней ночи. Теперь подождать малость, — и дело с сучонком решится. Пожалуй, он еще позабавится пару-тройку недель с сочной дурой, благо она старается потрафить, убажывая его как самая прожженная шлюха. И это неплохо. Ну а когда обрыднет ему, продаст Тухлому Крабу, — в Козаросса всегда требуются аппетитные сучки для представлений. Он вообразил, как голую обриту дочку трактирщика охаживают кнутом по гладким ягодицам, и почувал, что в штанах опять стало жарко и тесно, хотя он полночи тешил плоть с горячей девкой.

Глава 21. Сумерки

Девчонка, которую он вытащил из капища, оказалась, вполне себе ничего. Даже вспоминать тошно, что он был готов, ну, почти готов — оставить ее на черном камне и быстрее свалить из смрадного жуткого места. Окруженная вниманием сердобольных комедиантов и отогревшись сердцем, Айви немного пришла в себя, хотя очень расстраивалась, что память не возвращается. Может, и к лучшему, — думал про себя Бренн. Да, он не скрыл от Айви, что с ней творили в капище, но отлично понимал, что одно дело, когда ты узнаешь о чем-то ужасном с чужих слов, и совсем другое — когда память обрушивается на тебя, как топор.

Хаган пытался выяснить, с чего это она грохнулась в обморок на выходе из шатра, и Айви старательно сосредотачивалась, сдвигая золотистые брови и прикрыв глаза, но лишь тихо повторяла «я помню лишь кровь на темных волосах, и ужасное отчаянье... и больше ничего»... — Но почему ты кричала «жасмин!»», чем тебя так перепугал душистый цветок, — удивлялся Хаган. — А ведь тебе стало худо, когда ты увидела нашего кудрявого песнопевца... Чудится мне, что Арно напомнил тебе кого-то...

— И этот кто-то, похоже, уже на том свете... — буркнул Бренн карлику так, чтобы не услышала Айви, огорченно качая пушистой головкой. Он уже было рванул из шатра, в ночь, мерцающими праздничными огнями, чтобы еще раз издалека посмотреть на громаду королевского дворца, но Айви увязалась за ним, убедив, что не станет путаться под ногами. — Вдруг я случайно увижу что-то знакомое, — места, людей... запахи, и вспомню немного больше, — обосновала она свою настойчивость.

Подумав, Бренн согласился, и повеселевшая Айви сразу успокоилась и даже захихикала, когда Хаган, пошуровав в недрах сундука, напялил ему на голову парик из длинных каштановых волос. — Не вздумай снимать, парень! — пригрозил он коротким пальцем. — Не испытывай судьбу, — один раз ты чудом увернулся из цепких когтей неудачи, да еще и деву пригожую к нам притащил, но второй раз...

— Да понял я, понял, — кивнул Бренн, с раздражением отбрасывая темные пряди, лезущие в глаза. Он понимал, что поступает глупо, и что карлик прав, — не стоит дразнить судьбу, но не верил, что в толпах гуляющих и праздничной кутерьме он опять столкнется с Зигором. Тем более, в актерском парике, который совершенно менял его внешность. А вот Айви его порадовала. Казалось, она не могла насытиться всем, что видела и слышала, разглядывала улицы и площади, поднималась по лестницам, что вели на верхние ярусы города, всматривалась в лица, прислушивалась к разговорам и даже принималась, смешно морща маленький нос. Ей все нравилось — и шум, и вульгарные песни хмельных горожан, и аппетитные запахи шипящего в уличных жаровнях мяса, и брызнувший на подбородок сладкий сок вишен из горячей пышки, которую ей купил Бренн. Но воспоминания не возвращались к ней. Однако Бренн заметил, что она замирала на месте, когда видела на улицах порхов-уборщиков, носильщиков или порхов-сторожей, что сидели на цепи вместо собак. В эти моменты лицо Айви становилось неподвижным, будто она силилась что-то поймать, схватить, вспомнить... и это что-то ей не особо нравилось.

Она очень разволновалась, особенно, когда они подошли к широкому, заполненному людьми и каретами кольцу, окружавшему стену Розстейнар. Напротив врат Вермунда возле портика одного из старых особняков, Бренн остановился и молча стал смотреть на

подсвеченный в ночи дворец Розаарде. Айви ни о чем его не спрашивала, чувствуя, что он сейчас где-то очень далеко, и ни ей, и никому другому, там места нет.

Зигор прищурился, оглядывая площадь — вот этот убогий уличный театрик с погаными актеришками. Уличные фонари горели в этот темный предрассветный час, и на площади Сухого дуба еще толкались пьяные горожане, раздавались осипшие голоса, обрывки вялой брани и хриплых подвываний вместо песен. Упившихся горожан, храпевших возле стен кабаков и бочек, укладывали рядами в специальные повозки, чтобы отвезти их в Хмельной Дом, где под присмотром дюжих охранников они будут приходить в себя и оплачивать штраф. Здесь же всю трудились порхи-уборщики, вычищая самые грязные участки площади и прилегающих к ней улочек.

Сколоченная высокая сцена с занавесом была пуста. Но Зигор не собирался искать грязного раба, шаря по фургонам комедиантов. Даже если он сейчас здесь затихарился, актеришки в своем праве не выдавать свободного, и прищучить их всерьез будет затруднительно. Потому все надо делать грубым наскоком, чтобы сразу задавить малейшее сопротивление. За сценой в шатре не спали — он слышал обрывки слов, тихих восклицаний, — и резко откинув полог, Зигор шагнул внутрь.

— Где прячется подмастерье кузнеца, коего разыскивает Орден Непорочных? — рявкнул Зигор, с прищуром оглядывая небольшую группу оторопевших комедиантов. Поганого ублюдка среди них не было, а вот его приятель — кудрявый сынок трактирщика сидел за столом с кружкой пива! И это очень порадовало Зигора. Значит, и канавочный отброс где-то рядом. Он привычно оценивал перепуганных актеришек — две худые девки, пожилой горбоносый мужик — похоже, сам хозяин Гримар, карлик и брат сучонки Мелены не представляют никакой угрозы... а вот дюжий парнище с широченной спиной и мускулами борца может доставить неприятностей. Опытный скорп не собирался давать им время, чтобы очнуться от испуга и неожиданности. — Или желаете, чтоб ваш балаган пожгли, а вас, тупорылых, загребли в Узилище за сокрытие злодея, служащего скверне!

Оцепеневшему Дуги казалось, что весь воздух в его груди разом закончился — мысли лихорадочно бились в голове, но он не знал, не понимал, что делать! С сундука в замешательстве поднялся старик: — Да что же вы нас мирных людей, пугаете, господин офицер, — вы ж видите — нет среди нас никаких злодеев, — зачастил он. Ишь, сторбил спину, старается казаться безобидным, — отметил про себя Зигор. — А глаза то так и мечутся, как у крысы, — борода топорщится, глаз дергается...

— А цирковые в фургонах дрыхнут без задних ног, — продолжал Гримар, — намаялись за целый день народ потешать... Фокусы да пантомимы...

— Упорствуете, гниды! — оборвал старика Зигор, оттолкнув его в сторону. Хищно обведя всех взглядом, он вдруг шагнул к сундуку, схватив за волосы спящего на нем Стефана, и прижал лезвие длинного кинжала к тонкой шейке. Ребенок завизжал. Побелевшая как снег, Лея в ужасе подалась вперед...

— На место, тварь! — Зигор сильнее вдавил лезвие в кожу Стефана, сучившего ножками в воздухе. Руни Бо с перекошенным от гнева лицом, сжав тяжелую жонглерскую булаву, уж двинулся было к Зигору, но Хаган вцепился в твердую как железо руку силача: — Спокойно, Бо. Ты ведь не хочешь гнить в камере или на рудниках за нападение на представителя власти, правда? Мы все решим мирно, Бо, вот увидишь...

Стефан ревел, протягивая ручонки к матери, упавшей на колени перед скорпом.

Прекрасное лицо Леи на глазах постарело, изуродованное страхом за ребенка. Старого Гримара трясло, — он стоял, онемев, и лишь открывал рот, как выброшенная на берег рыба.

— Здесь нет преступников, господин офицер, вы можете осмотреть фургоны, шатер, заглянуть в загон с животными... — заторопилась Славия, пытаясь флиртовать со страшным гостем, выпятив худенькую грудь, и растянув губы в вынужденной улыбке.

— Чтобы твой хахаль ударил мне в спину, уродина худосочная! Считаешь меня дураком?! — Зигор с презрением смотрел на девушку. — Сейчас я отрежу щенку ухо, и вы сами притащите сюда гнилого уroda? Ведь так, старче? — ухмыльнулся Вислоусый, вперивая взгляд в дядьку Гримара.

— Его здесь нет... — дрожащим голосом произнес тот, — он давно ушел, господин офицер... Отпустите малыша, — по морщинистым щекам потекли слезы.

— И куда же он отправился, старый козел? Быстрее! Отвечай! — В нетерпении скорп надавил на детское горло, и лезвие окрасилось кровью, сочащейся из пореза. Ребенок зашелся криком. Лея так и стояла на коленях, тяжело дыша и не сводя глаз с вопящего Стефана.

— Ээ... э, — хозяин «Всякой всячины» заикался, не в силах произнести ни слова.

— Откуда же нам знать, господин офицер... — с легким поклоном ответил за старика Хаган. — Он пришлый, и сам себе хозяин... Упомянул как-то, что, мол собирается поискать счастья на Тейгу, — размеренно и спокойно повторил Хаган, равнодушно глядя в глаза скорпа из-под полуприкрытых век.

— А ты не брешешь, колченогий недоросток? — поджал губы Вислоусый, сверля карлика подозрительным взглядом, и вдруг с оттягом ударил плачущего мальчика по лицу, разбив ему рот и нос.... И Стефан обвис в его руке, давясь и захлебываясь кровью. — Ежели щенок не заткнется, я заткну его сам!

Руни Бо тяжело дышал, его лицо побагровело, но он сдержался, успев схватить за шею рванувшуюся было к ребенку Лею и откинуть ее себе за спину.

— К чему нам, простым комедиантам, связываться с могущественным Орденом Непорочных, который разыскивает никчемного ремесленника, господин офицер, — даже не глянув на ребенка и Лею, ответил карлик, доставая из кармана кучку цветных камешков и принимаясь жонглировать ими.

Чуть улыбаясь, Хаган небрежно подбрасывал и ловил прозрачные камушки, вспыхивающие в свете масляной лампы. И на миг зацепившись взглядом за искристый круговорот, Зигор уже не мог оторвать тупой взгляд от мелькающих в ладонях карлика капель света. Пальцы, вцепившиеся в волосы Стефана, ослабли, разжались — и малыш упал на доски. Но не заплакал, — также, как и его мучитель, ребенок заворуженно смотрел на камешки. Быстро подползшая на коленях Лея взяла его на руки и осторожно попятилась назад. А Хаган не спеша приближался к скорпу, жонглируя до тех пор, пока из вялой кисти Зигора не выпал кинжал, воткнувшись острием в щелястые доски.

Со стеклянными глазами Вислоусый грузно осел, проехав спиной по опорному шатровому столбу. Карлик помахал ладонью перед его мутными глазами, и сообщил: — У нас есть часа два, пожалуй...

— Через четверть часа выезжаем! — рявкнул, не дослушав карлика, Гримар, вновь обретя свой крутой нрав, хотя минуту назад трясся и обливался слезами. — Неровен час нам кишки выпустят, а они тут балаболят... Поднимай всех!

— Ша! — резко поднял руку карлик. — Не суетись, дядька Гримар, покинуть город мы

не успеем в любом случае — если захотят — остановят на воротах. Да только никому мы не нужны. Против нас ничего нет... понимаешь? И угрозы этого тупого скорпа — полная брехня! В одиночку облавы не проводят — ни скорпы-мусорщики в Канаве, ни Ловчие Ордена, ни ловцы беглых порхов. По всему видать — это личные счета Вислоусого с нашим парнем, Гримар! Видал у него морду порванную — так то зубы волчонка Бренна на ней отпечатались...

Силач Бо заржал во все горло, закидывая коротко стриженную голову. Вместе с хохотом он сбрасывал ломавшее его напряжение, от которого он едва отошел, поняв, что маленький Стефан в безопасности и уже энергично сосет грудь Леи, чтобы быстрее утешиться.

— Хаган прав, Гримар. Бегут виновные, а мы чисты, как слеза тсаккура, — заявил Бо, хлопнув по спине ввалившегося в шатер и ничего не понимающего сонного Дана, которого разбудил шум. Бо толкнул его к сидевшему у столба скорпу: — Давай-ка, Дан-братан, оттащим служителя порядка поближе к трактиру, и сунем в руку бутылку с элем. Как очнется — так и упьется.

— Хватит балаболить, — на плечо Хагана легла ладонь хозяина «Всякой всячины». Хмуро глянув на карлика, он сказал жестко и коротко: — Будь по-твоему, Хаган. Остаемся. Но я не смогу противиться, если кто-то еще заявится к нам с оружием и потребует указать, где твой Бренн. Хорошо — пусть будет наш Бренн, — уточнил Гримар, увидав сдвинутые брови карлика, — коль мы знаем его с детства, и он всегда нам помогал. Но я не стану менять наши шкуры на его жизнь, Хаган, — они мне дороги. И оправдываться я не стану. Я сделал все, что мог, и я возьму его с собой, в Массар, как обещал, но дальше — воля Светлосияющего. Так ему и передай.

Дуги стоял, стиснув зубы, и чувствовал себя болваном и полной рохлей... Мало того, что Мелена предала Бренна, так еще и подставила его друзей... А он...

— Ты вот что, Дуг, — прервал его горькие думы карлик, сжав ему плечо, — хорош херней страдать... И корить себя не за что. Даже Бо ничего не смог бы ничего сделать, когда у горлышка Стефана лезвие плясало...

Хаган тяжело вздохнул и улыбнулся: — Топай домой, и не спеши, дай кругалю — иди через порт, ветерок соленый поглубже вдохни. И веди себя, как ни в чем ни бывало, а сеструхе своей все выскажешь потом — когда Бренн будет в безопасности. Не раньше.

— Нет, — я должен найти и предупредить Бренна и...

Карлик встряхнул Дуги за рубаху на уровне живота — выше не доставал. — Не ты должен! А я, потому что знаю, где он сейчас бродит. Я его найду...

Дуги невольно бросил взгляд на низкорослую фигуру с короткими кривыми ногами. Ему не хотелось обижать карлика, но все зашло слишком далеко, чтобы подбирать выражения. — Хаган, ты прости, но думаю, я быстрее его отыщу...

— И ты шибко ошибаешься, большой длинноногий парень! — Хаган схватился за ходули на упругих пружинах, легко подбросил себя вверх, вбив ступни в жесткие «стремена» и, сделав длинный прыжок, растворился в густых синих сумерках.

Бренн гладил морду Пепла, мрачно кивая в ответ на указания Хагана. — У взморья спрячешься в скалах... Когда угроза минует, доберешься до деревушки Тюретто, что в двух днях пути от Бхаддуара. Любит наш старче Гримар те места... — карлик усмехнулся, — жена его первая оттуда родом, вот он обязательно туда фургоны ведет, чтоб вроде как

невзначай ее увидеть. Так по кругу и ходим...

— И что — до сих пор страдает по ней? — рассеянно спросил Бренн, поддерживая разговор. — Она ведь старая наверно?

— Годы любви не помеха, мальчик. В общем, неважно... За Пеплом наблюдай, — он мой свист за миллю слышит, так что, как прибудем в Тюретто, не потеряемся... — продолжал свои наставления карлик. — Иди вдоль побережья, на тракт выходи с оглядкой, а лучше — вообще не суйся, чтоб взгляды чужаков к тебе не липли. А мы кругалю дадим по окрестностям Бхаддуара, потом на Прибрежный тракт вывернем, тебя подберем и полегоньку двинем к Массару...

У Бренна на этот счет были свои соображения — он и так подставил людей, которые ему помогли — не отказались прикрыть такого «гнилого» гостя, как он. В груди что-то сжималось, лишь только он начинал размышлять о том, чем могла закончиться вся эта ночная «праздничная миниатюра» с явлением в театре Вислоусого. Но он не позволял себе отмахнуться и утешиться тем, что все вроде бы закончилось удачно.

Удачно? То что, все обошлось — лишь счастливая случайность, которую голыми руками сотворил умелец Хаган, используя ядзу. Если бы не карлик, разъяренный говнюк Зигор, не задумываясь, зарезал бы малыша Стефана, и тогда силач Бо свернул бы скорпу его толстую шею, — а это уже означало гибель всей труппы...

И именно так все и должно было произойти, если бы не вмешался хитроумный хромой бог удачи Перу-Пели. А теперь — после того страха, что натерпелись из-за него актеры и циркачи «Всякой всячины», он навяжется им в попутчики? Нет, такое дерьмо он не горазд им подсунуть.

Вот Айви можно оставлять спокойно — в труппе ей ничего не грозит, тем более, что новообретенная «подружка» приглянулась дядьке Гримару своей красотой и манерами. Обучит всему и сделает из нее способную атерку — это уж точно. Может, и замуж ее пристроит. За Дана, к примеру...

Он все спланировал. Но его планы были нарушены самой Айви. Поначалу она возилась с рыдающей Леей, которая никак не могла успокоится, обнимала, грела ей сладкое вино, и к удивлению Бренна, Лея вполне доброжелательно принимала ее утешения. Потом ни на шаг не отходила от Хагана, настойчиво выведывая все подробности ночного события, которое едва не привело к трагедии. И в конце концов, с решительным выражением лица заявила Бренну, что едет с ним в Тюретто, ждать фургоны «Всякой всячины».

— Ополоумела? К чему эти выкрутасы, Айви? Встретимся там...

— Я еду с тобой, злодей Бренн. Неужто непонятно, что если и будут искать — то одиночку, а не брата с сестрой, что возвращаются в село с городского праздника?

Стараясь выглядеть как можно строже, сухо ответил: — Ты остаешься. Тебя никто не ищет, и здесь ты будешь всегда сыта и в безопасности — Хаган присмотрит.

Но девушка помотала головой так энергично, что четыре золотисто-медные косы запрыгали по спине: — Я не твоя порха — и нечего мне приказывать. Не возьмешь, сама пойду за тобой. Пешком, — с угрозой заявила она.

— Давай уже решай! — зашипел Хаган. — Может она и права — искать будут одного парня, без девки, а тут двое голубков едут...

Бренн пожал плечом и хмуро глянув на Айви, кивнул. Она бросила на него быстрый ехидный взгляд и ловко запрыгнула в повозку.

— До встречи, дети мои, — сверкнул белыми острыми зубами Хаган, и пристально посмотрел в глаза Бренну, — даже если и не до скорой, парнище.

Помолчав, карлик нехотя передал Бренну слова дядьки Гримара, и виновато глянул на него из-под длинной челки, приготовившись к упрекам. Бренн хмыкнул и крепко обнял друга, не ожидавшего такой реакции. — Передай старику, что я был бы поганым храфном, если б отплатил ему черной неблагодарностью... — заявил он, — как и всем вам... Как и всем вам, Хаган.

В полутьме, окутывавшей утомившийся ночными празднествами города, по бульжной мостовой катилась одна из повозок «Всякой всячины», в которую запрягли Пепла и его дружка — тихого ласкового Гнедка. Над поводьями, покачиваясь, дремал пьяный Тук. Когда лошади доходили до перекрестков, они чуть всхрапывали, подавая знак. Приоткрыв один глаз, Тук задавал направление, и снова закрывал глаз до следующего поворота или развилки.

Бренна распирало от водоворота ощущений. Он мучился, чувствуя себя виноватым перед друзьями, его жгло нетерпение оторваться от своих преследователей и в то же время он твердо решил остаться здесь, в Бхаддуаре, — рядом с миром, в который ему пока не было доступа...

Мелена... Он и верил, и не мог поверить, что сестра Дуги, так небрежно швырнула его жизнь под ноги вислоусому красавцу-уроду, который влюбил ее в себя. Само собой, ее припугнули, — не без этого, но почему-то казалось, что она и так бы продала его, — из-за мести, да и просто, чтобы угодить любовнику. Во рту стало горько. Плевать! Ему худо, а каково сейчас Дуги? — в сто раз хуже. Ну ничего — скоро они увидятся, он ободрит Дуги, и все станет по-прежнему. Надо лишь немного потерпеть, чтобы отдышаться, сбить врагов со следа, встретить балаган в Тюретто, и... вернуться в Бхаддуар.

Бренн вздохнул, вспомнив, как уговорил Хагана, что не может уехать вот так, не попрощавшись с опекуном. Врал, само собой. Прощаться незачем, ведь через месяц-два они встретятся. Жизнь жестко вбила в мозги требование обуздывать свои порывы, и возвращаясь на Вишневую, он был настороже, понимая, что за домом могут наблюдать как люди Тухлого Краба, разъяренного побегом порха, так и Ловчие Непорочных, если Жрец всерьез заинтересовался его даром.

Повезло. Квартал не спал, гулял. Ворота во двор кузницы были распахнуты, хотя до утра было еще далеко. Звон молотов, гомон, фырканье лошадей. Рабочий двор был забит повозками со снятыми колесами, и конями, ожидающими своих подков. Сновали работники, которых раньше Бренн не видел, и это радовало — за полгода дело расширилось, и дел в кузне Морая явно прибавилось. Увидав Якоба, дающего распоряжения подмастерьям, Бренн чуть ссутулился, хотя парик с длинными темными волосами и так делал его неузнаваемым. Морая во дворе он не заметил. Вот и ладно. Скользнул в дом через задний вход и тут же наткнулся на опекуна.

— Афи, не сердись, афи, — зачастил Бренн. Лицо Морая стало таким мрачным и расстроенным при виде приема, что у него защемило в груди. — Я на секунду! Не мог не повидаться!

Слава Синдри, он сумел успокоить его, уверив, что на время покинет Бхаддуар от греха подальше. И тут же попросив, чтобы Морай в свою очередь пообещал не мешкая отправиться в Казаросса и выкупить Микко.

— Ты правда хочешь, чтобы я купил свободу для твоего приятеля-кортавида, продав эту

шпуку с севера? Ты уверен? — Кузнец с уважением разглядывал тяжелые часы, покачивая их на широкой мозолистой ладони. — Не пожалеешь? Редкая вещь, ценная...

— Не пожалею, — твердо ответил Бренн, стараясь не смотреть на подарок энраддского герцога. — Микко важнее. И обещай, прошу тебя, афи, что оставишь его работником, если он сам этого захочет.

У Львиных ворот стояло несколько повозок, да понуро сидели у стены пять десятков скованных шейными вилами порхов, которых погонят в рудники Змеиных гор. Полусонные трезвые и злые стражники, переругиваясь, едва глянули на спящих девку с парнем, завистливо приняхались к источающему мощный перегар Туку, и махнули рукой, чтоб поскорее отвязаться.

От внутренних врат до наружных повозка полтора десятка метров катила по «каменной кишке»-коридору, длина которого равнялась толщине городской стены. В свете редких факелов просматривались ряды узких отверстий-бойниц, которым были сплошь «продырявлены» стены коридора. Из них, в случае тревоги, вылетали сотни болтов, пробивающие любой доспех. Болты вылетали сразу, как начальник стражи опускал хитрый рычаг, и это изобретение было одной из надежных мер, предотвращающих проникновение в столицу или побега из нее нежелательных элементов. И хотя войн, мятежей или бунтов в Лааре не знали много веков, система безопасности время от времени проходила проверку.

Она же была причиной нескольких трагических случаев — когда рычаг нажимал осоловевший от синюхи стражник, и десятки селян и торговцев, находившихся в этот момент в «кишке», были продырявлены вместе с женами, детьми и скотом.

Когда ворота остались позади, Бренн подсел к Туку и глубоко вдохнул. С моря тянуло свежей прохладой. Он расслабился, но смутная тоска в сердце не проходила. Далеко на востоке предрассветное небо чуть посветлело, и на его фоне громада энраддского корабля, висевшего на причальной мачте, казалась черной пузатой рыбой.

Мощеная ровными плитами дорога, через пару миль, у огромного постоянного двора «Теплый приют», как река расходилась тремя притоками. К югу она перетекала в широкий Южный тракт, что вел к предгорьям и острозубому Змеиному хребту, разбегаясь по провинциям множеством ответвлений. На восток, упираясь в предлесье Дивного урочища, был проложен Восточный тракт, по пути расходясь паутиной больших и малых дорог, пересекающих множество провинций Лаара. Вдоль взморья мимо больших и малых бухт тянулся тракт Прибрежный, к которому стекались дороги от портовых городов и рыбацких деревень. Он добирался до Массара — самой крайней провинции на востоке. Там проходила «пограничная» полоса бурно разрастающегося Дивного леса, который агрессивно захватывал даже отвесные утесы, подобравшись к самому Лютому океану.

Глава 22. Сосуны

Метровая самка хамелеона с тремя мерзкими роговыми выростами над выпученными конусом глазами неспешно перемещала корявые лапы с цепкими пальцами по такой же корявой ветви дерева, выискивая добычу. Дерево было погружено в грунт и закреплено в огромной учебной лаборатории, предназначенной для эфебов Непорочных. Подарок Жреца пришелся по душе его ученику — прионсу Лизарду, обожавшему уродливых и самых страшных тварей со всех концов мира.

— Она прекрасна! — удовлетворенно рассматривал плотоядную тварь Лизард. — Но мне бы еще хотелось занять парочку взрослых сосунов, что обитают в Ржавых топях Манчака. У них, говорят, мясистые языки выстреливают на десяток метров, хватают человека и высасывают его... Долго. Это интересно. Думаю, что казни преступников с использованием подобных чудовищ будут очень востребованы у черни...

Лизард прищурил бледные глаза, погружаясь в фантазии, и вдруг хлестнул хамелеона узким стеклом по скрученному вокруг ветви хвоста. Жесткий пилообразный спинной гребень напрягся, и самка издала мерзкое шипение. Ее грязно-коричневое, с желтыми и красными пятнами тело, почернело. Глаза закрутились в разные стороны.

— Чует угрозу. Осторожнее, мой прионс, у нее чрезвычайно острые зубы, — посмеиваясь, предупредил ученика Жрец.

— Сейчас я ее задобрю, — ухмыльнулся Лизард, направившись к клетке с крупными белыми мышами, стоящей рядом с рядами выпуклых и вогнутых зеркал и хрустальными сосудами разных видов и размеров. В дверь робко постучали, и по знаку Жреца порх распахнул створки.

— Ваше Высочество, великодушно прошу простить за нарушение вашего уединения, но посыльный принес срочное сообщение от сержанта Службы порядка Зигора Болли, кое по его словам, очень вас заинтересует... и я опасаясь, что ненароком...

— Дай сюда, — оборвал стража Лизард, протягивая руку, и быстро пробежал глазами по бумаге. Его губы поджалась, на щеках заалели два красных пятна. Скаах ан Хар насторожился, не отводя от прионса взгляда из-под темно-багровых очков.

— Срочно передать Начальнику Городской службы порядка — перехватить на городских воротах простолюдина из Грайорде. Задействовать все силы. Скрутить и доставить ко мне, — приказал Белый принц. Не дожидаясь вопросов о внешности разыскиваемого, он коротко описал его обрывистыми фразами: белобрысый, невысокий, крепкий, лет пятнадцати, на щеке светлый след от старого шрама, на руке выше локтя — татуировка.

— Хватать всех худородных этого возраста или же немедля сообщить, через какие ворота преступник вышел из города. Задержать сержанта Зигора Болли до выяснения всех деталей — если его сведения правдивы, он получит достойное вознаграждение. Пшел! — заорал прионс на стража, яростно хлестнув стеклом. Со стола посыпались колбы и реторты, наполняя лабораторию взрывами битого стекла.

— Чем так насолил вам малолетний простец? — равнодушно спросил Жрец, внешне не проявляя никакого интереса.

— Ублюдок оскорбил меня, — нехотя буркнул Лизард, — и заплатит за это своей ничтожной жизнью.

— Вполне справедливо, вполне справедливо... — рассеянно пробормотал Скаах ан Хар, и поманил пальцем стоящего в углу молодого порха. Тот быстро подбежал, перемещаясь по-собачьи, и с готовностью открыл рот. Жрец ловко влил в него темно-бурую жидкость из стеклянной пробирки, и подопытный послушно проглотил ее. — Посмотрим, как будет действовать наша микстурка в этих пропорциях...

Жрец щелкнул суставом длинного пальца, пристально посмотрев на порха, и тот, попятившись, неслышной тенью выскользнул за дверь. Скаах задумчиво перемещал на столе пузатые колбы, мельком посматривая на погруженного в себя Лизарда, на губах которого играла напряженная усмешка, кривившая его красивый рот. Жрец не поверил своему высокородному ученику — слишком эмоционально реагировал прионс на сведения об этом простолюдине, даже не сумев скрыть возбуждение.

Вполне возможно, что прионс, будучи любителем разнополых объектов для утех, разъярился, получив от смазливой юноши из Нижнего города отпор на свои домогательства... Только не в характере прионса гоняться за худародным... И кроме того, Жрец чуял исходящее от «оскорбленного» в лучших чувствах прионса избыточное беспокойство по поводу этого простолюдина. Навязчивую идею не только жестоко наказывать наглого юношу, что было ожидаемо, а непременно умертвить его.

Бывший сержант Службы порядка и спокойствия, разжалованный до простого караульного, Зигор Болли заговорил, захлебываясь соплями. Не удивительно — он висел вверх ногами, голый, со стиснутыми клещами крупными волосатыми яйцами. Как у хряка, — решил Жрец, внимательно разглядывая гениталии скорпа. Если тот на миг запинаясь, палач сжимал свое орудие, и под сводами древней пыточной камеры раздавался страшный вопль. Правда, говорить Болли начал гораздо раньше, но Отец Непорочных считал, что боль подстегивает, подбадривает допрашиваемого и значительно ускоряет процесс получения информации.

Что касается излишне жестких методов допроса, в которых его так часто упрекала Элмера Милостивая, то Скаах ан Хар подходил к этому вопросу с практической точки зрения. К чему тратить драгоценное ядзу, чтобы порыться в голове заурядного служителя порядка, если прекрасно работали древнейшие людские способы развязывания языка. Ржавые клещи, лучше раскаленные, — и никаких изысков. Просто и эффективно.

Слушая Зигора Болли, Жрец потирал кончики длинных пальцев, вспотевших от волнения. Значит, Лизард разыскивает того самого порха из Казаросса — бывшего ученика кузнеца — которого он сам хотел приобрести у Тухлого Краба. Рыхлое тело Скааха невольно содрогнулось, когда он вспомнил воздействие ужасающих вспышек ядзу, исходивших от молодого кортавида в Аквариуме. Рот наполнился кисло-горькой слюной, и он с омерзением харкнул на съездившийся половой орган подвешенного за лодыжки Болли, под которым натекла лужа мочи. Чуть успокоившись видом обоссавшегося скорпа, Скаах ан Хар вязал и увязывал отдельные фрагменты. Он понял, что в первый раз ощутил этот неистовый запах ядзу в Казароссе, а позднее — в старом разломе скалы у подземного Капища. Теперь у него есть «след» сбежавшего от него порха. И он отыщет его.

— Развращать чистых дев — это чревато... — нравоучительно заявил Жрец, улыбнувшись скорпу. — Ослушаться приказа начальства — это чревато. Заниматься незаконной продажей свободных подданных, и не платить долги — совсем нехорошо...

Он укоризненно пощелкал языком, продолжая свои размышления. Зачем прионсу этот

щенок? Неужто он тоже охотится за ним из-за его силы? Но где он мог ощутить ее, откуда узнать, ведь даже проверка на Суде ядзу показала, что простолюдин «пуст», как дырявый горшок. Вот уж загвоздка, которой пока нет объяснения. А ведь он лично с пристрастием допрашивал дознавателей Раума, проводивших проверку недоросля на скверну, — все было чисто. Он потратил время на беседу с лекаришкой-димедом Барнабасом, и тот с пеной у рта, корчась от боли, уверял, что ученик кузнеца Бренн Ардан тринадцати лет от роду, незаконно применял ядзу с целью излечения отравленного и обожженного ядом медуз сына трактирщика. Что являлось преступлением. Эти факты подтвердил и прыщавый подручный лекаря, который обгадился, лишь увидав пыточный инструментарий, еще до применения жесткого допроса.

— Приберись! — равнодушно бросил Отец Непорочных, поворачиваясь к двери. — Хотя нет! — остановил он палача, уже поднявшего тяжелую булаву с длинными железными шипами, чтобы размозжить голову дрыгающемуся на цепи скорпу. — Опустит, чтоб продышался. Дай воды и жди указаний.

Краснорожий бугай ослабил цепь, и лицо Зигора погрузилось в лужу мочи, проникшей ему в рот и ноздри и пропитавшей обвисшие усы. — Хлебай, сука, не привередничай, — заржал палач.

Сохраняя внешнее бесстрашие, Жрец однако был сильно уязвлен тем, что какой-то недалекий скорп, топорно подойдя к делу, сумел выследить порха, соблазнив дочку трактирщика и принудив ее «к сотрудничеству». Его бесило такое незамысловатое, но эффективное «расследование», которое провел Зигор Болли. А он, Отец Непорочных, имеющий в арсенале любые средства, просрал столь важный для себя «приз». Скаах оправдывал себя тем, что узнав о побеге, был уверен — порх покинул столицу. В той ситуации это казалось естественным. И все же он был небрежен в поисках. Надо было изучить всех друзей сбежавшего из Казаросса порха и под любым предлогом допросить с пристрастием каждого! Надо было объявить о вознаграждении за сведения о нем, повесить повсюду афиши с его описанием и именем, напугать чернь тем, что он убийца и урхуд! Он, Скаах ан Хар, не сделал этого, рассчитывая, что рано или поздно будущая «овца» попадет в сети Ордена, пусть в самой дальней и убогой деревеньке.

Ведь по его повелению Ловчие надавили на людишек, что толклись вокруг опекуна мальчишки, и теперь в доме кузнеца у него были свои «глаза и уши», но щенок, судя по всему, оказался смышленным и не появлялся на Вишневой.

Кроме того, он расставил ловчие сети — осведомители Непорочных были повсюду в квартале Мастеров. И приказал всем филиалам Ордена в провинциях хватать парней четырнадцати — пятнадцати лет, на которых пало подозрение в незаконном применении ядзу. И всего этого оказалось недостаточно!

Правда, тогда он еще не знал про «пестрые» глаза, бледный шрам и накожный рисунок. Да и что скрывать от самого себя — он всерьез опасался, что такими бурными поисками заинтересуется Королева — она всегда отслеживала активности Ордена — и обратит внимание на избыточное усердие в преследовании едва достигшего совершеннолетия юнца. Ведь Элмера всем сердцем ратует за справедливые суды ядзу! Она же Милостивая. А тут — милovidный мальчонок из народа, прошедший все ужасы Казаросса, совсем юный, белокурый... Да кого он ему напоминает?! — злился Жрец.

Ну а главное — он не знал, что прионс приказал умертвить порха-кортавида на Игре.

Ведь Тухлый Краб лишь сообщил «прискорбную весть» о побеге порха и вернул полученный кошель с деньгами, и еще один — за моральный ущерб, причитая и трясая от страха жирным задом. Если бы Краб поведал о болезненном интересе Белого принца к этому порху, Жрец бы «рыл землю», чтобы добыть объект раньше него и выпытать его тайны.

— Я должен осведомить вас, мой прионс, о том, что посетивший вас человечиска из Службы Правопорядка, — а именно Зигор Болли — преступник, негодяй и предатель.

— С чего бы? Он добыл для меня нужные сведения... — нахмурился Лизард с подозрением глядя на Жреца.

— Я сразу узнал этого прохвоста — видел его в Казаросса, он продает туда свободных простолюдинов, коих похищает из...

— Не интересует! — оборвал его Лизард, шаря глазами по полкам с эликсирами. Ищет настойку желтых орехов сизу, — догадался Жрец. — Пристрастился. Это хорошо.

— Думаю вас заинтересует, что именно Болли не ликвидировал порха, как было приказано, а продал его в Казаросса, что дало простолюдину шансы выжить и сбежать...

— И этот говнюк ожидает награду?! — Лицо Белого принца стремительно покраснело. — Казнь! Прилюдная казнь на площади Искупления! — рявкнул он, брызжа слюной.

— Болли — отработанный материал, мерзавец, порочащий доброе имя Службы порядка и спокойствия, — продолжил Жрец, следя за тем, чтобы не упустить нужного ему настроения Лизарда. — Думаю, публичное наказание лишь скомпрометирует службу в глазах простого люда.

— Пожалуй, — протянул Лизард, усмехнувшись. — И что ты предлагаешь, учитель, — прионс перешел на «ты», что являлось хорошим знаком. — Может, отдать его гиеноголовым на ужин. Живьем?

— Прекрасное решение, мой прионс. Преступник мясист, выхолен и послужит неплохим блюдом для наших преданных йену. Пусть порадуются.

— Вот-вот, — сглотнул Лизард, — к ним же на корм пойдет и выродок из Грайорде! — Прионс швырнул хамелеону мышь, которую тот перехватил в воздухе длинным склизким языком, и уставился неподвижным взглядом на сцену медленного пожирания добычи. Его бледные щеки снова порозовели.

— Я всегда защищал твои интересы, мой мальчик, и потому обязан предупредить — мы поступим опрометчиво, если сразу уничтожим сей объект без пользы для тебя...

— Чем может быть полезен худородный? Мне — прионсу Лаара!? — презрительно оттопырил губу Лизард.

— Не торопись, мой мальчик! Я прошу лишь принять совет старого преданного Учителя, который желает помочь тебе. — Скаах ан Хар добродушно улыбался прионсу, сложив пухлые кисти с паучьими пальцами на округлом животе. Пожав плечом, Лизард бросил на него равнодушный взгляд и вновь уставился на сцену пережевывания самкой хамелеона еще живой мыши. — Позднее! Сейчас я не в духе выслушивать твои советы, учитель!

Упертый придурок! — бесился про себя Жрец. Нет, не просто так ты хочешь уничтожить порха, обвинив его в наглости. Ты аж трясешься от ненависти и желания растерзать худородного. Здесь кроется нечто «тухлое», и это тухлое я раскопаю. Светлые волосы, разноцветные глаза, тату на руке... — опять смутное воспоминание мелькнуло в

голове Скааха. Он закрыл глаза, втянул в себя губы и сосредоточился, пробиваясь сквозь глыбы информации, сохраненных в его цепкой памяти...

Жаль, что он не видел татуировку, о которой упомянул прионс, описывая мальчишку. Тогда, на Играх рисунок был скрыт под бронзовой краской, которой щедро полили кортавида. Но эта деталь почему-то казалась Жрецу очень важной! Скаах вспомнил, что Зигор Болли, торопясь быть полезным, рассказал, что ему было велено удушить щенка и затем отрубить ему голову и руки... Голову — понятно, чтобы Лизард мог убедиться в смерти худородного... Но руки?

Жрец заерзал, чувствуя, что приближается к вдруг вспыхнувшей в мозгу догадке, потрясшей его до холодного пота. Он пытался схватить и удержать мысль. Неужели он прав!? Отец Непорочных чуял, что сумеет вытянуть невидимую пока рыбку, увязать концы, но ему требуется еще немного информации. Что ж... Придется допросить любимого ученика, хотя это вызовет у того неприятные побочные эффекты. Ну, не в первый раз...

Владыка Тайного избегал использовать ядзу, если результата можно было добиться обычными способами, — как в ходе допроса злосчастного скорпа Болли. Но не только поэтому. Скрипя зубами от уязвленного самолюбия, он не мог не признать, что после применения силы, ощущал опустошение и мучительную головную боль... Да, да, в отличие от Элмеры Милостивой — носительницы древней крови генуса Сарэй. Но что поделаться, придется, — прионса ведь не допросишь с помощью раскаленных клещей... Жрец размял длинные пальцы, механически кивая на высокомерные рассуждения Лизарда, и снял свои круглые очки...

— Даааа... о чем я? — продолжил через пять минут побледневший, как полотно, Лизард. — Ну, да! Худородный сдохнет! — Его вырвало на роскошный ковер и он потерял сознание. Ногой толкнув прионса и повернув его на бок, Жрец подал знак порху, который тут же подполз, принявшись приводить в порядок лицо и одежду Лизарда. Затем Скаах бросил на ковер крошечный пузырек, и порх привычно приподняв Лизарду голову, влил содержимое пузыря ему в рот, осторожно удалив остатки с губ. Затем втащил его на кресло, уложив ноги на широкий пуф. Жрец дрожал, не смея поверить, что ему в руки, наконец, идет великая удача. Приемщик кузнеца оказался племянником прионса! Внебрачным сыном Рунара! Носителем крови генуса Сарэй! Теперь понятно, кого он напоминал Жрецу — Рунара в четырнадцать лет. И Лизарда, — они же близнецы. И понятно, почему Лизард скрывал, что ищет родственничка — опасался, и вполне обоснованно, что дед с бабкой признают незаконного внука. Болван — надо было сразу расправиться с племянником, а не перепоручать это важное дело подчиненным. Болван.

Жрец оголил в улыбке десны и острые зубы. Мечта его жизни — использовать священную кровь генуса в своих опытах, чтобы найти средство сравняться в силе с Королевой — приблизилась к Скааху почти вплотную. От нетерпения заполучить объект его опять затрясло. Всю жизнь он работал над этим, тайно собирая и исследуя кровь близнецов, и безжалостно уничтожая покорных его воле исполнителей, добывавших ее во время порезов, ссадин или половых утех братьев. В детстве у прионсов порой бесследно пропадали няньки, воспитатели, служанки, а после тринадцати лет — партнеры по интимным забавам, включая простолюдинок и дорогих хуср, пажей — фаворитов Лизарда, или фрейлин, которых предпочитал Рунар.

Он прекрасно видел, что Рунар много сильнее Лизарда, и терпеливо ожидал, когда он

«созреет» и наберет полную мощь. И тут прион бесмысленно погибает в дебрях Дивного леса. Жрец досадливо поморщился, вспоминая свою злость, когда он узнал о потере такого многообещающего материала. Жаль, что он не успел «порыться» в Рунаре, как в Лизарде, — тот избегал общения с Орденом, а с ним — тем более. И это уязвляло и бесило Скааха. Ну ничего — теперь в его распоряжении окажется ублюдок Рунара, который, судя по всему, перенял от отца его силу и даже превзошел его...

И все же загадка о том, кто позаботился об одном из братьев в страшном Дивном лесу, так и осталась загадкой. Тогда он ублажил Красного короля и Милостивую, стремительно проведя дознание и обвинив жреца Ирвинуса — учителя Рунара. Но выявить истинные причины не удалось, хотя к Ирвинусу применили допрос высшей степени жесткости. Ни точных доказательств, ни улик... Ничего. Хорошо, что Милостивая в то время находилась в состоянии ступора от горя, и не способна была сама заняться расследованием.

Поначалу Скаах подозревал, что это дело рук Лизарда, который смертельно завидовал брату, и чем старше становился, тем более уродливые формы принимала эта злобствующая тайная зависть. И Скаах «допросил» юного Лизарда — как и сегодня — но ничего не обнаружил, кроме извращенных половых фантазий, которые Жрец начал активно развивать и укреплять. Ведь чем больше у человека слабостей и пороков, тем легче им управлять.

Как быть? Скаах напрягся, толкнул ногой в лицо порха, лихорадочно соображая, что предпринять. Перехватить щенка из под носа у Лизарда? Не успеть. Люди прионса могут опередить его или же встретиться с эдирами — тогда возникнет конфликт, а этого допускать нельзя. Немыслимо. Пока.

Не стоит суетиться, все надо сделать гладко, — заманить Лизарда «сладким пряником», убедив его в том, что он — Скаах ан Хар — нужен ему, как воздух, как кровь... Жрец спокойно дождался «пробуждения» прионса и тут же подал ему бокал с любимым жгучепряным напитком из желтых орехов кустарника сизу, дарящих краткий эффект блаженства. — Дело в том, — не спеша заговорил Жрец, увидев, что зрачки прионса расширились, а блекло голубые глаза почернели, — что этот юнец подлого сословия владеет сильной яджу...

— И какого храфна у простолюдина вдруг обнаружился дар, который заинтересовал самого Отца Непорочных? — недоверчиво прищурился прионс.

— Я не назову причину, пока не проведу над этим сырым материалом полноценные исследования в наших лабораториях. И потому следует чуть-чуть подождать перед тем, как...

— Мне недосуг ждать, — раздраженно отмахнулся Белый принц. — Наделенные яджу простолюдины, горят также дымно и вонюче, как и обычные «пустышки», а их плоть также вкусна для гиеноголовых, как и мясо благородных представителей Розаарде. — Лизард расхохотался, показывая жемчужные зубы и встряхивая длинными светлыми локонами. Жрец еле сдержался, чтобы не закатить от досады глаза:

— Лизард, мы поступим мудро, если схватив плебея, не станем торопиться. Я лично распотрошу его и выявлю все способности. Если он окажется «пустышкой» или владеет яджу на уровне слабого димеда, мы истребим наглеца за ненужность. Если же его дар действительно многогранен, сделаем из него «овцу» и выдоим до капли, чтобы ты мог напитаться его яджу и стать еще сильнее.

Прионс усмехнулся: — Я уже испил яджу десятков выдоенных Непорочными «овец».

Будут еще десятки... Один плебей не важен...

— Этот — важен, — многозначительно и едва ли не шепотом произнес Жрец. Он владеет невероятной по силе ядзу! За много лет, я не встречал такого уровня проявлений даже у благородных отпрысков старейших генусов Лаара, которых брал себе в эфебы...

Прионс, наконец, перестал смеяться и уперся в Жреца испытующим взглядом.

— Я бы никому не раскрыл ценную информацию об этом простолюдине. Только тебе, мой принц, ибо желаю, чтобы все шло во благо моему ученику и... — Жрец сделал многозначительную паузу, — возможно... будущему властителю Лаара.

Лизард замер, не сразу сообразив, на что именно дерзнул намекнуть ему Учитель... Он сверлил Жреца черными зрачками, а его изящные ноздри раздувались от предвкушения.

— И вполне вероятно, что по силе ты сравнишься с Милостивой... или даже превзойдешь ее, — добавил Скаах.

Глаза прионса невольно метнулись в сторону портрета Элмеры Милостивой, висевшего между двух окон. Он облизал сухие губы и подошел к окну, повернувшись спиной к Жрецу. «Возбужден от приятных мыслей, и пытается скрыть это», — понял Скаах, позволив себе едва заметную усмешку, искажившую похожий на бледно-розового червя рот.

И он усилил нажим, зная, как мучительно для прионса понимание, что он никогда не сможет дотянуться до уровня своей матушки. И что скрывать — даже до уровня своего погибшего брата-близнеца. Мысли Жреца вновь обратились к Рунару — отцу разыскиваемого порха. Похоже, тот сошелся с хитрожопой сочной простолюдинкой, которая понесла от него. И никто не прознал об этом — ни Королева, которая как коршун следила за тем, чтобы у прионсов не было незаконного приплода, ни он сам, к его великой досаде.

— Теперь представь, какие возможности откроются для тебя, когда ты выдоишь хлородного досуха. Он сдохнет в долгих мучениях, как ты и желал, но сдохнет с пользой для тебя, Лизард.

— Почему же твои Ловчие до сих пор не схватили его, учитель? — зло ощерился Лизард, повернувшись к Жрецу. — Неужто не смогли выследить какого-то жалкого ублюдка?

Скаах проглотил издевку, и его лицо расплылось в улыбке. — Ты прав, мой ученик, упрекая меня в недостаточном усердии. Но среди тысяч нищевродов Бхаддуара отыскать одного, который затаился и временно не использует ядзу, очень сложно. Обычно Ловчим помогают благонадежные подданные, но щенка никто не встречал, и это понятно — в Бхаддуаре в последние недели слишком много праздников — прибытие принца Энрадда, обряд Супружеского соединения. Город лопается от прибывших на празднества гостей. Это помогло порху затеряться в огромной столице.

— И ты сможешь определить, находится ли ублюдок в городе или уже смеется над нами за стенами Бхаддуара? — спросил Лизард.

— Теперь, после допроса Зигора Болли, мы знаем, что до сего момента он находился в Бхаддуаре...

— Ну а дальше? Если он уже успел покинуть город, то пока стражи на всех воротах сообразят, выходил он или нет, или выходил кто-то похожий на него, — пройдет уйма времени.

— Не стоит беспокойства, мой прионс. Если мальчишка вышел из города, то я сумею узнать об этом быстрее привратных стражников.

Жрец улыбнулся. Запах крови, запах ядзу. Он учует их. Теперь, когда он собрал все

кусочки воедино, знал, по какой тропе в подземелье полз сын Рунара, обдирая кожу, исходя потом и оставляя яркий след, — исход предрешен.

— В моем распоряжении его жизненные соки, запах его тела, аромат ядзу, и я смогу быстро проверить все врата Бхаддуара. Чтобы было понятней, ученик, — запахи в городе ощущаются гораздо слабее, чем в отдельном помещении, то есть, в замкнутом пространстве. А врата — это арки, полузамкнутые структуры, в которых насыщенность всех субстанций концентрируется. Это поможет мне определить, находился ли объект в этой области...

— Пока ты объедешь все ворота...

— Нет нужды, мой прионс. Когда ты вырвешь силу из крови выродка, я научу тебя, как это делать, не тратя много времени.

— И ты считаешь, учитель, что «выпив» эту овцу, я смогу также как и ты, появляться в разных местах?

— Само собой, ученик, само собой, — важно кивнул Скаах, потешаясь над мечтами прионса. Теперь Лизард еще крепче будет привязан к нему, ведь без своего старого учителя он не сумеет «выдоить» отпрыска Рунара.

— Но нужно действовать без промедления! — Жрец поднялся с кресла. — И искать надо не одного парня, а парня с девкой. С его самкой. Думаю, он ее уже оприходовал.

Глава 23. Люди и механизмы

Они спускались в Зеркальный зал. Лизард явно волновался, — за все годы, пока он был эфебом Верховного жреца, ему не позволялось входить сюда. Орден хранил свои тайны. Но сегодня... сегодня Жрец решил подразнить прионса своими умениями, намекая, что совсем скоро, как только беглец окажется в подземельях Пирамиды, он научит Лизарда делать многое из того, что доступно лишь ему — Отцу Непорочных. Завидев Скааха, привратник у Зеркального зала немедленно распахнул двери. За ними, уходя во мглу, тянулся коридор с низкими арочными проемами и множеством темных помещений по обеим сторонам.

— Крыс и порха! Срочно! — властно приказал Скаах на Хар одному из эдиров, и пропустил Лизарда вперед. По мере того, как они продвигались, в арках зажигались тусклые светильники, немного рассеивающие мрак. Эхо от шагов тут же поглощалось стенами, воздух вокруг был неподвижным, холодным и вязким. — Прошу в Зеркальный зал, мой прионс, — улыбнулся Жрец, оголяя в улыбке выступающие вперед зубы.

— Зал? — усмехнулся Лизард, рассматривая низкое маленькое помещение, пахнущее пылью и временем, — скорее, тюремная камера...

— Я думаю, ты не будешь разочарован, мой мальчик, — понимающе кивнул Скаах, — здесь имеется устройство, которое очень заинтересует тебя, я уверен...

Он уселся в массивное деревянное кресло с высокой спинкой, иссеченной шрамами времени, и указал на стену из мрачного серого камня, на которой висело огромное зеркало в тяжелой оправе из позеленевшей бронзы. Зеркальное полотно было закрыто двумя створками, узор на которых рассмотреть не получалось не только из-за плохого освещения, но и из-за густого слоя паутины. Темные пятна патины виднелись и на затворе, исполненным древним мастером в виде крепко сцепленных костлявых пальцев.

— Открыть створки, — глухо прозвучал в тишине голос Жреца, но от этих слов, сказанных почти шепотом, по галерее покатилося, нарастая, гулкое эхо — створки, створки... створки...

Через минуту, показавшейся бесконечно долгой, раздался скрежещущий звук, бронзовые пальцы затвора разжались, и мрак разорвала тонкая полоска света. Она ширилась, открывая гладкую зеркальную поверхность. Мерцание, испускаемое зеркальным полотном, становилось ярче, а скрежет раскрывающихся створ распространился по арочному коридору, многократно усиливаясь и вонзаясь в уши. Лизард морщился, но молчал. Когда створки открылись до конца, в зеркале отразились сидящий в кресле Скаах и прионс, напряженно вглядывающийся сам в себя. — Терпение, мой прионс. Необходимо провести ритуал кормления Зеркала, иначе ничего не получится... — нарушил повисшую тишину бархатный глубокий голос Жреца. — Многие двери удастся открыть с помощью золота. И любые двери — с помощью крови.

Он сделал знак одному из эдиров, и тот вытолкнул к нему мальчика лет семи, который трясся, как листок на ветру. Жрец недовольно поджал губы. — Моложе не было?

Эдир согнул свое мощное тело в поклоне и что-то виновато забормотал...

Скаах ан Хар нацелил свои красные очки на лицо испуганного до ужаса ребенка, и тот, как под гипнозом, вытянул вперед ладошку. Ласково улыбаясь, Жрец вдруг резко потянул к себе детскую руку, и костяной нож, внезапно появившийся в его пальцах, мгновенно вспорол ее от локтя до запястья. Мальчик молча и неподвижно стоял с выкатившимися глазами, пока

кровь, хлещущая из раны, заполняла глубокий бронзовый сосуд, который проворно подставил Непорочный.

— Значит, требуется кровь... — пробормотал Лизард, рассматривая стремительно бледнеющего юного порха, нисколько не смущаясь видом крови, источающей сладковато-металлический запах.

— Чтобы работать, любой механизм должен получать энергию из вещества, способного выделять ее, так ведь считают наши северные соседи? — тоном терпеливого учителя начал пояснять Жрец. Прионс невольно кивнул, продолжая слушать.

— Печи потребляют древесину, уголь, масло разных видов, торф, мельницы — воду и ветер, подъемные механизмы — силу зверей или людей... Разнообразные машины в Энрадде питаются водяным паром, газOLIном, водородом и даже, насколько нам известно — каким-то невидимым электричеством, кажется так? — задал он вопрос прионсу, не нуждаясь, впрочем, в ответе. — Так вот — по аналогии с машинами, Зеркало кормят кровью, желательнее — юной, свежей, поскольку она — самая чистая, а ведь чем чище топливо, тем эффективнее работа, не так ли, мой мальчик?

Лизард снова кивнул, равнодушно отвернувшись от рухнувшего на пыльные плиты ребенка. Жрец взял сосуд из рук Непорочного и без слов выплеснул содержимое на стеклянную поверхность. Горячая кровь стала исходить паром, как кипяток на морозе. Багряные струи скользили вниз, но ни одной капли не упало на пол — кровь впитывалась в зеркало, как чернила в бумагу. Буквально через несколько секунд от кровавых потоков не осталось и следа. Но теперь, вместо отражений людей, внутри зеркала клубился кровавый туман. Внезапно багровая дымка рассеялась, и внутри рамы возникла арка Восточных ворот Бхаддуара, через которые тянулись груженные повозки, группы порхов, которых гнали на продажу, пеший и конный люд. Будто через открытое окно внутрь душного зала ворвался прохладный утренний ветер и шум просыпающегося большого города.

Из клетки, поданной эдиром, Жрец вытащил одну из крыс, и она покорно обвисла в его пальцах, принюхиваясь и вытягивая острую морду. Он ткнул ее острым ногтем в лоб, и крыса на миг замерла, открыв пасть с острыми зубами. Скаах плюнул в покорно раскрытую пасть, и зверек сглотнув слюну, тут же возбужденно задвигался.

Отец Непорочных швырнул крысу в открытое зеркало, наблюдая, как проворно перебирая лапами, крыса шустро просочилась между сапог одного из стражников, юркнув в открытые ворота крепостной стены. Сняв очки, Жрец уставился в привратную арку. Его глаза закатились, виднелись лишь ворочающиеся в глазницах желтоватые белки. Лизард с отвращением и затаенным страхом смотрел, как Жрец, ерзая задом, дергает головой вперед-назад, как раздуваются ноздри его короткого носа, вбирая в себя воздух, как шевелятся длинные бледные пальцы, изгибается рыхлое тело... Даже ноги его не находили покоя, постоянно двигаясь под хламидой, как у припадочного. «Да он же сейчас крыса!» — осенило Лизарда и он тут же успокоился, внимательно наблюдая за учителем. «А я стану...»

— Здесь он не проходил, — оборвал его мысли Отец Непорочных, и, сменив свой бархатный голос на мерзкий клекот, почти завизжал: — Следующего порха! Младенца! Быстрее!

Отъехав от ворот подальше, Бренн выпряг Пепла и простившись с постепенно трезвеющим Туком, прыгнул в седло. Айви, не дожидаясь его знака, уперлась башмаком в его сапог, вскочила на круп Пепла позади седла, и схватилась за ремень Бренна. Сначала он

пустил Пепла резвым галопом, и Айви за его спиной напряглась, крепче прижавшись к нему, но через некоторое время уже вертела головой, хватая ртом ветер и тихонько повизгивая от восторга. Огромный участок земли от авиаполя с Небесной Иглой до Прибрежного тракта за несколько лет был выровнен посредством ежедневного тяжелого труда тысяч порхов. Поверхность здесь была ровной, твердой, без кустарников, ям и рытвин, и за ноги Пепла можно было не тревожиться.

Но когда они приблизились к Прибрежному тракту Бренн пустил Пепла легкой рысью, чтобы напрасно не утомлять. Сам спрыгнул, велел Айви пересесть в седло, и легко побежал рядом, придерживаясь за луку. Несмотря на раннее утро, тракт, как река кораблями, был наполнен движущимися к городу и из него телегами, повозками, крытыми экипажами и множеством конных и безлошадных путников. Помня советы Хагана не мозолить глаза встречным-поперечным, он решил пересечь дорогу и затем не спеша двигаться вдоль побережья.

Пытаясь отвлечься, мысленно Бренн то и дело возвращался к разговору с карликом, который стыдился резкой отповеди дядьки Гримара, передавая его слова. Но Бренну не нужна была грубая правда — он давно растерял опасные иллюзии, выживая в подземельях Казаросса, и считал, что хозяин бродячего циркового театра совершенно прав, когда отказывается прикрывать его, рискуя жизнями своих людей. Это было лишь справедливо — они и так спасли его, дав приют и работу под своим пестрым шатром. Причем, не смотря на угрозу, Гримар собирается тащить его с собой по городам и весям Лаара. Никто ничего ему не должен. За последние полгода он проникся пониманием этой очевидности до самых печенок, и теперь душу грели даже малые проявления заботы о его судьбе.

Их план выбраться из города, не привлекая внимания, сработал... Он удалялся от своих врагов, и казалось, должен был расслабиться, но почему-то поминутно оглядывался, не в силах сдержаться. Несмотря на удачное «преодоление» врат Бхаддуара, он всей кожей чувствовал, что это еще не конец. Кто бросится за ним в погоню? Скорпы, люди ан Хурца, Ловчие Непорочных или...

— В этом огромном корабле, — я не помню, как он называется, — неужели там сидят люди?

Он вздрогнул от голоса Айви и проследил за ее взглядом. Серые утренние сумерки разбавил рассеянный нежно-розовый свет, и на фоне светлеющего неба плывущий в паре миль от них дирижабль казался пузатой рыбиной, перевитой сетями, тросами, и тащившей за собой похожие на водоросли гайдропы. Сдвинутые брови Айви выдавали невольное опасение, а приоткрытый рот — явный интерес и тайное восхищение, как от чего-то неведомого и манящего.

Бренн косился на нее, понимая — она что-то смутно помнит, но небесные корабли над землями Лаара, судя по всему, видела редко... Где же ее держали? Что с ней делали?

— Люди — пилоты, сидят внизу — в гондоле, а внутри корпуса дирижабля размещают грузы, — рассеянно пояснил он. Впереди, за скальными выступами, скоро покажется и заиграет на солнце гладь океана. До тракта и побережья оставалось не так далеко, когда он вздрогнул — казалось, сердце шкрябали острые клешни краба. Резко обернулся, вглядываясь в серую дымку, окутывающую величественный город. — Давай-ка, подруга, сползай с седла... — велел он к Айви, все еще наблюдающей за небесной машиной. Она не перечила, — его беспокойство сразу передалось ей.

— Что-то чувствуешь? — спросила она, привычно ухватившись сзади за его ремень, и

тоже обернулась.

— Не пойму пока, держись крепче. — Он послал Пепла в галоп. Досчитав до десяти снова оглянулся. Сердце заколотилось. В дымке образовалось небольшое темное облако пыли, которое неумолимо приближалось. На его фоне все яснее выделялся ведущий всадник. Не скорп — Лизард! Лизард на тсаккуре! Вислоусая скотина Зигор помчался в Розаарде предупредить прионса, что его враг вот-вот улизнет из Бхаддуара. Само собой, этого следовало ожидать, однако втайне Бренн все еще надеялся, что он не настолько важен для милого дядюшки, чтобы он сам возглавил погоню...

— Поднажми, Пепел! — Бренн склонился над шеей жеребца, — или паршивый тсаккур оторвет тебе башку!

И умный конь, будто поняв, что ему грозит страшная смерть, поднажал... Только бы не споткнулся, — уговаривал судьбу Бренн, — только бы успеть добраться до прибрежных скал! Там он отпустит Пепла, и среди бухточек и глубоких пещер, прячущихся в зарослях древесного вереска и метельника, они сумеют скрыться от глаз преследователей. А тсаккуры не лазают по скалам. Ему очень хотелось верить в то, что они спасутся, да и плана другого просто не было... Не было. Он еще раз обернулся и прикипел взглядом к темной громаде дирижабля.

Рудо мельком посмотрел в сторону вздымающегося горой Бхаддуара, потом скользнул вниз — к земле, и глаз невольно зацепился за движущуюся точку — темно-серый, почти черный конь, несущий сразу двоих, мчался к побережью. Идет тяжело — похоже, вес седоков напрягает его, или уже устал. Рудо приник к окуляру бинокля, — белобрысый парнишка и девчонка, судя по заплетенным в косы волосам.

— Что там? — лениво спросил Дирк, не отпуская штурвал и отслеживая тангаж.

— Пока не понял. — Рудо затянулся короткой папироской. Курить в рубке управления, само собой, запрещалось, и само собой, — все курили. Выпуская дым в открытое окно, посмотрел назад, и так сжал зубы, что почти разорвал папиросу. Беглецов преследовала целая группа, и в арьергарде — всадник в развевающемся парусом белом плаще на огромном черном тсаккуре. Страшный зверь — Рудо видел пару ему подобных у надсмотрщиков, отвечающих за отряды рабов, которые обслуживали территорию авиаполя вокруг Небесной иглы и строящегося эллинга.

Гонят сбежавших рабов, преступников? Странно. Судя по одежде Белого, он явно из нобилей, но благородные господа в Лааре не занимаются отловом порхов. Причем, верховые, сопровождавшие Белого всадника на тсаккуре, прилично отстали. Преследователь был еще далеко от мчащегося галопом жеребца с двойной ношей, однако при такой мощи тсаккура ему потребуется совсем немного времени, чтобы догнать беглецов. И деваться им некуда. А потому благородный всадник на звере явно наслаждается охотой на людей. И торопиться ему особо нет нужды... Рудо выругался. Скулы свело от ненависти к прекрасному Бхаддуару, насквозь провонявшим слезами, кровью и неволей.

Казалось, парнишка на жеребце почувствовал взгляд Рудо. Он вскинул голову, несколько мгновений смотрел на огромные окна кабины, и Рудо почудилось, что парень глядит на него в упор. Миг, и беглец вдруг отчаянно взмахнул рукой, не отводя от него глаз. Пилот с досадой поморщился, понимая свое бессилие, — огромная послушная его воле небесная машина не могла спасти людей, находящихся на краю жизни. А, собственно почему не могла? — машина действительно и послушна, и управляема... Приняв решение,

пилот ухмыльнулся и махнул в ответ, призывая беглецов.

— Рога отдай, быстрее! — повернулся он к штурману, хватаясь за рули высоты. Его отчаянный взгляд встретился с перепуганными глазами Дирка, который, недоумевая, но и не возражая, передал ему управление. — Слева по борту глянь. Глянь!

Заинтересованный Дирк, держась за поручни, высунулся с «балкона», наблюдая драму, которая разворачивалась на земле. Хорошо, что машина неплохо сопротивляется боковому ветру, — думал Рудо, — но одному держать махину по любому сложно. Он свистнул, и через пару секунд появился взволнованный Дирк. — Неужто собрался ребят с крючка снять? — глаза штурмана загорелись.

— А почему бы не попробовать, — вскинул рыжую бровь Рудо. — Почему не испытать судно, пока брюхо метрах в пятидесяти над землей висит... Считай, по травке пузом волочится.

— А как доложим? Нарушение, однако... — засомневался Дирк, растерянно глядя на командира.

— Будем надеяться, что прокатит, — пожал плечом Рудо, — только б машину восходящим не подхватило и нос не задрало...

Капель времени в чаше жизни беглецов почти не оставалось, и Рудо четко осознавал, что делать все надо быстро, пока всадник на тсаккуре не догадался, что задумали воздухоплаватели. Мысли крутились в голове каруселью, не давая сосредоточиться. Увеличив скорость и опустив руль высоты вниз, пилот запустил перегонку воздуха в переднюю камеру баллонета, и нос дирижабля стал медленно опускаться.

— А коли наоборот — в землю воткнемся? — Дирк нервничал, понимая опасность маневрирования на такой высоте, и напряженно отслеживал поведение судна.

— Стабилизируй. Подплывем к ним поближе...

Штурман с энтузиазмом воспринял идею командира, но по неопытности чуть было не «уронил» нос, чего собственно и опасался. Земля качнулась навстречу, и оба едва не торкнулись лицами в приборную панель. В техническом отсеке что-то загромыхало...

— Держи! — гаркнул Рудо, и Дирк справился, сумев приподнять нос корабля.

— Твою за ногу, парни! — узкая дверь ударилась о переборку — в тесный отсек ввалился Эрк с встопорщенными усами. — Ты чо рога дергаешь, чо дергаешь? — Я чуть с моста не рухнул....

— Не гунди, Эрк... — Рудо обругал себя, — он совсем забыл про дежурных механиков, следящих за мотогондолами, а это — непростительно. — Вниз вон лучше глянь...

— И чего теперь? — раздраженно дернул щекой Эрк, не отрывая однако глаз от разыгравшейся на земле сцены. — Здоровущий урод... рабов гонит... Сейчас порвет обоих... вместе с кобылой, — со странным удовлетворением предсказал он.

Рудо промолчал, прикусив губу, чтобы не сорваться. Механик дело свое знал, но характер у него был говнивый. Поддерживая тангаж, он одновременно повернул вертикальные хвостовые рули влево и всем весом навалился на педаль управления, чтобы сильнее развернуть сопротивляющуюся машину ближе к беглецам. Дирк, не скрывая уважения к старшему пилоту, был наготове, чтобы без промедления помочь, если последует приказ.

— Ты чего это задумал, командир? — прищурил глаза Эрк, качнувшись, и схватился за болтающуюся брезентовую петлю, — ты чего — собираешься без дозволения чужаков на борт взять? Их не просто так ловят, и не просто так догоняют. Видать, убийцы они. А здесь у

них в Лааре порядки суровые — убийц скармливают зверям, что и правильно!

— Я не обязан отчитываться перед тобой, Эрк, но по дружбе объясню — это эксперимент... — Рудо запнулся, но через секунду уверенно продолжил, — операция по проверке технических характеристик и параметров управляемости машины при экстренной эвакуации гражданских в чрезвычайной ситуации. Так что иди и займись службой.

Дирижабль постепенно разворачивался. Рудо собирался приблизиться к беглецам, одновременно ведя судно под небольшим острым углом к ним. И рискнул опуститься еще ниже, действуя на пределе осторожности, чтобы не зарыть нос дирижабля. Дирк внимательно наблюдал за его действиями, на ходу перенимая опыт. Небольшой поворот мотогондол, и движитель потянул машину вниз. Ударившись локтем, Эрк выругался, но понял, что лучше сесть, а не торчать за спинами пилотов, нависая над головой Рудо неммым укором. — Рылом же воткнемся... — буркнул он.

Не реагируя на причитания мотомеханика, Рудо выправил нос корабля и пробормотал: — Теперь еще чуток развернуться и порядок. Дирк, Эрк, давайте на «балкон» и готовьте лебедку.

Огромный механический пузырь, быстро приближался к беглецам. — Рудо, — проникновенно начал Эрк, пытаясь взять себя в руки, — господин старший пилот, — ты хочешь в родную империю преступников иноземных доставить? По инструкции мы не имеем права вмешиваться в дела чужих госу...

— А мы, господин механик, никуда и не вмешиваемся, — Рудо управлял машиной, следя за беглецами и настигающим их всадником, — мы лишь парим над чужой землей и ни брюхом, ни задом, ни носом ее не касаемся. А кто там у нас на хвосте повиснет, — толи птичка небесная, то ли еще кто, — так разве мы за это ответственны? Да ни разу! — сам себе ответил Рудо.

— Мож оно и так, но я прямо заявляю — начальству будет доложено! — оставил за собой последнее слово мотомеханик, выходя за Дирком из кабины.

Грузовой дирижабль стал медленно разворачиваться в их сторону. Их увидели! Мало того — готовы помочь! Еще не смея поверить в это, Бренн направил жеребца к парящей над землей громадине так, чтобы подстроиться и сократить расстояние до судна. В спину горячо и влажно дышала Айви, крепко обхватив и вцепившись в ремень.

Но успеют ли они... Он оглянулся через плечо и стиснул от отчаянья зубы — Белый принц на черном тсаккуре вырвался далеко вперед, настигая измотанного скачкой Пепла. Бренн прищурился — и на пару мгновений лицо Лизарда вдруг резко приблизилось. Будто прямо перед собой он увидел наполненные холодным бешенством блеклые глаза, оскал белоснежных зубов и вьющиеся за спиной белокурые локоны, золотящиеся на рассветном солнце. Он даже услышал приглушенное гортанное рычание, которое вырывалось из горла Лизарда. Прионс воткнул в бока тсаккуру шпорные шипы, пробив тому шкуру, и взревший от обиды и злости хищник понесся огромными скачками.

Когда Бренн обернулся еще раз, всадник уже был в нескольких десятках прыжков зверя. Мерзкая морда тсаккура со складками бородавчатой кожи и оголившиеся десны с длинными выпирающими зубами подчеркивали точеную красоту белого всадника и делали ее... жуткой.

Они не успеют! Не успеют? Ну уж нет — в горле, в сердце разрасталась ярость, в крови вскипала горячая ядзу. Храфна хрен тебе в зад, дядюшка Лизард! Приемьш кузнеца завалил

В Казаросса многорукую исполинскую гадину и не позволит какой-то блохастой псине сожрать его. Бренн вбил каблуки в бока Пепла, рывком вливая в жилы коня порцию яджу: — Шибче, Пепел, коли хочешь жить!

Будто плотнув свежего ветра, усталый Пепел ускорил бег, дыша с присвистом, но мощно. А энраддский корабль уже нависал над ними тяжелым темным брюхом, под которым, обещая спасение и желанную свободу, стремительно разворачивалась узкая веревочная лестница, похожая на корабельный штормтрап. Вот она — совсем рядом, только руку протяни... Совсем некстати в память вдруг ворвался фрагмент Игры живцов, когда он с разбега прыгал, что есть сил, хватаясь за канат как можно выше, чтобы качнувшись, хоть немного пролететь над кровавым водяным полем...

Напрягаясь, привстал на стремянах, вытянулся и словил деревянную балясину — ладони ожгло, но пальцы намертво вцепились в пойманный трап. Подтянул еще, чувствуя, как, натягиваясь, будто живая, бьется и дрожит лестница... Изо всех сил он тянул к себе сопротивляющийся штормтрап. — Давай — по спине, и цепляйся! — захрипел он, сумев перехватить следующую перекладину. Скопив глаза через плечо, увидел белое от страха и напряжения лицо Айви. Но девчонка не медлила — ухватилась за его шею, упершись коленками в круп лошади, затем, привстал, навалившись на него сзади, чтобы не сорваться на полном скаку. Бренн едва удерживал натянутый штормтрап, а она, тыча коленками в его спину, уже забралась ему на плечи, и схватившись за балясину, кошкой полезла выше.

Убедившись, что Айви держится, обхватив ногами и руками перекладины на трясущейся от натяжения лестнице, Бренн тут же отпустил поводья, резко свистнул и оттолкнулся от крупа Пепла. Насмерть перепуганный жеребец качнулся в сторону, и понесся налегке, сбросив двойную тяжесть... Потеряв опору под ногами, Бренн чудом не сорвался, но вбитые плетью навыки кортавида, сработали, и он повис на последней перекладине... Поздно! — колотилось в висках — тсаккуру нужен один прыжок, чтобы когтями сорвать его, болтающегося на нижней балясине, или с налета оторвать башку.

Надо немедленно развернуться лицом к двум уродам — человеку и зверю! Но хватит ли времени и сил остановить прионса, с детства практикующего яджу, и тварь из Дивного леса, впитавшего его темную дикую силу. Мысли не мешали ему действовать, — они вихрем проскочили в тот миг, когда, крутанувшись вокруг дрожащей лестницы, он впился взглядом в надвигающегося врага. В ушах зазвенела натянутая струна, из нутра горячей волной поднималась яджу, глаза наполнились жаром. Прыжок, еще... Тсаккур прыгнул, целясь в человека, который как сочная приманка, дразнил его, болтаясь на веревке...

Звон в голове усилился до предела. И зверь вместе с седоком вдруг вытянулся в воздухе, затрясся и... завис в прыжке с раскрытой оскаленной пастью. Бренн смотрел на выпущенные мощные когти, вязкие нити слюны, свисающие с бугристого языка, и перекошенное злобой красивое лицо Лизарда, застывшего в седле. В глазах прионса лопались сосуды, и блеклая голубизна радужки подернулась кровавой пеленой, кожа багровела... синие вены червями ползли по лицу и раздувающейся шее...

Лизард — потомок пресветлой Маф, владеющий яджу по праву крови, тужился изо всех сил, пытаясь выбросить яджу и вырваться из кокона сгустившегося времени. Бренн видел, как черная сила брызжет из его рта и глаз грязными бурными струями. Он даже чуял смрад тухлой рыбы — да дядюшка-то, похоже, самый настоящий гнилой урод! Урхуд!

Острая вспышка боли в голове. Он дернулся, как от удара, из носа хлынуло теплое. Кровь. Не ожидал? — зазвучал внутри злобно-ехидный голос, — ну и болван же ты,

приемыш кузнеца, — решил, что справишься с Белым принцем также легко, как с гнусавым Джоком? Сил едва хватает, чтобы держать напряженным взглядом зависшего в воздухе хищника — тулово тсаккура крупно дрожит, как и тело Лизарда, который вот-вот прорвет невидимые пути яджу. Слюни из пасти тсаккура уже не тянутся, а текут, шерсть встает дыбом, а силы Бренна уже на исходе... Не отрывая воспаленных глаз от врага, с трудом двигаясь в еще вязком потоке времени, он хватается за следующий трап. Выше, как можно выше... пока еще не разорваны цепи, сковывающие силы дядюшки Лизарда!

Глаза прионса вспыхивают черным пламенем, — звенящая струна в голове Бренна с визгом лопается, и зловонное яджу, преодолев все барьеры, бьет наотмашь... Толчок — и холодная, яростная, как ураганный ветер, струя времени едва не срывает его со спасительного штормтрапа. Резко подбросило, развернуло, и он вытянулся вдоль поверхности земли, как трепыхающийся на ветру лист дерева. Но пальцы намертво вцепились в перекладину...

Вырвавшийся на волю разъяренный хищник стремительно завершал прыжок, нацеливаясь сорвать с веревки кусок мяса. Смрад ударил в ноздри, острая боль ожгла бок — мощные когти, дернув, разодрали рубаху вместе с кожей... Всего лишь кожу! — ликовал Бренн, не обращая внимания на боль и хлещущую кровь... Все решили мгновения. Твари не хватило всего чуть, чтобы вбить когти ему в спину. Если бы он так и висел на перекладине, а не «взлетел» вместе с лестницей, — с ним было бы уже покончено. Но сгустившись вокруг Белого всадника время, задержало движение тсаккура, подарив Бренну несколько секунд, чтобы подняться немного выше...

Оглянувшись через плечо, увидел то, что надеялся увидеть, — от резкого толчка Лизарда вышвырнуло из седла, и он кувырком полетел вниз в своем развевающимся белом плаще... Рядом с ним тяжело грохнулся хищник, скулящий от боли и разочарования. Голова кружилась, мышцы дрожали, но Бренн, скаля зубы, смотрел вниз, где ревел тсаккур и ворочался прионс, изгваздав в пыли свой белый камзол и плащ. Везет же гнилым уродам — даже не поломался...

Закинув голову, Белый принц не отрывал бледных глаз от лица племянника, и Бренн остро чувствовал этот невыносимый сверлящий взгляд... Не стерпев, он харкнул кровью на доброго дядюшку, с восторгом и ужасом глядя на удаляющуюся землю.

— Я не видел тебя почти целую неделю, брат... — Ларс хмуро смотрел на Гуннара и ему не нравилось то, что он видел. Синие тени под глазами, ввалившиеся щеки, покрытые светлой щетиной... а ведь принц никогда не позволял себе такой небрежности, как двухдневное игнорирование бритвы... — Такое впечатление, что тебя загнали, как жеребца...

Глава 24. Большие надежды

— Загнали, как жеребца... — хмыкнул Гуннар.

— Что — так тяжелы брачные ночи? — выдавил из себя сочувственную фразу Ларс. Он спрашивал, но на самом деле, ему не хотелось ничего знать об этих ночах...

— Даже не знаю, как....

— И не надо, — пожал плечами Ларс. — Незачем тебе напрягаться. Так, с ночей переведем разговор на дни. Если честно, меня бесит и настораживает тот факт, что мы с тобой почти не видимся... Это выглядит нарочито, и я подозреваю, что все делается специально, как на празднестве в честь твоего бракосочетания, когда меня усадили отдельно...

— Но я постоянно с прионсой...

— И днем тоже?

— Ннет... — как-то не слишком уверенно ответил принц, помотав головой, будто пытаюсь рассеять туман вокруг себя. — Ты знаешь, днем я, похоже, высыпался... Наверное. После неумеренного употребления вина и любви, у меня в башке все перепуталось, кузен...

— Вот-вот, я об этом и говорю. А еще я ни разу за эти дни не встречался ни с Элмерой, ни с советником Оллардом, который ранее весьма охотно беседовал со мной, ни даже с секретарем... Куда все подевались, Гуннар?

— Ну, здесь нет никаких тайн, брат. Королева, говорят, приболела после ритуала исцеления слепого и безногой... Надорвалась, похоже... Хотя, если честно, я плохо помню и ритуал в Храме, и даже торжественный ужин в нашу честь... А рэй Оллард — я слышал, в тот же день по велению Готфрида направился в Арианию с какой-то миссией...

— Надорвалась, значит... Ладно, пусть так. — Ларс потянулся, не решаясь рассказать Гуннару правду. — Жду не дождусь, когда вернемся в Энрадд. Кажется, что именно там, наконец, смогу осознать все, что с нами произошло за последние недели... От нечего делать я тут порылся в Королевской библиотеке и узнал много интересного об истории Лаара. И на базе обильной информации у меня даже появились некоторые идеи... Странные дела творятся в Лааре, Гуннар. И давно.

Принц закурил, откинувшись в кресле, и закинув длинные ноги на бархатный пуф, прищурился, довольно улыбаясь. — Ты знаешь, Ларс, пожалуй, только с тобой я могу, наконец, расслабиться за эти суматошные дни. Странно — но с любимой женой я постоянно нахожусь в крайнем напряжении. Только сейчас это понял. Давай, расскажи мне про эту удивительную страну...

— Удивительную — это дааа! Лаар представляется мне огромным гнойником флегмоной, который никак не лопнет. Или, скорее, раковой опухолью — дающей метастазы...

— Да? И какая разница? — рассеянно улыбнулся Гуннар.

— Нарыв созревает и прорывается, а рак расползается по здоровым тканям, захватывая новые территории...

— Не слишком точное сравнение — Лаар практически не ведет войн... — поймал его на противоречии Гуннар.

— Ты прав — лет пятьсот не ведет. Поскольку к началу Эпохи Рассвета все ближайшие земли по западному побережью Лютого океана, равно как на востоке и юго-западе уже были

завоеваны королем Чарлагом, который свихнулся, считая себя Великим чародеем. Его правление ознаменовалось горами трупов, в основном — принесенных в жертву каким-то там Кровавым Богам, а также — полным подчинением соседних земель и островов. Но не это меня увлекло. Я не знаю ни одной страны, чтобы в ее историческом прошлом не было восстаний, переворотов и прочее-прочее...

— А как же их знаменитая эпоха Раздора? — возразил Гуннар. — Когда против массового убийцы Чарлага Синеокого восстала его дочь — вроде как чистая и невинная прионса Маф, поддержанная дядей и по совместительству братом-близнецом короля Вермундом Златооком, кажется...

— Именно, но после гибели Чарлага и последовавшей за ней смерти Вермунда бардак в стране прекратился.

— И что там тебя так увлекло, не понял...

— Количество странных смертей и попытка вычислить настоящего убийцу Чарлага и Вермунда...

— Чего там вычислять? В истории, насколько я помню, именно Вермунд сумел свернуть голову своему помешанному на крови брату.

— Дело в том, что смерть Чарлага была ужасной, — тело было перекручено и выжато, как мокрая тряпка... Кроме того, в ту же ночь были зверски убиты все его отпрыски, кроме юной прионсы Маф, которую оберегал дядя. Естественно, в Лааре считали, что это воздействие яджу.

— Опять эта клятая яджу?

— Если тебе проще — воздействие темного чародейства.

— И что дальше?

— Народ, понятное дело, возликовал, прославляя Златоокого Вермунда, но странность в том, что Вермунд не поклонялся темным божествам и никак не мог сотворить такое с братом, кем бы он его не считал, и уж тем более, со своими малолетними племянниками.

— Может, тогдашние жрецы постарались... Чарлаг оказался слаб, Вермунд их не устраивал — как я понимаю, он не терпел жертвоприношения и кровавые разборки. Вот кто-то из бывших сторонников Чарлага пожелал воспользоваться моментом и захватить трон... Или жрецы его рвались к власти... Вот тебе и причина.

— Вполне жизнеспособная версия, Гуннар. Тем более, что неизвестные убийцы, в хрониках упоминаемые, как урхуд — носители так называемой гнилой яджу, в скором времени сумели свалить и Вермунда. Он был убит таким же способом, как и Чарлаг. И вместе с ним погибла жена и дети.

— Все правильно — так и действуют политические уроды... — хмуро отозвался Гуннар, брезгливо скривившись.

— Ага, только имен их в хрониках нет. Ни одного. Даже для проформы. Хотя были уничтожены все отпрыски генуса Сарэй, включая грудных младенцев. Более того, погибли все внебрачные дети Чарлага и Вермунда, и даже любовницы, носящие в чреве их бастардов...

— Я же говорю — уроды!

— Но тогда почему ставшая королевой Маф не повелела указать в хрониках имена убийц и предателей? Более того, были выкорчеваны все ростки генуса Сарэй. Кроме одного — юной прионсы Маф.

— Сам же говоришь — Маф с самого начала была плотно прикрыта людьми,

преданными Вермунду. Ее просто не успели убрать, или не дотянулись. Повезло девчонке...

— С одной стороны, вроде все так — историки вещают, что против «гнилых» ее поддержали чистые жрецы, вставшие на сторону Вермунда, кои стали именоваться Непорочными. По сути, так и возник нынешний Орден...

— Ну вот, вся ясно, а ты детектив средневековый решил придумать от скуки... Лучше бы за девками-фрейлинами потаскался — глядишь, и развеялся бы до нашего отбытия на родные берега...

— Не до девок мне что-то, кузен, — отмахнулся от предложения брата Ларс, с азартом продолжив: — Размышляя на эту тему, я пришел к мысли, а что если.... в этом деле замешаны вовсе не маги, хоть черные, хоть белые, хоть серые... а невинная прионса Маф...

— Подожди — ты считаешь, что убийство отца и его сторонников организовала с помощью дяди сама принцесса, а затем избавилась и от дядюшки, и от всех родственников поголовно? — с недоверием вскинул брови Гуннар.

— Чтобы взойти на трон... чего только не придумаешь, кузен... Ведь именно она, после гибели батюшки и дядюшки, стала королевой и вскоре так завинтила гайки, что Орден еле дышал. Именно по ее велению Непорочные провели масштабные чистки, под которые попали сторонники Чарлага — как высокопоставленные жрецы, так и наиболее близкие к трону знатные династии — генусы, представлявшие угрозу положению новоиспеченной королевы. После чего в стране воцарилась тишь да благодать. То есть, Эпоха Рассвета.

— Нууу, пойдет только в качестве возможной, за уши притянутой версии...

— Кстати, идея о том, что кашу заварил именно малышка прионса не нова — и в те времена по Лаару ходили об этом слухи, и до сих пор ходят...

— Да брось, — отмахнулся Гуннар, — слишком мудрено для девочки пятнадцати лет, ведь ей, кажется, столько было?

— Для умной, владеющей некими неведомыми нам практиками, молодой женщины с железными нервами и пониженной сентиментальностью — вовсе нет... А в древнем Лааре она уже давно считалась взрослой. Ты слушай дальше, Гуннар, это интересно.

— Слушаю, — покорно кивнул Гуннар, плеская в бокал на два пальца крепкого бриара.

— Присев на трон, Маф стремительно выходит замуж за одного из сторонников Вермунда — старика-герцога, годившегося ей в прадеды. Судя по хроникам, после того, как ее престарелый супруг благополучно скончался, она еще трижды выходила замуж, и родила аж восьмерых детей. Только вот с наследниками мужского пола ей не везло — мальчики или умирали в раннем возрасте, или отличались серьезными физическими и умственными дефектами.

— Почему это именно мальчикам так не везло? — недовольно буркнул Гуннар. — Я вижу в этом признаки дискриминации...

— Что поделаться? — усмехнулся Ларс. — А единственная девочка, которая родилась у королевы на шестом десятке лет, — не слабо, да?! — оказалась жизнеспособной и смышленной. И тогда, крепко подумав, Королева Маф навечно закрепляет переход власти исключительно к дочерям. Дождавшись тринадцатилетия наследницы, она выдает ее замуж, тут же передает ей трон и буквально через несколько дней умирает. С тех самых пор мужчины генуса Сарэй не могут стать наследниками.

— Стоп! — возмутился Гуннар, — а если рождались мальчики? При чем здоровые?

— За полтысячи лет у владетельниц Лаара здоровыми рождались только девочки — осечки не было ни разу. Кроме...

— Кроме двух близнецов Элмеры Милостивой от Готфрида?

— Именно так — хотя Лизард явно имеет психические отклонения, что поддерживает теорию о проблемах среди мужских представителей генуса Сарэй, ну, а Рунар... Здоровый и очень способный юноша погибает при невыясненных до сих пор обстоятельствах, если не принимать во внимание сомнительную официальную версию... И опять королевой становится девочка — твоя Илайна, кузен.

— Я не против, — расхохотался Гуннар. — Будем дружно править Лааром и Энраддом. Может, отцу придется по вкусу этот удачный расклад, и он к нашему прибытию поостынет... Особенно, когда узнает, что на подходе его внук... — уже не так весело завершил он фразу. — А что касается девчонки Маф — какое нам с тобой дело, что творилось полтысячи лет назад в чужой стране? Своих забот по горло...

— Не скажи, Гуннар, не скажи, — задумчиво пробормотал Ларс. — Порой черные тени прошлого накрывают будущее... Причем с концами.

Дирк, как одержимый, крутил рукоять лебедки, Эрк неодобрительно сопел рядом, однако же, опасаясь гнева старшего пилота, не осмелился возражать и помогал. Но даже вместе они с трудом проворачивали ее — два человека на шпроттрапе, — нагрузка не малая. Рудо справлялся с машиной в одиночку — стабилизировал, но не торопился с подъемом, чтобы случаем не сбросить живой груз.

Закрепив фиксатор, Рудо свистнул Дирку, чтобы тот сменил его, а сам перегнулся через край люка на корме гондолы. Девчонка неловко карабкалась вверх, зажмурившись и дыша открытым ртом, и ему казалось, что она вот-вот сорвется. Длинные косы били ей по лицу, ветер задирали платье. Когда девушка закинула голову, он встретился взглядом с ее отчаянными глазами и понял, что она на пределе сил.

— Давай, давай, старушка, резвее, — крикнул он, растягивая губы в напряженной улыбке и стараясь сделать ее как можно более ободряющей. Перехватив тонкое запястье, затем предплечье, Рудо уже не боясь случайно упустить беглянку, втянул в гондолу легкое тело.

— Сюда ее, сюда, — услышал Рудо сиплый голос Эрка, и невольно перехватил его похотливый взгляд, брошенный на голые ноги беглянки, с которых сползли чулки. Башмачки, похоже, слетели уже давно.

— Ты лебедку крути, механик, — рыкнул он, отодвинув того локтем, — еще парня затаскивать надо.

Подтолкнув девушку себе за спину, Рудо на пару с Эрком продолжил крутить лебедку, но парнишка и сам довольно ловко поднимался вверх. Дирк уже полностью выровнял судно, когда над краем люка показалось потное расцарапанное лицо второго беглеца. Из носа кровь хлещет. На скулах — желваки. Рот — в нитку. Ухватив его за пояс штанов, Рудо втащил парня внутрь. Эрк, недовольно оттопырив губу, нехотя помогал.

— Что ж, добро пожаловать, господа! — Рудо быстро оглядел юношу, прижимавшего к боку окровавленную рубаху, и трясущуюся девчонку, которая натягивала на колени порванный подол платья. Заметив, как туго натянулась ткань у нее на груди, он понял, что это уже не девочка, а вполне взрослая девушка... и очень красивая. Грязные потеки на щеках не могли скрыть прозрачной зелени чуть раскосых глаз, медового оттенка кожи и ярких волос в растрепавшихся косах.

На ее шее Рудо не заметил ни широкого рабского кольца, ни даже следа от него, хотя он

слыхал, что в Лааре любимым домашним рабам и наложницам дарят порой привилегию «свободной шеи», и потому отсутствие ошейника еще ничего не значило. Худошавое тело юноши было жилистым и твердым, будто свитым из одних мышц, а следы порезов и свежих шрамов, видневшихся в разодранной рубаше и странные сине-багровые следы, похожие на ожоги, подтверждали догадку о том, что он, скорее всего, беглый порх. Странная, однако, парочка... На брата с сестрой не похожи, значит, любовники, удравшие от владельца, и судя по всему — с боем.

— Покажи-ка бочину, боец...

— Ерунда, — качнул головой парень, задирая рубашу, — задел, сука, когтями... Слава Синдри, — лишь поверху...

Рудо осмотрел раны от когтей тсакура — глубокие, но не задевшие крупные сосуды — и кивнул: — Сейчас быстро дело поправим.

Ноги не держали, и Бренн сполз на пол, скроенный из листов гулко серебристого железа. Несмотря на рвотные позывы, забитый кровавыми сгустками нос и мелкие судороги, он не позволял себе уплыть в бессознание. Помогло жгучее любопытство, которое он и не собирался обуздывать.

Дирижабль множество звуков — гудел, вибрировал, и даже скрипел, как морское судно. Внутри пахло соленым ветром, железом, кожаной обивкой, мокрой парусиной и еще — чем-то горько-дымным похожим на запах смолы или дегтя. Глядя на рассветное небо, заполнившее огромные окна от пола до потолка, он всем телом ощущал необъятную пустоту, что тянулась от дрожащей палубы до самой земли.

Приходя в себя, Бренн внимательно разглядывал человека, который возился с ним, крепко перетягивая бинтами ребра, только что вырвав его из зубов смерти, как надкушенный кусок мяса. Широкое лицо с высокими скулами, обсыпанными веснушками, короткий рыжий чуб и прямой взгляд понравились ему сразу.

— Да уж, когти у зверя будь здоров — можно подумать, тебя драло целое стадо кошек..., — засмеялся пилот.

Пошарив под узкой откидной полкой, он протянул ему плоскую бутылку с золотисто-коричневой жидкостью.

— Спиртное на борту не положено, но порой, в качестве лекарства...очень кстати... — улыбнулся он. — Хлебни, поправься чуток! И подружку свою поправь... — он оглянулся на Айви, которая сидела с закрытыми глазами, безвольно откинув голову и приоткрыв пересохший рот.

— Или может она ребенка ждет? Тогда не стоит...

Бренн поперхнулся ядреным напитком, по вкусу не похожим ни на синюху, ни на ром.

— Она не моя женщина, — он откашлялся, — она мне... сестра...

— Ага, вот как..., — не стал копать дальше командир корабля. — Ну тогда... в углу вон — бутылки с водой, — он ткнул в небольшой ящик, заполненный бутылками с яркими этикетками. — Напой сестренку...

Бренн вытянул бутылку с розовой водой, рассматривая нарисованную на этикетке вишню и длинную крышку на узкой горловине.

— Не тяни за нее, а крути вправо, — объяснил второй пилот, которого рыжеволосый называл Дирком, — по солнцу!

Бренн крутанул и сделал большой глоток — вода действительно была с привкусом

вишни и также вкусно пахла. Наклонившись к Айви, он коснулся ее рта влажным горлышком бутылки, и она тут же припала к ней, глотая, обливаясь и оживая, как цветок, напившийся дождевой воды. Ее взгляд прояснился, и она уже с нескрываемым интересом разглядывала своих спасителей и внутреннее устройство рубки. Бренн понимал ее — в похожей на корабельный мостик кабине пилотов глаза не знали на чем остановиться, перебегая с железных механизмов на крошечные мигающие светильники, рычаги, похожие на часы приборы, металлические тросы и тонкие трубки...

Пожилой мужик в форме, который помогал поднимать Бренна, недовольно скривившись, продолжал с подозрением сверлить взглядом незваных пассажиров, особое внимание уделяя Айви, вернее ее смуглым коленкам в разодранных чулках.

— Вы кто такие? — хмуро спросил он, опять стрельнув глазами на ноги девушки. — Рабы беглые, что ль? Иль злодеи-убийцы, что от правосудия скрываются?

— Мы не порхи и не преступники, — сухо ответил ему Бренн, и повернулся к пилоту, — просто сестру пришлось отбивать у одного благородного урода из Розстейнар, он и обозлился, — соврал он. Если бы не вы...

Рыжий авиатор серьезно кивнул, хмуро сдвинув светлые брови.

— Ну да, ну да... если бы не мы... — прищурился пожилой, и его взгляд, ощупывавший тело Айви, очень не нравился Бренну.

— Знакомимся, — авиатор протянул широкую ладонь, — Рудо Хебер. Пилот транспортного воздушного флота Империи Энрадд. А это штурман наш — Дирк Филан.

Темноволосый штурман обернулся, приветственно подняв ладонь. Бренн назвал, неуверенно пожав крепкие пальцы и замер, увидев на кисти пилота массивные наручные часы с тремя большими колесиками на бронзовом корпусе. Внутри на темном фоне в трех циферблатах двигались толстые и тонкие стрелки.

— Часы с хронографом — полезная штука, — пояснил Рудо Хебер, заметив его взгляд.

— У меня... были похожие — с компасом... — пробормотал Бренн.

— Да ты что?! — с преувеличенным интересом воскликнул рудо, видимо пытаясь разговорить и успокоить его. — Неужто купил?

Бренн усмехнулся, принимая шутку: — Куда там — купил... Мне их подарил герцог нор Байли, когда гулял с принцем Гуннаром по Бхаддуару... Еще до королевской свадьбы...

В кабине повисло молчание. — Мы с Дуги... это друг мой... помогли ему немного, и вот... — решил прояснить ситуацию Бренн, не представляя, зачем он все это рассказывает. Бахвалится, как мелкий канавочник? Есть немного, признался от сам себе, но главное не это. Главное — ему хотелось, чтобы командир корабля, его славный помощник и злющий пожилой мотомеханик с масляными глазками поняли, что он не порх, не преступник, а свободный подданный, и что у него даже водятся знакомые среди высокородных нобилей их страны, которые оценили его помощь...

— Ну и горазд же ты, парень, языком чесать! — яростно нацелил на него Эрк свои мелкие глазки под морщинистыми, как у ящерицы, веками, — герцог наш ему часы подарил! А чо не сам принц Гуннар или император Магнус?

— Эрк, — резко одернул его Рудо, — ты, по ходу, бортач или как? Забыл свои обязанности — шуруй на мост и проверь махалки, как бы чего не вышло. Смени Деорсу на втором мостике, узнай, как наши... С коек не попадали, пока мы машину вертели?

Бренн не слишком понял, о чем говорит пилот, но Эрк, раздув ноздри бугристого носа вышел, лязгнув откатной дверью. Рудо не просто выпнул мотомеханика из кабины из-за того,

что тот постоянно его выбешивал своим поведением и нытьем. В свое время ему самому доводилось пробираться к мотопилонам, выходя на узкие алюминиевые мостки под оглушительный грохот мотора, и он отлично знал, как легко с них навернуться вниз при небольшой оплошности.

— Так, пора за рули, — озабоченно пробормотал он, садясь в кресло пилота. А Бренн, уже напрочь забыв о словах Эрка, внимательно разглядывал брошенную на полку потертую кожаную шапку с железными застежками и ремешками, на которых крепились большие выпуклые стекла с маленькими козырьками.

— Это шлемофон, — усмехнулся Рудо, заметив его интерес и радуясь, что может таким образом «разрядить обстановку». — Ну а сестру твою как звать?

— Айви, — опередила Бренна «названная сестра», подняв зеленые глаза на рыжего авиатора.

— Рудо улыбнулся, с удовольствием отметив, что девушка пришла в себя и оглядывается с явным интересом.

— У меня тоже сестра имеется, постарше правда. В Эббе стенографии учится...

— Чему?

— Сте-но-гра-фии. Так называют умение быстро записывать длинные слова и предложения, обозначая их разными короткими закорючками.

— Зачем? — Айви, покачиваясь, встала, усевшись на жесткое сиденье, настойчиво дожидаясь ответа. «Шустряя у меня сеструха» — пришла к Бренну запоздалая мысль, когда он с досадой осознал, что и сам охотно бы сел позади Рудо.

— Ну, — Рудо с удовольствием смотрел на чумазое лицо красивой зеленоглазки, по которому струйки пота проложили белесые дорожки, — представь, если человек быстро говорит, ты же не успеешь за ним записывать, так? Вот затем стенография и нужна, хотя уже и диктофон изобрели, который записывает за человеком речь.

— Диктофон, — рассеянно повторила девушка, замороженно глядя в окна — на тяжелое колыхание океана и бесконечный горизонт, где темно-зеленые волны розовели под светом рождающегося солнца.

— Интересные дела творятся в дивном городе Бхаддуаре, — Рудо почесал бритый затылок. — Ладно, доберемся до Вальбурга, будем вас пристраивать...

Бренн молчал. Ему казалось, что он задыхается от облегчения и упоительного ощущения свободы.

Глава 25. Лица и Маски

Зрелище расправы над преступником, которого долго терзал тсаккур, помогло Лизарду чуть приглушить ярость. Но не унижение, которое он испытал из-за худородного ублюдка, грохнувшись на землю со спины своего любимца... Жаль, что он не сразу поверил Жрецу, когда тот расписывал способности беглеца в управлении ядзу, считая, что тот специально преувеличивает, чтобы запугать и подчинить себе. Нехотя Лизард согласился подержать беглеца в Узилице, как просил Скаах, но лишь для вида — чтобы выказать внешнее уважение к просьбе учителя. Но на деле, он решил для себя, что будет действовать, как захочется...

И ублюдок смылся... Причем на этот раз — ушел за горизонт, на поганом дирижабле энраддцев, будь они прокляты. Но это не значит, что он отказался от своего решения избавиться от уroda. Особенно теперь, когда простолюдин растоптал его тщеславие, с ухмылкой глядя на него сверху вниз, повиснув на штормтрапе небесного судна. Эта белозубая ухмылка на грязном окровавленном лице не давала прионсу покоя.

Просто теперь все надо как следует продумать, и воспользоваться помощью учителя по полной. Тот был на грани помешательства, когда увидел, в каком состоянии находился Лизард после погони за худородным недоростком. Лизард поморщился от боли в спине — едва слышной, благодаря снадобьям лекарей Непорочных, но раздражающей и напоминающей об испытанном унижении. Однако следует отвлечься — было еще одно важное дело, которое ему следует завершить. Навестить младшую сестру, которую он не видел со дня свадебных церемоний.

Прионса сидела спиной к двери перед большим старинным зеркалом и расчесывала сверкающие в огнях свечей золотисто-медные волосы, локонами сбегаящие по обнаженной спине до самого пола. Легкое удивление от того, что сестра принимает его в своих покоях совершенно голой, быстро испарилось. Губы Лизарда искривились в усмешке, — это было забавно — то, как быстро невинная дева со строгим воспитанием в удаленной цитадели, раскрыла свое истинное нутро через несколько дней после первой брачной ночи.

И первой ли? Как Лизард не выпытывал у матери о причинах столь молниеносного Супружеского соединения Илайны с принцем Энрадда, она так и не ответила ему, лишь загадочно улыбалась. Правда через день после исцеления слепца и безногой бабы королева занемогла и не появлялась на людях. «Надорвалась, бедняжка», за нас душой и сердцем болеет... — передали ему слова черни, ублаженной представлением перед Храмом.

Илайна даже не обернулась — в зеркале он встретился с ее равнодушным взглядом. — Какие заботы привели тебя ко мне, братец?

Ее опухшие губки изогнулись в двусмысленной улыбке. Она не стеснялась своей наготы, и не сделала даже неосознанного движения, чтобы прикрыть торчащие в стороны полные грудки с окрашенными хной красными сосками. Не отвечая, он развалился в кресле, с интересом рассматривая тело сестры, которое будто излучало теплое сияние.

— Ты после первой брачной ночи стала такой бесстыжей, сестрица, или тебя всему обучили евнухи в Девичьих садах?

— Уж тебе то какое до этого дело, братец? — сверкнули белые зубки, заискрились весельем зеленые глаза, и она звонко расхохоталась, — с твоими разносторонними

половыми склонностями...

— Дело не в склонностях, а в скромности, — нравоучительно одернул сестру Лизард, откинув назад белокурые локоны, рассыпавшиеся по спинке кресла.

— И ты явился поучить меня скромности, — она опять рассмеялась, — смешно...

— Ты накрасила соски, как хусра, — грубо заметил прионс, — бедная матушка, если б она видела, как ее, якобы целомудренная, дочь пускает в ход уловки обитательниц Веселых домов, — он ухмыльнулся. — Теперь понятно, как ты так проворно ухватила за член Гуннара, что он ходит за тобой, пуская слюни...

— Ты меня утомляешь, братец, своими грязными фантазиями... — Илайна резко повернулась к нему. Он разглядывал ее задрожавшие от быстрого движения груди, нежный живот и манящую впадинку меж широко раздвинутых ног.

— Я пришел серьезно поговорить о причинах стремительности свадебной церемонии, так спешно организованной нашей матушкой... Или ты не желаешь о них рассказать, сестренка?

— Ну почему же? — Прионса хитро глянула на Лизарда. — Причин много. Разных. Причина для подданных — это внезапно вспыхнувшая страсть между мной и принцем с севера... Страсть, с которой мы не смогли совладать, и потому мои родители были вынуждены поскорее назначить день Соединения... Все рыдают от умиления и восторга!

Лизард тяжело смотрел на сестру, ожидая продолжения... Она повела медовыми плечами и принялась наглаживать низ живота. — Причина для моего свежее испеченного муженька и его батюшки — императора Энрадда — случившееся во время бурного совокупления зачатие...

Лизард напрягся, готовый вскочить и заорать от ярости. Вот этого он не ждал.

— Сам понимаешь, братец, — продолжала прионса, — в этом случае медлить с замужеством обесчещенной беременной девы королевской крови ну никак невозможно!

Прионс подался вперед: — Ты знаешь, кто родится?

— Естественно, — прионса снова погладила низ живота, — там внутри проросло два семени, очень ценных... — наследники обеих полов. Мальчик и девочка. — Бедная матушка, — всхлипнула она и тут же засмеялась, — даже не знаю при ее теперешнем состоянии, дождется ли она рождения внуков. Что-то ей совсем худо....

— Как я понимаю, сестра, — бесцветные глаза Лизарда устали на нее черными дырами зрачков — ты обеспечишь себе безопасность, подарив Энрадду отпрысков династии Крейгов... А когда император Магнус со временем упокоится и управлять империей станет Гуннар, ты....

— Даа, ты правильно понимаешь, — девушка, как кошка, облизнула губы влажным розовым языком. — Я стану императрицей Энрадда. Правда, ты забыл, что отпрыски принадлежат еще и генусу Сарэй. Но их судьбы — это наше будущее. А самое важное сейчас — то, что по закону, установленному в древности королевой Маф, совсем скоро я стану властительницей Лаара.

Кожа на скулах Лизарда побелела от злости. — А не слишком жирно для тебя будет, сестра — владеть Энраддом и Лааром? Было бы справедливо, если б ты поделилась с единственным братом и оставила Лаар мне?

— О, нет-нет-нет, — захихикала принцесса, — король на троне с нездоровыми предпочтениями в постели — позор для государства. Людишки, конечно, привыкли к извращенным половым радостям и пыткам себе подобных, но они все ханжи до мозга

костей, и потому весьма придирчивы, когда дело касается трона. Здесь — все должно быть незыблемо и благопристойно. Тем более, когда речь идет о тебе, — ты никогда не затруднялся скрывать свои кровавые пристрастия, и тебя не любит ни чернь, ни нобили, считая больным на голову. К тому же — все крепко сомневаются, что ты сможешь зачать здорового наследника. А вот невинную прелестную прионсу подданные обожают, — она принялась играть с сосками, вытягивая и отпуская их.

— Я заставлю полюбить себя, — усмехнулся Лизард, — а половые радости, когда я стану королем, сразу понравятся всем и станут нормой.

— Еще чего не хватало — людишки должны беспрестанно плодиться и размножаться. А коли все станут брать пример с короля, холя свои задницы и совокупляясь с кем попало, — страна вымрет. И, вообще, мне не интересные твои фантазии, Лизард, — голос прионсы стал холодным, — можешь идти мечтать дальше...

Красивое лицо инфанта исказилось, губы сошлись в нитку. — Ты забываешься, дрянь, — зашипел он, — если тебя сумели спасти от рухов, то в следующий раз — не выйдет. Здесь во дворце многое может случиться с брюхатой принцессой и ее муженьком...

— А вот это интересно, — девушка, изгибаясь в кресле, стала мять и поглаживать груди, — значит, это твоих рук дело — нападение на меня по пути в Бхаддуар? И как я сразу не догадалась — ты же так любишь хищных птичек...

— И у тебя, сестрица, есть доказательства? Побежишь жаловаться папеньке?

Прионса усмехнулась. — Сама справлюсь, братец. Знаю, тебя не слишком волнуют женщины? Но вдруг тебе понравится еще одно возбуждающее извращение — переспать с брюхатой сестрой? — девушка сунула пальцы в промежность и, приоткрыв рот, стала постанывать. — Или все же мешает кровное родство?

Принц, раздувая ноздри, с отвращением глядя на Илайну, резко поднялся: — Меня возбуждают женщины, когда я слышу их визг. И кровное родство — тому не помеха.

В один шаг он оказался рядом с прионсой, и грубо схватив за волосы, закинул ей голову, чуть не сломав шею, второй рукой сильно сжал одну грудь, впиваясь ногтями в кожу. Но молодая женщина лишь хриловато рассмеялась, высовывая язык, что привело Лизарда в состояние садистского транса. Его лицо побагровело и глаза стали почти белыми на фоне покрасневшей кожи: — Сейчас я устрою тебе выкидыш с тяжелыми последствиями, — стискивая ее грудь, он схватил со столика свечу и почувствовал, как пах наливается острым сладким жаром в предвкушении того, как пламя свечи воткнется прямо в сосок наглой девки. Ее матка начнет сокращаться от боли и выталкивать зародыш. А он будет с упоением наблюдать, как она истекает кровью, суча ногами и вереща. И никто ничего не поймет — ее вопли и корчи будут естественны при таком несчастье, как выкидыш, — холодно мелькнула мысль в воспаленном мозгу.

Огонь лизнул красный торчащий сосок прионсы... Хрясь! — что-то ударило Лизарда в горло, прямо под кадык, — с такой силой, что он, отлетел от сестры, ударившись спиной о подлокотник тяжелого кресла и, рухнул задом на ковер, задыхаясь и хрипя. Плавно откинув волну волос, прионса снова повернулась к зеркалу, и сквозь острую боль в горле, он услышал ее хихиканье.

— Ты еще больший дурак, чем я считала, дитя мое, — вдруг прозвучал в тишине серебристо-холодоватый спокойный голос Элмеры.

Он вскинулся — неужто мать пришла в себя и решила навестить новобрачную? Она слышала и видела, что тут происходило? Прионс раздраженно смахнул со лба мокрые от

пота кудри и обернулся. В покоях никого не было, кроме них с сестрой.

— Твоя сестра умна и прелестна, не правда ли, Лизард, — тихо прошелестел шепот, и он невольно посмотрел на сияющие медью волосы и упругие нежные ягодицы Илайны. Потом медленно, почти нехотя, перевел взгляд на лицо сестры в зеркале, предвидя, что опять натолкнется на ненавистную усмешку пухлых розовых губок.

— Ушибся? — с нежной заботой пропел голос матери. И Лизард, вытаращив глаза, уставился вглубь холодно мерцающей поверхности. Илайна, изогнув тонкую талию, все также расчесывала волосы, но вместо ее лица, ласково улыбаясь, из зеркала на Лизарда смотрело лицо королевы Элмеры.

— Поделом тебе, сынок, — проворковала женщина, — ты слишком несдержан. Всю жизнь я пыталась оградить тебя от ненужных потрясений, но теперь вижу, что ты способен наделать много глупостей, и думаю, пора рассказать тебе сказку... про нашу жизнь.

— Ваше Величество.... Матушка... — просипел Лизард, не отрывая глаз от постаревшего лица матери, которое еще несколько дней назад выглядело гораздо моложе. — Что с вами? Вы... заболели? — Он не понимал, что происходит. Тело юной девушки неприятно контрастировало с морщинистой шеей и лицом пожилой женщины.

— Помолчи, — голос матери стал строгим. — Мне так нравится это шелковистое тело — налюбоваться на него не могу.... — Бледно-голубые глаза подернулись поволокой. — А ты едва не изуродовал его! — вдруг исторгся изо рта королевы хриплый от злости вопль, и Лизард едва не подпрыгнул. Желудок скрутило от страха — он всегда считал, что боится разочарованного в нем отца, и пренебрегал рассеянной добротой погруженной в себя матери. Но сейчас вдруг понял, что до потери дыхания страшится именно ее гнева. И всю жизнь страшился, только не верил сам себе.

— Ты хотел умертвить родную сестру, мой мальчик? — спокойно спросила королева своим обычным хрустальным голосом, приложив к груди ожерелье из розового жемчуга. — Твое желание понятно. Но непредусмотрительно.

Ее прозрачные глаза в зеркале удерживали взгляд сына, и он не в силах был даже моргнуть. — А что, если эта девка зачем-то нужна?! Мне! По причинам, недоступным твоему скудному уму! — голос королевы опять набрал силу, превратившись из журчащего ручейка в грубое карканье, наполненное злобным презрением. Презрением к нему — к Лизарду!

Элмера будто выплюнула последние слова, но слюна поползла не по глади зеркала, а по лицу прионса. Он не мог даже поднять руку, чтобы стереть вязкую слизь, и лишь смотрел, как сидя к нему спиной, королева поворачивает голову на морщинистой шее, глядя на него через гладкое и юное златокожее плечо. Затем раздался неприятный хруст, и Лизарда затошнило, — Элмера продолжала поворачивать голову, как сова, пока ее шея не скрутилась, будто выжатая тряпка. При этом ее руки все также неспешно расчесывали волосы, падающие ей теперь сзади на молодые, торчащие в стороны, груди.

— Девка, которую ты считаешь своей родной сестрой, сбежала. Ее ищут уже неделю, но столица из-за этой поганой свадьбы, как назло, забита людишками... — нехотя буркнула Элмера.

— Ссчитаю... а кто же она на самом деле, мматушка... — сумел произнести Лизард.

— На самом деле? На самом деле — это твоя мерзкая кузина — отрыжка Олларда и его подохшей в родах супружницы Цецилии — тетки твоей, — переливчато засмеялась королева. — Не зря советник ан Оллард всегда был так заботлив с девкой — чует, чует в ней

свою кровь...

— Но... но зачем вы... зачем она вам была нужна, ваше величество, — выдавил из себя Лизард, пытаясь понять всю паутину замыслов матери.

— Чтобы выдать их новорожденную сучку за свою дочь, конечно... Она похожа на Готфрида — на это и был расчет!

Лизард ничего не понимал. Мать избавилась от младшей сестры короля, вышедшей замуж за рея Олларда, чтобы забрать ее дочь и выдать за свою — но зачем?! — Но зачем, матушка?! Ведь по закону вам придется передать власть ей?! — завопил Лизард в ярости — страх перед темной ядзу матери побледнел под напором возмущения и негодования.

— Власть? Девке Олларда? — рассеянно пробормотала королева, задумавшись, и остановив взгляд на сыне, добавила: — Дурачок...

Лизард проглотил оскорбление, и, поняв, что уже ничего не может и не должен скрывать от этой всемогущей женщины, выговорил: — Ваше Величество, я не желал беспокоить вас, но возникла еще одна проблема. Дело в том... В общем, полгода назад на руке простолюдина я случайно увидел... канги...

— Ты ошибся! — От волнения королева резко развернулась грудью вперед, издав тот же ужасный хруст хрящей при повороте шеи — изъеденное временем лицо пожилой женщины отвратительно контрастировало с телом молодой девушки. "Все же — почему она так постарела?" — вклинилась неуместная мысль в мешанину других, важных мыслей, мучающих Лизарда в данный момент. — Я хорошо разглядел рисунок, — глухо произнес прионс.

— Кто носил знак? — уже спокойно спросила Элмера, но Лизард чувствовал, как под маской бесстрастия в ней клокочет бешенство.

— Белобрысый оборванец. Он... он смутно напоминал кого-то. Когда я заметил канги, то подумал, что вдруг этот простолюдин... ну, может оказаться каким-то дальним родственником... — губы прионса изломала осторожная пренебрежительная ухмылка, — хотя я не понимаю, как такое может быть. И потому решил, что...

— Ты уничтожил эту дурную поросль? — Лицо королевы стало мучнисто-белым. — Я надеюсь, — тихо добавила она, сверля сына глазами. — Говори! — прошипела она, видя его колебания. Прионс стал покрывать поцелуями голые ступни матери, чтобы умерить ее гнев, но она с отвращением толкнула его босой ногой прямо в лицо, как ничтожного порха.

— Там было много сброда, ваше величество... И он сумел сбежать... но я узнал, узнал — заторопился он с объяснениями, видя как раздуваются от гнева изящные ноздри королевы, — и отправил за ним своих людей. Но жадные скорпы продали его владельцу Казаросса ан Хурцу.

Лизард частил, захлебываясь слюной: — Недавно, как только мне сообщили, что он еще жив, я велел немедленно принести мне его отрезанную голову, но простолюдин... Он сбежал из Казаросса после Игр живцов — никто не ожидал...

— Сбежал второй раз? — поджав усохшие губы, задала Элмера вопрос, не требующий ответа. — Шустрая худородная крыса сбежала от тебя второй раз!? Ты ничтожен. Ты должен был сам истребить его.

— Вы совершенно правы, матушка, — закивал Лизард. — Я не подумал...

— Ты не подумал, — повторила королева и замолчала. Пауза длилась, и Лизард не смел шевельнуться, хотя его спина разламывалась, а колени болели так, будто он стоял не на пышном ковре, а на мелких острых камнях. Когда он был уже готов свалиться на бок, она,

наконец, очнулась. — Простолюдин не просто так напомнил тебе кого-то. Уверена, это — отродье твоего брата Рунара. А ведь когда он вошел в возраст, я уничтожала всех самок, которые дали повод заподозрить их в том, что они зачали от него. И nobless, и худородных девок. Но одна, судя по всему, увернулась от возмездия и родила бастарда, — королева брезгливо поджала губы.

— Я... я был пьян тогда, и не слишком придавал значение этому малолетнему отбросу... — оправдывался Лизард. — Не видел особой угрозы, хотя и взбесился, увидав знак...

— И где сейчас этот ублюдок с канги? — медленно и, казалось бы, спокойно произнесла Элмера, но ее скрючившиеся пальцы странно подергивались. — Чую, что ты и в третий раз упустил его! — уже не спрашивала, а жестко констатировала она с презрением глядя на сына. Лизард покрылся потом, кудри на лбу слиплись, по спине текли холодные струйки.

— Ма... Ваше Величество... — сумел просипеть он и срывающимся голосом начал рассказывать об охоте на беглецов под тяжелым взглядом бледно-голубых глаз.

— Что?! Он подвесил тебя в воздухе?

— Да, да, ваше величество! — вскричал прионс. — Я старался, но почти ничего не успел сделать — я завис на тсаккуре в воздухе, как муха в смоле, и он...

— Этот выкидыш Рунара силен, — уставилась королева на Лизарда, глядя сквозь него. — Управлять струями времени мог только один человек, которого я знала, — король Вермунд Златоокий.

— Златоокий... — растерянно повторил прионс. — Я вспомнил — у простолюдина были пестрые глаза — ярко-синий и светло-золотистый, как мед, или солнечный камень...

— Синий и золотой! — прошептала Элмера. — Ярко-синие глаза Чарлага, которые за прошедшие века стали бледно-голубыми, показывая, как истощилась в нас его могучая темная яджу... И золотые очи Вермунда... которых я не встречала за это время ни разу... Кто мать этого ублюдка! Где она?

— Насколько я понял, он сирота... приемыш кузнеца... — залепетал Лизард, даже не помышляя встать с колен, так пугала его эта почти незнакомая женщина. — И еще... я забыл сказать... я не уверен, важно ли это, но только канги у него был немного другим...

— Каким другим? — прошипела Элмера, резко подавшись вперед, от чего ее груди с красными сосками запрыгали перед лицом прионса. — Каким другим?!

— Ээ, выпуклым, черно-багровым, ярким... гораздо ярче, чем у меня... или даже у вас, ваше величество. И еще — этот канги был двойным... Двуспиральным...

Королева застыла. И сидела так несколько минут, щелкая суставами пальцев. Лизард никогда не замечал у матери такой неприятной привычки.

— Пестрые глаза. Двойной канги. Ублюдок несет в себе две струи крови генуса Сарэй, — глядя перед собой бормотала Элмера. — Кровь Вермунда и кровь Чарлага. И потому сила его со временем может стать безмерной. Значит, девка, которую покрыл Рунар, была из ветви Вермунда. — Она тяжело задышала. — А ведь я вычистила всю поросль батюшки и дядюшки. Всех ублюдков, законных и внебрачных, и даже брюхатых потаскух сожгла.

Лизарду казалось, что королева бредит. Он напрягся, внимательно разглядывая ее подергивающееся лицо, щелкающие пальцы. Мать помешалась, — мелькнула догадка, — а он трясется и лижет ей ноги, как заразная хусра, приговоренная к смерти. Чуть не обоссался.

А мать просто напросто сошла с ума!

Понемногу приходя в себя и обретая уверенность, прионс поднялся с колен и сел в кресло, продолжая наблюдать за королевой. — Матушка, все, о чем вы говорите — это дела давно минувших дней. Наши пращуры Чарлаг и Вермунд жили полтысячи лет назад. — Он говорил медленно, как говорят с душевнобольными. Элмера молчала, исподлобья глядя на сына, но, ему опять казалось, что смотрит она сквозь него, не видя и не слыша. Подпустив в голос умиротворяющих ноток, Лизард продолжал: — В те давние времена, матушка, бешеного короля Чарлага, помешанного на поклонении тьме и пожиравшего младенцев, победила его чистая прекрасная дочь — королева Маф.

С невольным уважением Лизард бросил взгляд на огромный портрет великой воительницы, воссозданный по сохранившимся фрескам, знаменитым живописцем Феодором. — Вы так похожи на нее...

— Естественно, сынок. — Растянув губы в ласковой улыбке, королева пристально смотрела на него бледными гадючьими глазами. — Как же можно быть не похожей на саму себя.

Лизард заерзал, ища выход, — здесь срочно нужен Скаах, он решит вопрос. Мать надо немедленно изолировать и интенсивно лечить... Или просто изолировать? Он невольно задумался, как поступить, и в этот момент его мысли прервал странный скрипучий голос, заставивший его вздрогнуть.

— И вот чем я становлюсь без свежей крови, наполненной жизнью и сиянием молодости... — Элмера медленно провела ладонью от темени до подбородка. Сверху вниз. Ее голова затряслась. Блестящие пышные локоны тускнели, опали, оголяя проплешины розовато-серого скальпа. Вместо голубых глаз матери на Лизарда смотрели белесые старушечьи глаза под складчатыми веками. Гладкое тело превращалось в морщинистую изжеванную временем плоть. А все еще молодая ладонь продолжала движение вдоль стремительно меняющегося тела. Сверху вниз.

Лизард в ужасе уставился на существо, сидящее напротив, не в силах осознать происходящее. Перед ним предстала дряхлая старуха с грязно-серой, слоями свисающей кожей и сморщенными грудями. Лизарда передернуло от гадливости и страха. Длинным желтым языком старуха облизала впавший беззубый рот и вдруг мелко захихикала. — Я твоя мать и твой пращур — невинная и обожаемая чернью Маф! — прокаркала старуха. — Поди ко мне, сынок, я тебя поцелую, дитя мое.

Породившее его существо протянуло к нему дряблые костлявые руки с длинными желтыми ногтями, и Лизард шарахнулся в сторону, лишь бы не дать им прикоснуться к себе. Даже к своему камзолу.

— Брезгуешь своей матушкой, неблагодарная тварь! — заорала королева Маф, широко раскрывая черную впадину рта. Ее холодные глаза с черными точками зрачков впились в глаза Лизарда, и он почувствовал себя наколотым на булавку жуком. — Дети — лишь мерзостные отрывки человеческого тела, навроде дерьма. Только в отличие от него, отродья твои алчут пожрать тебя, высосать твои силы и втоптать в землю, чтобы самим владеть всем, принадлежащим тебе по праву! Мне по праву!

Не по своей воле Лизард снова сполз с кресла, упав на колени перед кошмарной старухой, чувствуя, как по ляжкам течет горячая моча.

— Твой брат Рунар был куда мощнее тебя в ядзу, умнее и любопытнее, и слишком о многом стал догадываться. — Королева помолчала, удовлетворенно наблюдая, как корчится

в мокрых штанах ее отпрыск, и уже совершенно спокойно добавила: — Поэтому я велела умертвить его, пока он не вошел в полную силу.

Горло Лизарда в миг пересохло, и он тяжело закашлялся. А старуха, не давая опомниться, продолжала долбить ему голову: — Ты же в сравнении с ним туповат, пропитан извращенными желаниями и обделен силой — твой канги, в отличие от знака Рунара, едва заметен. Ты жалок и не представляешь для меня угрозы.

— Ннне представляю... матуш..., — пытался пролепетать прионс, уже не в силах назвать матерью сидевшее напротив древнее существо. Неотрывно наблюдая за ним, старуха принялась наглаживать свою дряблую плоть, что-то хрипло бормоча, издавая порой странные утробные звуки, от которых по коже Лизарда бежали мурашки. Он зажмурился, отказываясь смотреть и слушать.

— И только поэтому ты до сих пор жив, сынок, — карканье Маф вновь превратилось в журчащий голос Элмеры. — Пока жив. И, пожалуй, еще даже пригодишься...

— Да, ваше величество, — прохрипел прионс, хватая ртом воздух.

— Открой глаза, Лизард! — услышал он властный голос королевы. Он с трудом разлепил сжатые до судорог веки, и едва перевел дыхание. Перед ним сидела Элмера Милостивая, накинувшая на плечи легкий пеньюар.

— Я поручаю тебе... сынок, отыскать свою блудную кузину живой, здоровой и доставить ко мне. Но так, чтобы никто не видел ее лица. Никто! Справишься с этим несложным делом, и можешь больше не скулить — я сделаю тебя правителем Лаара. А затем и властителем Ариании...

Прионс, продолжая стоять на коленях на мокром от мочи ковре, еще ниже склонился в поклоне, чувствуя возбужденный трепет во всем теле. Он не мог разобраться в своих ощущениях — преклонение, восторг, ужас и неслыханные перспективы, о которых он не мог даже мечтать, трепали его мозг и душу. — Я справлюсь, ваше величество! Я думаю...

— Продолжай, сынок... — поощрила его королева. Маф? Элмера? Он уже не понимал.

— С простолюдином, когда он бежал на дирижабле Энрадда... с ним была девка — я почти не разглядел ее лица, но в какой-то момент она показалась мне похожей на... на прионсу... на кузину. Может из-за цвета ее волос...

— Конечно, это была она, — пожала плечом королева, ни капли не удивившись. — Все совпало, все сложилось.

Лизард молчал, не смея прервать размышления своей госпожи.

— Ну, что же — это очень кстати, что отродье Рунара и девка Олларда отправились в Энрадд. Нам по пути, — холодно и удовлетворенно, как наевшаяся насекомых ящерица, улыбнулась Элмера.

— По пути? — запинаясь, повторил Лизард.

— Очень скоро я сама собираюсь посетить Энрадд со своим молодым супругом, чтобы совершить свадебный обряд по традициям этой северной страны. И между делом очаровать императора Магнуса. И даже возьму тебя с собой, сынок, как своего любимого братца. Ведь для всех я — прионса Илайна, которая через пару дней, когда ее матушка — королева Элмера, — благополучно отправится на тот свет, станет королевой Лаара.

— Ааа как же...

— Замолчи! — оборвала сына Элмера. — После родов я вплотную займусь императором, а тебе подарю Лаар. Для начала, чтобы у тебя проснулся аппетит... А сейчас наша главная задача — отловить твою кузину и ублюдка твоего брата.

Чуть успокоившись, Лизард глубоко вздохнул, решаясь задать следующий вопрос. — Матушка, а что мы... вы с ними собираетесь делать?

Королева усмехнулась. — Наедине зови меня госпожой, Лизард.

Прионс снова мелко закивал, даже не думая возражать. Именно так он думал теперь о ней — о королеве Маф, дозволившая ему родиться и жить.

— Ты видел мое истинное обличье. И содрогнулся. Так вот — девка Олларда мне нужна, чтобы я была ею, переняв ее облик, и по капле выщезивая из нее молодость во время ритуала... Особого ритуала. Благодаря ему я продолжаю свое существование уже полтысячи лет, наслаждаясь радостями жизни и совокупляясь с молодыми тупыми самцами вроде принца Гуннара.

— Понимаю, госпожа, — прошептал Лизард, запоминая каждое слово.

— Примерно раз в пятнадцать-двадцать лет, иногда чаще или реже, мне требуется младенец женского пола, чтобы я могла выдать его за свою дочь. И вырастив ее до возраста, когда по закону она может стать властительницей Лаара, использовать ее. Как сейчас я использовала эту девку — Илайну. Но использовала лишь один раз! Ее похитил ублюдок твоего брата! И сейчас у меня совсем немного времени, чтобы добыть дочь Олларда для следующих «трапез». Через пару лет, когда она иссохнет на Черном камне, подойдет и другая, похожая на нее. Главное — молодая. И так — до следующей моей «беременности» здоровой дочерью.

Лизард кивал, изображая понимание, хотя уже запутался в паутине, сотканной за века королевой Маф с помощью черной ядзу. Ритуал... Он должен сделать все, чтобы это существо, его мать, его пращур, доверилось ему полностью...

— А сын Рунара, госпожа?

— Отродье Рунара станет тем, кем его собирался сделать твой глупый учитель — Верховный жрец Скаах ан Хар. «Овцой» с кровью двух ветвей генуса Сарэй. Не надейся — я вижу, что ты обо всем проболтался Жрецу, хилый недоумок Готфрида! — завопила Элмера, и Лизард осел на пол, с ужасом наблюдая, как сквозь ее лицо пробивается оскал старухи Маф. Через пару минут, когда прионс уже не верил в прощение, королева щелкнула пальцами и продолжила:

— Но это поправимо и даже полезно, к счастью для тебя. Пусть Скаах тужится и рвет жилы, чтобы добыть мальчишку. Пусть надеется и помогает тебе, тратя время и силы. Это хорошо. А ублюдка Рунара я выжму досуха, выпью его ядзу до капли... Этот ненужный мне потомок даст то, о чем я не могла мечтать, скованная возможностью применять лишь одну ветвь ядзу. Но овладев силой обоих братьев — Чарлага и Вермунда — я стану всесильной, упиваясь вечной молодостью и властью...

Изо рта Элмеры потянулась струйка слюны, ее изящные черты исказились от вожделения, глаза побелели, выкатываясь из орбит. Она мечтала.

— Могу я спросить, госпожа? — осторожно задал вопрос Лизард, когда Милостивая пришла в себя, очнувшись от грез. Элмера молча кивнула.

— Как случилось, что дознаватели Непорочных не отыскиали ядзу в сыне Рунара, когда его проверяли на скверну?

— Все просто. Их процедуры настроены лишь на струю Чарлага. И потому смешанную свернувшуюся в двойную спираль ядзу их приборы распознать не смогли...

— Ааа кто же сейчас болеет в ваших покоях, госпожа?

— Едва живая тушка моей старой служанки. Пока я поддерживаю в ней жизнь, чтобы в

нужный момент умертвить, — равнодушно пояснила Милостивая.

— А как же батюшка?

— И его черед придет, когда мне это будет потребно, — с улыбкой ответила Элмера. — И твой черед, сынок, если ты только подумаешь о том, чтобы использовать меня, а затем устранить...

Кожа Лизарда покрылась красными пятнами. — Как вы могли так подумать, госпожа, — залепетал он, помертвев от ужаса.

— Тебе надо сменить штаны, — брезгливо скривила рот королева Маф в облике Элмеры. — Поди прочь, сын Готфрида! Ты воняешь, как порх...

— Вальбург, — сообщил Рудо, чуть прищурился от удовольствия глаза, — было понятно, что он здорово рад, увидев родные берега. Дирижабль пошел на снижение и город раскрывался перед Бренном, распахивая ему объятия двумя крыльями огромного порта, где парусные суда толпились рядом с махинами железных кораблей, и длинные стрелы живущих своей жизнью кранов устремлялись вверх, как причальные вышки. А за портом высились светлые высокие здания, башни и мосты, купола храмов и величаво плывущие в небе малые и большие дирижабли самых разнообразных конструкций.

Даже Айви задышала чаще от восторга перед открывшимся видом. Бренн смотрел и впитывал все новое, манящее и зовущее, напрочь забыв о том, будет ли здесь — на другом берегу страшного Лютого океана — работать его драгоценное ядзу. Плевать! Это все потом. А сейчас он мог думать лишь о том, что ждет его в чужой стране. Что задумал хитрец Перу-Пели, выдернувший его из передряг в Лааре и швырнувший на железный пол небесного корабля Энрадда. Скоро он узнает.

Больше книг на сайте - Knigoed.net